
ОГОНЁК
№ 40 ОКТЯБРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Во время пребывания рабочей делегации Германской Демократической Республики в Донбассе немецкий шахтер Кристоф Вебер познакомился со знатным советским горняком лауреатом Сталинской премии Ефимом Стародубцевым. На снимке: Ефим Стародубцев и Кристоф Вебер.

Фото Б. Виткова.

На первой странице обложки: Берлин. Аллея Сталина.

Фото А. Гостева.

На последней странице обложки: На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Рисунок В. Щеглова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 40 (1425) 3 ОКТЯБРЯ 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПЯТЬ ЛЕТ

Вильгельм ПИК,
Президент Германской Демократической Республики

7 октября Германская Демократическая Республика торжественно отмечает пятилетие со дня своего основания. Пять лет в истории народа — небольшой срок. Но за этот короткий промежуток времени Германская Демократическая Республика показала, что она является первым на немецкой земле миролюбивым и подлинно демократическим государством.

Этот исторический сдвиг обусловлен коренным изменением характера государственной власти и отношений собственности. После того, как Советская Армия одержала победу над гитлеровскими вооруженными силами, в нашей части Германии была навсегда отнята у воинствующих милитаристов возможность готовить новые захватнические походы против других народов. Власть перешла в руки сплотившего свои ряды рабочего класса, который в союзе с трудящимся крестьянством и творческой интеллигенцией заложил основы для мирного развития. За истекшие пять лет рабоче-крестьянская власть в Германской Демократической Республике укрепилась и приступила к построению фундамента социализма. Благодаря усилиям наших трудящихся и дружеской помощи Советского Союза и стран народной демократии оказалось также возможным на основе политики нового курса значительно поднять материальное благосостояние народных масс. Это привело к тому, что в ходе борьбы за мирное разрешение германского вопроса возросла притягательная сила нашей республики. Германская Демократическая Республика за первые пять лет ее существования стала прочным оплотом миролюбивых и демократических сил всей Германии.

Как это и соответствует природе народной власти, Германская Демократическая Республика ведет политику мира и дружественных отношений со всеми странами, особенно с соседями Германии. Дружба и братское сотрудничество связывают нас с народно-демократическими государствами и великим Советским Союзом. Немецкий народ обязан Советскому Союзу не только своим освобождением от фашизма: советские люди оказали также бо́льшую помощь демократическим и социалистическим силам при установлении антифашистского, демократического порядка. Советские специалисты помогали нам своими знаниями и опытом в восстановлении нашего народного хозяйства. Советское правительство неустанно выступает за мирное разрешение германской проблемы и ведет настойчивую борьбу против раскольнических, агрессивных планов американских империалистических кругов. Советское правительство освободило нас от уплаты репараций и значительно облегчило финансово-экономические обязательства ГДР, связанные с последствиями войны. Советский Союз предоставил нашей республике суверенитет. Тем самым Советский Союз помог упрочению позиций демократических сил всей Германии, борющихся за мирное разрешение германского вопроса. Свою благодарность Советскому Союзу немецкие патриоты выразят укреплением дружбы между немецким народом и народами СССР, верным служением делу мира.

Перед Германской Демократической Республикой стоит историческая задача — бороться за мирное воссоединение Германии на демократических началах. В этой борьбе нет места компромиссам со старыми силами агрессивного германского империализма и милитаризма, которые с американской помощью вновь подняли голову в Западной Германии. Есть только одно мирное решение германского вопроса. Это признают и многие буржуазные политические деятели капиталистических стран, прежде всего Франции. Они признают, что правящие круги Западной Германии стремятся восстановить фашистский вермахт и что из кругов западногерманских милитаристов исходит угроза новой мировой войны.

Германская Демократическая Республика приложит все силы к тому, чтобы объединить всех миролюбивых немцев в борьбе против этих преступных элементов и добиться общенемецкого взаимопонимания. Мы выступаем за общеевропейский договор о коллективной безопасности, ибо в его рамках может быть достигнуто также и мирное воссоединение Германии и осуществление тем самым великого национального чаяния нашего народа. Миролюбивая Германия возможна, если лишить власти поджигателей войны и создать прочные гарантии для демократического развития во всей Германии. Это показала за пять лет своего существования Германская Демократическая Республика. В этом духе она будет и дальше выполнять свою великую национальную и важную международную миссию.

W. Pieck

Вильгельм Пик на митинге в Берлине, посвященном памяти жертв фашизма. Сентябрь 1954 года.
Фото А. Гостева.

ВЕЛИКИЕ ПЕРЕМЕНЫ

А. ВАРШАВСКИЙ, А. ГОСТЕВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Накануне пятой годовщины Германской Демократической Республики корреспонденты «Огонька» побывали во многих ее городах и селениях, беседовали с людьми различного жизненного опыта, разных профессий. Каждому из них был задан вопрос: «Какое событие, какие факты общественной или вашей личной жизни произвели на вас наибольшее впечатление в этом году — пятом году существования ГДР?»
Соединенные вместе, эти ответы явились как бы эскизом широкой, полнокровной картины жизни Германской Демократической Республики за последний год — год великой инициативы, как его здесь называют.
Часть ответов публикуется ниже.

НАШ ВКЛАД

Завод, принадлежавший ранее компании «Бергман», почти полностью был разрушен американской авиацией. Его восстанавливали совместными усилиями рабочие Восточного и Западного Берлина. Среди добровольцев, пришедших с Запада, активнее всех участвовал в восстановительных работах коллектив завода «Борзиг». Этим и объясняется двойное название предприятия — «Бергман — Борзиг». Сегодня, когда завод расширен и перестроен, на нем продолжает трудиться много рабочих, проживающих и в западных секторах германской столицы.

— Главное событие этого года? — переспрашивает директор Кнак (на снимке — первый слева) и кратко формулирует свой ответ: — Разумеется, это те события, которые касаются не только нас, немцев, но по меньшей мере всех народов Европы. Это крах американских планов создания «европейской армии». Это резкий подъем массового движения в нашем немецком народе за единство Германии, против предательской политики Аденауэра, против ремилитаризации и фашизации Западной Германии...

Вклад нашего заводского коллектива в эту борьбу? Он выражается в том, что мы проводим в жизнь провозглашенную на IV съезде СЕПГ программу обеспечения электроэнергией промышленных предприятий. Большой радостью в этом году была для меня весть о том, что изготовленные нашим заводом первые мощные турбогенераторы уже дают ток и работают хорошо. Сейчас мы строим еще более мощные турбины — одна из них могла бы полностью обеспечить электроэнергией, скажем, такой город, как Галле. Но мы можем строить и более мощные агрегаты. А знаете, с чего начинал наш завод пять лет назад? С электроутюгов...

СИМПАТИИ К НАШЕЙ РЕСПУБЛИКЕ РАСТУТ

Бригадиру ремонтного цеха этого же завода Отто Косеригу задать наш вопрос оказалось не так просто.

После первых же слов приветствия он начинает возбужденно — будто кто-то несогласен с ним — рассказывать о бедственном положении рабочих Западного Берлина. Он сам живет во французском секторе. Его дочь замужем за безработным... А вчера к жене зашел сосед и попросил купить у него несколько коробок спичек. Оказалось — сократили с завода.

Косериг не молод, он опытный, квалифицированный рабочий. Его густую каштановую шевелюру сильно посеребрила седина.

— Мне кажется, что самое важное из того, что произошло за этот год, — говорит он, — это поворот в настроениях людей там, на Западе, и, в частности, в Западном Берлине. Симпатии к нашей Германской Демократической Республике растут. У людей крепнет уверенность, что политика народного правительства выведет Германию на верный путь и приведет к единству немецкой нации... Примеры? Да сколько угодно! На днях был митинг Национального фронта в спортивном зале имени Вернера Зеленбиндера, здесь, в восточном секторе. А половина собравшихся была из Западного Берлина! Или вот еще: многие активисты распространяют по месту своего жительства в Западном Берлине нашу честную рабочую литературу, газеты. В округе их знают почти все. Но боже упаси, чтобы кто-нибудь донес на них шпикам и полиции!..

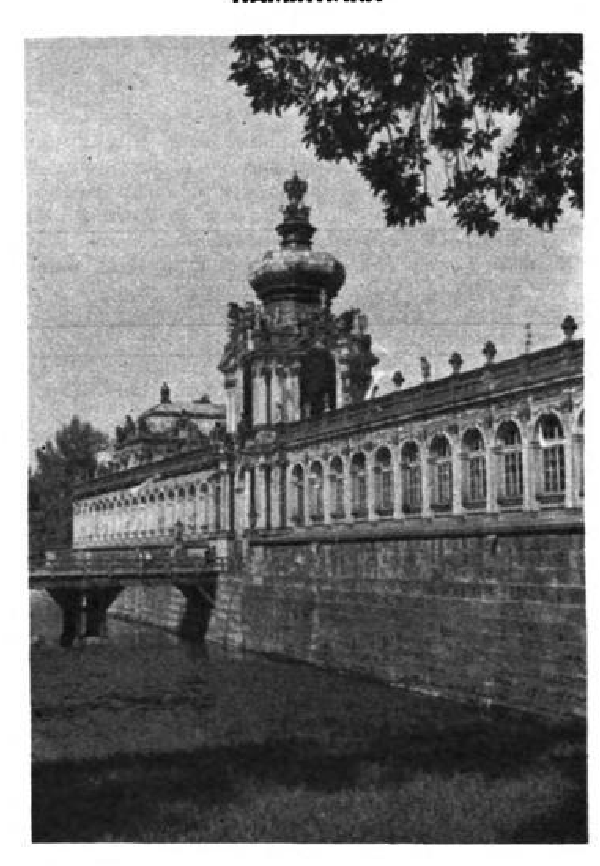
О ТОМ, ЧЕГО НЕ ПРИМЕТИШЬ СРАЗУ

— Многое, конечно, переменилось за этот год и в МТС и в моей собственной жизни, — так после некоторого раздумья начал свой ответ Отто Хейнрик. — Я работал здесь, в МТС Людвигсфельде, механиком, а недавно назначен директором.

Однако самое значительное из того, что здесь происходит, сразу не приметишь. Я говорю о перемене в сознании крестьян. Они поверили в прочность новой власти. Убедились, особенно после начала нового курса, что правительство Германской Демократической Республики — это их собственное правительство, убедились, что оно хочет и умеет заботиться о коренном улучшении условий жизни всего народа, что оно способно отстоять для Германии мир. Убеждаются крестьяне и в преимуществах коллективного труда. Это процесс медленный и сложный. Кое-кто, правда, опасается, как бы не потерять то, что получили. Сказывается и влияние западной пропаганды. А как хорошо было бы пахать это поле все сразу, не «танцуя» на мелких делянках! Тогда бы и выработка наших трактористов была повыше. Но так будет, непременно будет!

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА

Буквально все, к кому бы мы ни обращались с нашим вопросом в Дрездене, среди прочих знаменательных событий этого года обязательно выделяют одно — восстановление Цвингера.

Дворец Цвингер — замечательное творение крупнейших мастеров XVIII века — был почти полностью разрушен, как и бóльшая часть города Дрездена, американскими бомбами 13 февраля 1945 года, за три месяца до конца войны. Начавшиеся вскоре после освобождения города восстановительные работы подходят теперь к концу. Вместе со многими другими восстановленными и восстанавливаемыми памятниками старины реставрированный дворец займет свое место в едином архитектурном ансамбле нового Дрездена.

— Мы гордимся тем, что возродили Цвингер! — говорили нам многие дрезденцы.

НЕМЦЫ, ЗА ОДИН СТОЛ!

С одним из первых активистов республики — лауреатом Национальной премии Эрихом Виртом (на снимке — первый справа) — мы повстречались случайно, после торжественного вечера, посвященного германо-советской дружбе.

Это было в Цвиккау — городе горняков, в Доме культуры шахты имени Карла Маркса. Эрих Вирт сидел за кружкой пива, беседуя с гостями из Западной Германии. Двое из них — учитель из Нюрнберга и продавщица из радиомагазина в том же городе — приехали в ГДР на Лейпцигскую ярмарку. Третий прибыл из Вестфалии повидать брата, такого же горняка, как он сам. Разговор шел горячий — о борьбе за единство Германии и трудностях этой борьбы. Вирт говорит просто, приводит много фактов. И видно, как под воздействием его слов рассеиваются сомнения собеседников.

Естественно, что и ответ Эриха Вирта на наш вопрос явился как бы продолжением разговора.

— Дружеские дискуссии, подобные той, что вы здесь слышите, ведутся сейчас по всей Германии. Тысячи наших соотечественников с Запада пересекли в этом году зональные границы, чтобы собственными глазами убедиться в том, что происходит здесь, в ГДР. Едут делегации, спортивные команды, артисты, студенты, интеллигенты, предприниматели, крестьяне. Больше всего, конечно, рабочих и молодежи. Много и наших делегатов из ГДР посещает города и села Западной Германии. Как никогда оживленно идет переписка... Все это, мне кажется, — одна из самых важных, если не главная характерная черта современного положения нашей республики. В ходе бесед за общим столом, таких, как, скажем, наша сегодняшняя беседа, рассыпаются в прах злобная клевета, все те басни о якобы тяжелой жизни в нашей республике, которыми американская пропаганда забивает головы жителей боннской республики. «Немцы, за один стол!» — это сейчас самый популярный в Германии лозунг, и он, вопреки предательским усилиям клики Аденауэра, осуществляется самим народом.

ЖИТЬ СТАНОВИТСЯ ВСЕ ЛУЧШЕ

— У меня после войны каждый год что-нибудь новое. Право, не знаю, о чем рассказывать сначала... Вот разве — в этом году мы с женой купили новую мебель...

Так после долгого и энергичного почесывания непокорной копны светлых волос начал разговор конюх сельскохозяйственного товарищества «Меслин» Вилли Брааш.

Медленно, с трудом подбирая слова, Брааш рассказывает о своей жизни. Он был батраком у помещика, потом солдатом. В 1945 году получил землю и стал самостоятельным крестьянином. Но окончательно жизнь наладилась с тех пор, как два года назад вступил в производственное сельскохозяйственное товарищество.

— Задания мы с женой перевыполняем и богатеем теперь с каждым годом,— заключает наш собеседник.

ВСЕ ДЛЯ РАБОЧИХ

Прекрасный курорт Бад-Эльстер — это далеко не единственный в республике курорт для рабочих. Люди, которых вы видите на снимке, приехали сюда по бесплатным или почти бесплатным путевкам. Когда мы задали им свой обычный вопрос, они не сразу нашлись, что ответить. Только один уже немолодой с виду рабочий, стоявший в стороне, с чувством произнес:

— Они здесь так быстро привыкли ко всему хорошему, что и не замечают его.

И после раздумья добавил:

— Я сам горняк из Рура, и меня пригласил сюда отдыхать свободный профсоюз горняков. Первый раз в жизни я на курорте. И это для меня, пожалуй, будет самым памятным событием нынешнего года.

УСПЕХИ ЕГО УЧЕНИКОВ

На угольный разрез комбината Эспенхайн мы приехали около полудня.

Первая смена еще не кончилась. Но по длинной деревянной лестнице, ведущей на дно разреза, навстречу нам поднималась группа людей в резиновых костюмах шахтеров, с перепачканными угольной пылью лицами. Они оказались учениками местной профессиональной школы. С ними был и их старший наставник, известный на комбинате активист и депутат местного крейзтага — районного совета — Альфред Кирхнер (на снимке — второй справа). К нему мы и решили обратиться с нашим вопросом.

— В первую очередь мне бы хотелось вам рассказать об успехах своих учеников,— начал Кирхнер.— Многие стали уже квалифицированными шахтерами и нередко обгоняют по выработке старых мастеров. Все учатся, не оставляя работы. Трое моих питомцев сейчас уже инженеры, один как раз сегодня сдает экзамен на диплом инженера-маркшейдера, трое выдержали испытание на старшего штейгера, а семеро учатся в горной академии.

Второе событие этого года,— продолжал наш собеседник,— может, покажется вам немного смешным. Я хочу рассказать о борьбе... с моей женой. Супруга моя вовсе не «вредная», как говорят, женщина. Когда я стал активистом, она во всем меня поддерживала. Но когда меня избрали депутатом крейзтага и общественные обязанности стали отнимать много времени,— тут дело чуть было не дошло до развода. Пришлось предпринять обходный маневр: я обратился за помощью в нашу местную женскую организацию. Активистки начали исподволь вовлекать мою жену в работу. И что же? Она так увлеклась, что теперь целые дни проводит в своем женском союзе. В семье снова воцарился мир. Это тоже ведь немалое событие в жизни семейного человека, как вы думаете?

ЗА СЧАСТЛИВОЕ БУДУЩЕЕ ГЕРМАНИИ

Мы побывали на собрании, где с отчетом в связи с предстоящими выборами в Народную палату выступал член правительства. Здесь присутствовала большая делегация горняков Рура. Хотели было обратиться с нашим вопросом к одному из делегатов, но ответ тотчас услышали с трибуны. Речь молодого рурского рабочего была нами записана почти дословно.

— Дорогие друзья! Дорогие братья и сестры! — начал он тихо, приглушенным от волнения голосом.— Если бы вы только знали, с каким странным чувством — одновременно и радостным и грустным — смотрю я с этой трибуны в переполненный зал! Как непривычно, что после рабочего дня для свободной политической дискуссии собирается столько рабочих, что не хватает даже мест. Необычно видеть, что вперемежку с рабочими, запросто, как

друзья, сидят люди в полицейской форме, что здесь, в президиуме, рядом с рабочими представитель правительства и директор огромного предприятия; они слушают вас и готовы ответить на вашу критику...

Дорогие друзья! Мы здесь многое узнали, многое поняли. Мы видели, какие большие средства тратятся у вас на школы, больницы, детские сады и ясли, видели, как отдыхают рабочие, как поставлена у вас охрана труда. Мы своими глазами убедились, что ваше материальное благополучие быстро растет. У нас все не так! Наши деньги уходят на строительство американских аэродромов, на пушки для восстанавливаемого вермахта. То, что мы здесь узнали, многим из нас вправило мозги. Ведь что греха таить! Некоторые из нас, направляясь сюда, верили россказням, будто здесь голодная страна.

Но лживая пропаганда с каждым днем теряет свою силу и у нас, на Западе! И это страшит наших правителей. Страшит и наших профсоюзных «вождей» — недаром они начали исключать из профсоюза каждого, кто только выразит желание побывать в ГДР.

Я слышал, как вы сегодня здесь брали торжественные обязательства перевыполнить производственные задания. Мы тоже берем обязательство: везде и всюду, несмотря ни на что, рассказывать у себя на родине о том, что здесь увидели и узнали. Пусть видят наши товарищи, что они не одиноки в своей борьбе за лучшую жизнь, за единство германского народа, за мир. Но знайте и вы, что на вас смотрит вся Германия, что ваши успехи — это и наши успехи. Ибо мы хорошо поняли: именно здесь, в ГДР, закладываются основы счастливого будущего для всей нашей родины.

ЛЮДИ ИСКУССТВА СЛУЖАТ НАРОДУ

— Мне трудно особо выделить какое-либо событие именно этого года,— сказал нам старейший актер Немецкого Национального театра в Веймаре Вольдемар Тойшер.

— Для меня самое важное произошло четыре года назад, когда я, вступив в коллектив этого театра, впервые за тридцать лет сценической деятельности почувствовал настоящее, реалистическое искусство. Правда, если говорить не о здешнем коллективе, а о всей нашей актерской братии, среди которой у меня, как вы догадываетесь, немало знакомых, то можно отметить происшедший за последнее время решительный поворот, особенно после начала нового курса... Как и у многих представителей старой немецкой интеллигенции, у некоторых из моих друзей еще долго после конца войны сказывалась некоторая растерянность, наблюдались значительные колебания в выборе верного пути в искусстве и в жизни. Еще в прошлом году были отдельные случаи ухода актеров на Запад. Теперь наоборот: люди искусства с Запада приходят к нам. Только в нашем коллективе работают пять актеров из Западной Германии.

ФАШИЗМУ БОЛЬШЕ НЕ БЫВАТЬ!

В заключение хотелось бы сказать и о том, что за время поездки произвело наибольшее впечатление на нас, советских людей.

Воскресное утро 12 сентября. На обширной площади имени Тельмана собрались десятки тысяч берлинцев из восточного и западных секторов. Митинг, посвященный памяти жертв фашизма, уже начался, а люди все подходили и подходили... И нельзя было без волнения видеть, как сердечно вся эта масса людей приветствовала мать нашей Зои Космодемьянской, патриотов-борцов Сопротивления, прибывших в Берлин из Франции и Польши, Румынии и Болгарии, Дании и Чехословакии. Нельзя было без волнения слышать торжественную клятву: «Страшная ночь фашизма никогда, никогда не повторится!»

Эта демонстрация как бы подводила итог всему тому главному, что мы видели и слышали за время поездки по ГДР. А главное в том, что народ Германской Демократической Республики твердо стал на путь мирного демократического развития, на путь, ведущий к единству и процветанию всей Германии.

Верфь ВАРНОВ

Стефан ГЕЙМ

Фото А. ГОСТЕВА.

Календарь показывал первое мая 1945 года. Над курортным городком Варнемюнде, там, где медленно несет свои воды река Варнов, висел тяжелый, как свинец, воздух. Где-то на горизонте гремела артиллерия. Война, начатая немецким фашизмом, вернулась в сердце Германии.

Немного выше устья реки Варнов раскинулось поле. Там маячили разбомбленные развалины авиационных заводов «Арадо» и взорванные, исковерканные бензиновые цистерны. Дальше на северо-восток, у самой воды, стояли три или четыре жалких строеньица — здесь была маленькая верфь. Но как бы скромно она ни выглядела, ее владельцы немало заработали на войне. Здесь строились торпедные катера гитлеровского военного флота, те похожие на осу крохотные корабли, вооружение которых состояло из одной торпеды, а экипаж из одного человека, самоубийцы. Задача этих катеров была в том, чтобы приблизиться вплотную к противнику и вогнать смертельный груз прямо в котлы неприятельского корабля.

В противоположность самоубийцам с штурмовых «малюток» владельцы верфи братья Ганс и Карл Крегеры не испытывали никакого желания взлететь на воздух. Они очень тщательно подготовили свое бегство. У них был пароход, стоявший на якоре у берега. Самые ценные машины они сплавили подальше уже несколько недель назад. С оставшихся машин братья Крегер сняли самые важные части и погрузили на готовое к отплытию судно.

И вдруг — облако пыли на дороге. Из облака появились блистающие черным лаком роскошные лимузины. Из лимузинов вышли господа, которые так хорошо давали зарабатывать во время войны братьям Крегер: штандартенфюреры СС, высокопоставленные правительственные чиновники, руководящие лица нацистской партии. Оказалось, что и они бежали сюда, в Варнемюнде, последний, еще не занятый немецкий порт, в последнюю дыру, через которую еще можно было выползти. Краткий разговор с Крегерами. О, конечно, для господ найдутся места на пароходе и на спешно оснащенных яхтах и моторных лодках!

Крегеры позвали двух пожилых рабочих — имя одного было Вильгельм Брюггеман, другого — Бенно Хинц. Им в руки сунули записку. На ней стояли слова: «Полная власть».

Один из Крегеров сказал:

— Охраняйте получше нашу собственность. Следите за военнопленными — французами и украинцами, которые здесь работали, чтобы эта сволочь не растащила ничего. Когда стрельба окончится, мы вернемся снова...

Оба рабочих промолчали.

1 мая 1945 года, в 2 часа пополудни, маленькая флотилия с беглецами вышла в море. Гром артиллерии явно приближался. На верфи осталось двенадцать рабочих; в их руках была полная власть, как это было написано в записке, оставленной хозяевами.

Они еще не понимали тогда, что держали в руках нечто более значительное, чем этот смехотворный клочок бумаги: действительную в л а с т ь!

И вот календарь показывает 1954 год.

Маленькие домики прежней верфи Крегеров еще стоят на месте. Правда, их не сразу заметишь: они похожи на карликов по сравнению с новым огромным судостроительным цехом, самым большим в Европе и вооруженным новейшей техникой; и уж во всяком случае ничтожными выглядят эти домишки перед двумя трехногими опорами кабель-крана, который играючи поднимает огромную тяжесть на высоту в 65 метров. А вокруг — новые причалы, здания управления, поликлиника, столовые, стапели, котельные. И все это растет, растет стремительно и неудержимо. Уже тысячи судостроителей день и ночь, в три смены, работают на социалистической верфи, и из всей Германской Демократической Республики притекают сюда все новые массы строительных рабочих.

Имя Крегеров давно забыто...

* * *

Что же происходило между этими двумя датами: тем памятным первомайским днем 1945 года и сегодняшним днем верфи Варнов?

Это были годы голода и разрухи, исканий, заблуждений и временных успехов. Годы трудной и напряженной борьбы — борьбы за малое, даже за самое малое, когда рабочие трудились, побуждаемые лишь одной мыслью: надо же где-то и что-то делать!

Шестеро людей сидят вокруг стола... Они из тех двенадцати рабочих, которые начали здесь все сначала. Вот Вильгельм Брюггеман, с живыми чертами лица и блестящими светлыми глазами, полными сдержанного юмора. Вот Бенно Хинц, спокойный, уравновешенный, с уже седой головой, похожий больше на бухгалтера, чем на судостроителя. Мы видим здесь Хейна Дювеля — эта фамилия на нижненемецком диалекте означает «дьявол»,— но именно он-то и выглядит самым мирным старым моряком, и вся его «дьявольская» хитрость в том и заключается, что он тяжёлые грузы перебрасывает на требуемое место простейшими способами. Рядом сидит Фриц Шредер, молчаливый, вставляющий словечко лишь тогда, когда другие на чем-нибудь запнутся или что-либо забудут. Давид Багдан не варнемюндец, он приехал сюда во время войны из Восточной Пруссии. Шестой — это Вилли Шредер, мозговой центр всей группы; нынче он уже конструктор.

Шестеро судостроителей ведут рассказ. Они говорят медленно, иногда умолкают и задумываются. Но воспоминания захватывают их, как поток, и вот уже их совместная речь течет все быстрее и быстрее...

Н-да, в мае 1945-го тут были дела!..

Весь день второго мая они просидели дома. Но назавтра не утерпели и пошли на верфь. Первое, что они сделали, — это стащили вниз флаг с фашистской свастикой и изорвали его в клочья. Тут появляется вдруг на сцене некий Кушевский и говорит, что он, изволите видеть, уполномоченный Крегеров, что у него полна мошна денег и ему доверено командовать всем. Он еще, помнится, добавил, что никогда не был нацистом и поэтому сумеет поладить с русскими... Значит, это был новый хозяин. Но ненадолго! Вскоре была обнаружена его партийная книжка нациста, он прятал ее в металлическом ящике. И тут ему пришлось сматывать удочки...

Они много думали в эти дни... Важнейшие части машин хозяева взяли с собой — что же оставалось делать? Начинать работу, имея один токарный станок, одну ленточную пилу, одну круговую пилу да еще всякую мелочь из инструмента, который был у каждого на дому?

Но работать надо было во что бы то ни стало. Людям нужно было есть. Нельзя ли отремонтировать рыболовные баркасы, которые стояли в Варнемюнде? Тогда можно было бы хоть порыбачить. Они понимали, что грозит голод, что надо бороться за жизнь детей.

— И тут помог нам советский офицер капитан Панов, он нас словно за руку взял и показал, куда идти. Был он уполномоченным военного командования по вопросам рыбной промышленности. И еще был такой майор Прогалов из Ленинграда. Этот сразу смекнул, что нам может стать совсем худо. Однажды он сказал, что военную верфь можно превратить в мирное предприятие.

У этих двенадцати было столько забот, не перечтешь! Где взять материал, где найти машины? Вскоре удалось разыскать деревообрабатывающие машины, которые Крегеры отправили фирме Штрогельбергер в Ростоке. Старый Штрогельбергер не хотел было их отдавать, пришлось поговорить с ним круто. Строгальные станки достали с авиационного предприятия возле Варнемюнде. Не хватало гвоздей. Их взялся изготовить один ростокский кузнец. И вот по очереди,

Молодое поколение рабочих верфи. Слева направо: Макс Френх, Вальтраут Заборовская и Роберт Ререинг.

пешком, на велосипедах, в заплечных мешках гвозди перетащили на верфь.

16 августа 1945 года состоялось первое собрание рабочих, их было уже 28 человек. Выбрали заводской совет. Большинство участников собрания знало толк в рабочих организациях, к тому же среди них было несколько коммунистов и социал-демократов. Но многое люди уже забыли, настоящего профсоюза у них тоже не было. Профсоюз тоже надо было создавать из 28 человек.

Кому принадлежала тогда верфь? Собственно, никому. Официально ею управляли из Ростока, оттуда назначали и руководителей верфи, — одни кое-что понимали в судостроении, другие — нет.

Руководители сменяли друг друга, рабочие оставались. Они уже начали строить мелкие парусные рыболовные суда и продавали их по цене от 1 200 до 2 тысяч марок за штуку. Получали и мелкие заказы от верфи «Нептун» в Ростоке.

И вдруг — это уже было летом 1946 года — вернулись Крегеры. Они прибыли из Западной Германии. Они привезли с собой те части машин, которые утащили год тому назад. Почему они вернулись? Видимо, рассчитывали установить хорошие отношения с новыми властями, показать, что они добрые, безобидные бюргеры, которые желают только добра. Среди этого «добра» была, разумеется, и верфь.

— Мы устроили собрание, и заводской совет поставил вопрос: работать снова на Крегеров или не работать? Из сотни присутствовавших рабочих только один проголосовал за Крегеров. Почему так случилось? Было ли у нас уже тогда чувство, что верфь принадлежит нам?.. Должно быть, нет. Но зато мы твердо знали: Крегеры — это уже отрезанный ломоть, они удрали с нацистами, а мы продолжали работать. Значит, Крегеры сами себе подписали приговор.

Так и простояли перед нами братья Крегеры, двое рослых мужчин с рюкзаками за плечами, а потом уехали на своих велосипедах обратно в Западную Германию.

Шестеро стариков подтверждают рассказ медленными кивками. А рабочий Брюггеман говорит:

— Это был конец капитализма на верфи богатеев Крегеров. С тех пор ее стали называть просто — верфь Варнов.

* * *

В 1947 году в Варнемюнде приплыл невиданный флот. Он состоял из буксиров и катеров, из грузовых барж и баркасов, и даже один плавучий кран грузоподъемностью 25 тонн торжественно проследовал в гавань. На судах было полно людей — мужчин, женщин, детей,— все они с любопытством разглядывали новое место. Они везли с собою свертки с постелями и кое-какую домашнюю утварь, мужчины держали в руках как нечто драгоценное рабочий инструмент. Это были рабочие-судостроители, переселенцы, они прибыли из Штеттина.

Человек, руководивший этим огромным транспортом, был советским офицером. Худощавый и мрачноватый, но отнюдь не злой. Он стоял на носу корабля и говорил одному немецкому судостроителю:

— Здесь вы и построите себе большую верфь. И сами будете хозяевами.

Рабочий — его звали Отто Шульц,— возможно, и не уловил тогда полностью смысла этих слов, но ему как-то стало боязно: легкое ли дело — быть хозяином! Он покачал головой.

— Нет, не смогу,— сказал он.

— Ничего, сможешь,— сказал офицер. Это был капитан Зубков.

Сейчас Шульц работает старшим мастером на верфи Варнов, руководит большим отделением в цехе.

— Знаете, когда мне стало ясно, что верфь принадлежит нам? — говорит он мне.— Я это уразумел тогда, от русского, от Зубкова. И еще я понял тогда — а мне уж было немало лет, за шестой десяток,— я понял тогда, что мы, рабочие, если захотим, сможем все сделать!

* * *

Судостроители, которых привез в Варнемюнде капитан Зубков, остались там работать. Они разместились по всей округе — в отелях и пансионах, куда раньше съезжались любители рыбной ловли из крупных чиновников и богатых купцов, где отставные кавалеристы с вечно недовольными женами и шумливыми детьми проводили праздничные каникулы. Приезжие рабочие образовали племя строителей новой верфи, все еще небольшое пока, но вокруг него оседало уже много людей с других производств и из других мест.

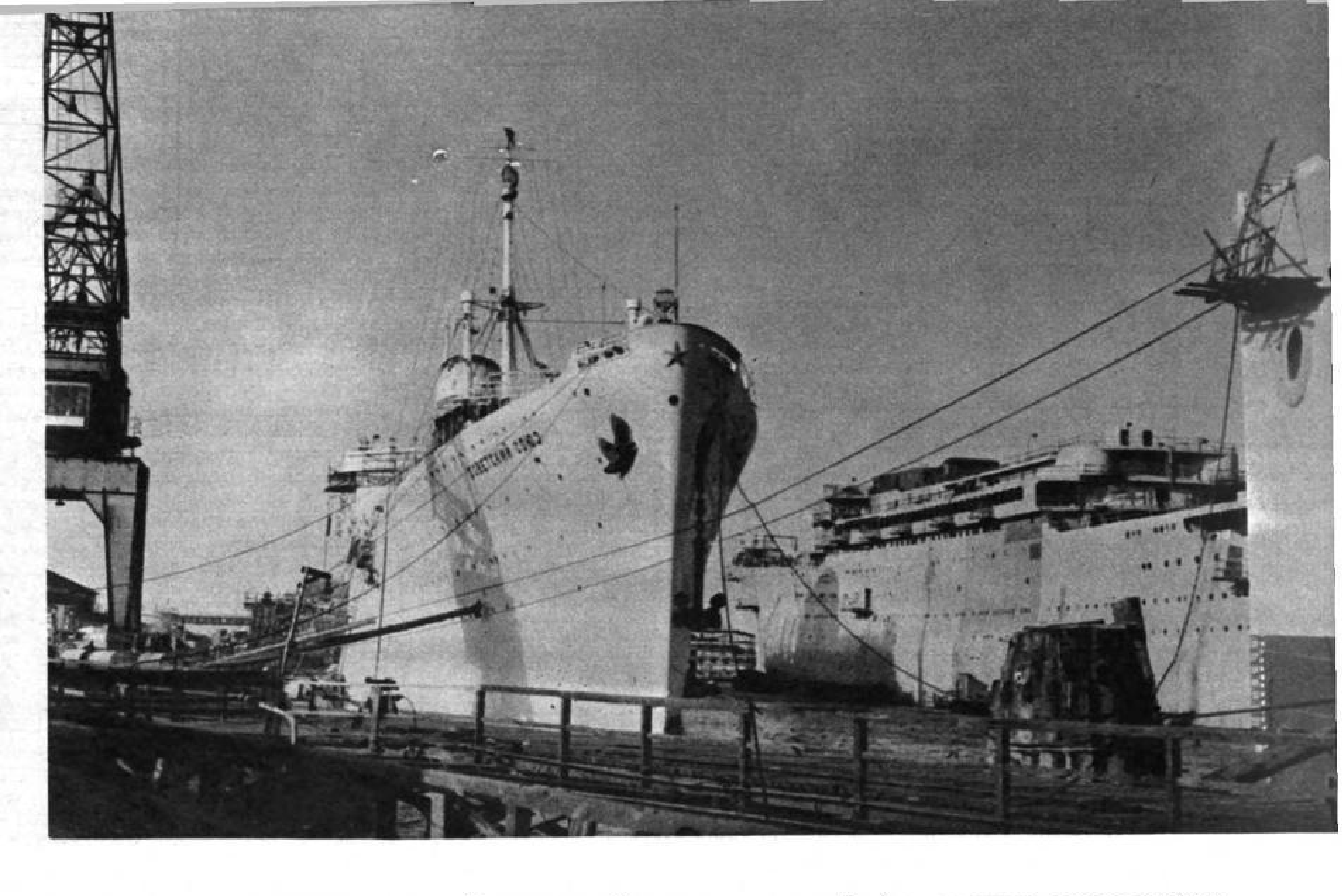
По округе сразу стало известно, что в Варнемюнде можно найти работу, что там строят. И люди приходили, потому что нуждались в работе, а может быть, и потому, что после всех разрушений войны у них была естественная потребность делать что-нибудь полезное. Приходили рабочие, которые строили до войны авиационные заводы Мессершмитта и Фокке-Вульфа, приходили и строители заводов Хейнкеля в Ростоке. Каждый день прибывали переселенцы, крестьяне из близлежащих деревень, приезжали люди даже из Доберана и Гюстрова. Многим до сих пор приходится ездить из дому на работу за 40 километров. По мере того, как росла новая верфь, росло у людей и новое чувство — чувство принадлежности к большому коллективу. Рабочие уже говорили между собой: «Это мы построили такую посудину, мы, из верфи Варнов».

И вот наступил день, когда на верфь пришел для капитального переоборудования первый большой корабль. Это был советский пароход «Азия». Судно казалось великаном на фоне пустынного поля; собственно говоря, верфь все еще была пустынной, заболоченной землей, усеянной обломками взорванных цехов «Арадо» и флотских причалов. И раз уж предстояло начинать большую работу — перестройку таких судов, как «Азия» или «Сибирь», которая вскоре тоже пришла сюда,— надо было сначала очистить территорию верфи. Территорию очистили сами судостроители. Жизнь медленно, но верно вступала на новые, для многих еще непонятные и удивительные пути.

Большие советские корабли, стоявшие у причалов верфи, были

Те, кто закладывал основание нынешней верфи Варнов. Слева направо: Кляус Бухенау, Фриц Шредер, Вилли Брюггеман, Хейн Дювель, Отто Шульц, Бенно Хинц, Давид Багдан, Элизабета Гешке.

Решающим событием в истории верфи было получение заказов из Советского Союза на капитальный ремонт и переоборудование мощных пассажирских теплоходов.

как бы символом новой жизни и новых задач. Верфь до сих пор ни разу еще не бралась за такие заказы. Самые большие суда, которые строились здесь раньше,— это были суда в 70 тонн водоизмещением и метров 18—20 в длину. Это были рыболовные баркасы. А тут, поди-ка, сразу...

Правда, на верфи стоял уже 25-тонный кран, прибыли новые рабочие. Работал здесь советский инженер-капитан Гольдберг, наблюдавший за переоборудованием обоих больших кораблей. Он появился как-то незаметно: рано утром шедшие на смену рабочие увидели его у одного из бараков, он с увлечением делал утреннюю гимнастику.

Многие из рабочих верфи Варнов и сейчас вспоминают о капитане Гольдберге.

— Вот это был человек! — говорят они.— Он знал, что к чему. Если уж ты сам не справляешься с делом или у тебя какая забота, обращайся к нему, он всегда поможет, даст совет, укажет выход...

«Азия» и «Сибирь» уже давно бороздят моря и океаны. В Балтийском море плавает и учебное судно «Вильгельм Пик» — первенец верфи, гордость его строителей. У причалов стоят суда в 20 тысяч тонн — такие, как «Советский Союз», «Нахимов», «Юрий Долгорукий»; стальные корпуса этих кораблей подняты с морского дна. Высокие мачты кораблей, их трубы видны издали. Они заново перестроены от киля до мостика и скоро выйдут в море вслед за своими старшими братьями...

Верфь выпускает изящные речные прогулочные пароходы; они ходят на пассажирских линиях по Волге и Дону, через мощные шлюзы канала имени Ленина, по вновь созданному Цимлянскому морю. Верфь готовится к постройке грузового судна в 10 тысяч тонн; к концу пятилетки этот корабль поднимет торговый флаг ГДР, флаг мира, который будет развеваться во всех гаванях земного шара.

* * *

Верфь — все равно что человек. Человек растет и все время ставит себе новые задачи и не может их не ставить, ибо это значило бы перестать работать, жить, расти. Верфь, выношенная в тягчайшее время, рожденная среди развалин, созданная мозолистыми руками рабочих, получила в 1948 году свое окончательное имя: «Народное предприятие верфь Варнов». С этого времени начинается и новая эпоха в ее жизни — эпоха планов, сначала двухлетнего, а потом пятилетнего. Теперь уже не те времена, когда пятеро рабочих пользовались одним молотком, а на десятерых приходилась одна стамеска, когда станки и машины приходилось собирать по одиночке невесть где. Болотная равнина осушена, перепланирована. Тяжелые железобетонные сваи для будущих цехов и строений вбиваются в землю. В 1949 году, в день первомайского праздника,— на верфи тогда работало уже 3 600 человек — был торжественно заложен судостроительный цех № 1. В 1950-м построили здание управления верфи, через год появилась поликлиника, банные и душевые установки, за ними — новые столовые, детские сады, жилые дома для рабочих. Прошел еще год, и вот уже сооружен дом общественных организаций, вступают в строй первые цехи корабельного оборудования. Новый большой судостроительный цех был готов к сроку — в 1953 году. Закладываются новые цехи. Вырастают гигантские стальные опоры кабель-крана, а под ними — бетонные ложа стапелей, еще отделенные от моря дамбой. Строится теплоцентраль, строится, строится...

А в 1955 году? А в последующие годы?

Раз есть чувство доверия к собственной работе, к собственному государству, то и музыка будущего звучит, как простейшая реальность. Что будет на верфи Варнов?

В одном конце огромного цеха режутся и свариваются стальные плиты. Они движутся дальше и соединяются в тяжелые секции корабля, весом в 20 тонн каждая. Секции покидают цех, чтобы сплотиться в еще более тяжелые части корабля — по 50 тонн. Кабель-кран хватает их и ставит на стапели. Оттуда стальной остов судна скользит в свою стихию — воду. Затем корпус корабля двигается дальше вдоль достроечной набережной, и тут его облепляют со всех сторон монтажники, они оснащают судно от стекла в иллюминаторе до верхушки такелажа. Корабли движутся в такте и ритме труда, вперед от цеха к цеху, пока, наконец, силой собственных двигателей не отправятся в пробный рейс.

Все это будет, все это уже есть — без капиталистов. Никто не стрижет купонов из пота рабочих верфи Варнов! На производственных совещаниях при поддержке инженеров рабочие обсуждают, как лучше строить. Они сами решают, какими должны быть условия труда и все, что облегчает им работу, поддерживает здоровье, помогает растить и учить детей. В партийной организации верфи обдумывается вся ее жизнь и будущее. Сами рабочие избирают свои органы, избирают свое правительство, формируют жизнь республики, закладывают фундамент новой жизни всей Германии.

Верфь не только подобна человеку, верфь — это и есть люди, которые на ней работают.

* * *

Люди верфи не лишены, конечно, внутренних противоречий. Они пришли из разных, отдаленных друг от друга районов страны и здесь, найдя работу, пустили корни. Они происходят из самых разнообразных слоев общества, поразному их воспитывали, и различны владеющие ими предрассудки. Развиваются люди верфи Варнов с разной быстротой, многие переживают внутренний кризис, и переживания одного часто не похожи на переживания другого. Но всем им одинаково свойственно чувство коллектива.

Для такого человека, как старый обер-мастер Шульц, решающим был день, когда советский капитан Зубков поселил в нем уверенность, что он справится с новыми задачами. Шульц — человек, которого нелегко вызвать на веселое слово,— сейчас говорит с ясной улыбкой:

— Сколько людей вышло здесь из моих рук!

Он разумеет под этим прежних батраков или домашних работниц, из которых он воспитал судостроителей; он имеет в виду и коренных судостроителей. Шульц знает, что и сам не избежал этих перемен. Со всей убежденностью пожилого человека обер-мастер говорит в своей медлительной манере:

— Раньше я работал только для того, чтобы добывать хлеб. Теперь у меня такое чувство, что верфь принадлежит и мне!..

У активиста Роберта Рёринга, бригадира корабельных слесарей, перелом в сознании наступил на первом же производственном совещании. До этого, до 1949 года, он работал в маленьких частных фирмах — он называет их «рубленой капустой». Часто Рёрингу приходилось видеть, как хозяин оборачивал деньги на черном рынке в то время, как его дети сидели без куска хлеба.

— На этом первом производственном совещании здесь, на верфи,— говорит Рёринг,— я сидел тихо, молчал, слушал. И вдруг я подумал: как это они могут так разговаривать? Разве верфь принадлежит им, рабочим? И тут я заметил, что и с мастерами разговор идет какой-то другой и с инженерами тоже: так, как вообще человек разговаривает с человеком... «А раз это так,— подумал я,— то, видно, надо и мне поразмыслить насчет своей работы...»

Вальтраут Заборовская еще молода: ей всего 25 лет. Но она уже сменный мастер, а до этого была бригадиром первой женской

Новые дома для инженеров и рабочих верфи.

бригады сварщиц на верфи. Девушка пришла сюда из деревни, где служила нянькой у крестьян. В 1952 году, когда распространился призыв к девушкам учиться работе сварщиц, она сказала себе: «Пойду в сварщицы. Пусть мужчины привыкают к тому, что эта работа и нам, девушкам, по плечу». Самое крупное испытание наступило тогда, когда ее назначили мастером и в подчинении девушки оказались взрослые мужчины. Сначала она не доверяла себе, пока руководитель отдела по имени Плотц не сказал ей на ухо, улыбаясь:

— Ты справилась с женщинами, а это ведь немногим легче, чем справляться с мужчинами!

Кляус Бухенау когда-то был членом гитлеровской молодежной организации. Сегодня он инженер в конструкторском бюро. Еще в последние дни войны Бухенау стрелял вместе с другими потерявшими голову и обманутыми подростками в солдат Советской Армии, пока не попал, раненный, в плен. Сегодня инженер Бухенау страстно призывает своих коллег применять метод советских инженеров.

Разумеется, перемена в нем произошла не сразу. Она началась еще тогда, когда Бухенау был в плену, где за ним заботливо ухаживал советский врач. Но его собственные наблюдения в конструкторском бюро, где до недавнего времени конструктор работал в одиночестве, привели его к тому, что и здесь можно создать систему коллективного труда, разрабатывая по частям отдельные узлы машины.

— С этим делом у нас еще не все ладно,— объясняет он, и глаза его возбужденно блестят.— Еще много конструкторов работает на старый манер: приказ получен — приказ выполняется, ответственность же пусть лежит на начальстве. Но мы это все изменим!..

Познакомимся с Максом Френхом, бывшим кондитером, специалистом по карамелям. Еще в 1950 году ему вдруг осточертела работа на кустарных карамельных заводишках, и он пришел на верфь. Начал он с подсобных работ и за полтора года дошел до самого высокого разряда на строительстве трубопрокатного цеха. Но еще до этого, будучи чернорабочим, он увлекся книгами. Потом кто-то из членов партии спросил его: «Не слишком ли долго ты откладываешь, товарищ Френх, свой экзамен на разряд?»

Рабочий Макс Френх глядит на нас и медленно говорит:

— Где это видано было раньше, чтобы необученный рабочий мог так быстро стать квалифицированным?.. По вечерам я ходил в школу, сдал испытания и вот внес рационализаторское предложение. Мне показалось, что тут можно сэкономить деньги, а государство использует их где-нибудь с пользой для всех...

Взгляните на этих людей, молодых и старых; с переменами, происшедшими на верфи, они изменились сами. Взгляните на Элизабет Гешке. Ей двадцать лет, а она уже обучает молодых чертежников. Верфь вырастила ее, нового человека. И вот она стоит перед нами, красивая не той безжизненной, преувеличенной красотой, которую воспевают в Голливуде, а простой красотой самой жизни.

На верфь она поступила шестнадцати лет, собиралась сама стать чертежницей. Но курсы были заполнены, поэтому она пошла за станок, выдержала испытание на высокий разряд и в конце концов освоила чертежное дело на практике. В ее молодой жизни однажды наступила минута, когда надо было принимать решение: ее спросили, возьмется ли она обучать техническому черчению молодежь.

— Мне казалось,— говорит Элизабет,— что это мне не под силу: я ведь специально не обучалась черчению. Но тут я подумала: верфи нужны квалифицированные рабочие — надо решиться! Растет верфь — должны расти и люди. И я взялась.

В людях такого типа — в обермастере Шульце, бригадире Рёринге, девушках Вальтраут Заборовской, Элизабет Гешке, в инженере Бухенау и старом рабочем Максе Френхе — залог будущего верфи, будущего Германии.

Разумеется, они растут не сами по себе. Конечно, им нужны руководство, помощь, знания. В этом роль партии, которая видит все в целом, дает направление и является стальным каркасом, на котором держится корабль. Но и сама партия — это коллектив лучших из тех, кто здесь работает.

Разумеется, рост людей протекает не всегда гладко и беспрепятственно. Почва еще пропитана кое-где ядом прошлого; этот яд оставили нацизм и война, шовинистическое высокомерие, мещанский эгоизм. В эту почву и теперь проникает еще яд, идущий с Запада. Еще и по сей час в рабочей массе стараются укрыться люди, отнюдь не принадлежащие к рабочему классу,— бывшие эсэсовцы, реваншистские элементы,— которые ничего не забыли и ничему не научились. А крегеры? Десятки крегеров, однажды битых, разве не мечтают они о том, чтобы вернуться и наложить руку на все созданное вновь? Враги пытались вредить и на верфи Варнов.

Но грязные замыслы классового врага потерпели крушение. Рабочие верфи сами дали отпор провокаторам, наемникам империалистов. Государство укрепляется с каждым днем. Новые, еще более тесные и разветвленные узы связали партию рабочего класса со всеми трудящимися. Партия стала более зоркой, с большей чуткостью воспринимает она критику и предложения, идущие от рабочих, еще энергичнее поддерживает творческую инициативу масс.

Была разорвана в клочки и сеть фашистских агентов, которую столь заботливо плели на Западе. Правда, еще скрываются иногда агенты врага среди людей, работающих на верфи, но дни этих слуг империализма сочтены.

* * *

На тихой боковой уличке в Варнемюнде стоит длинный дом с островерхой крышей.

Это детский сад. Он тоже имеет свою историю. Вначале он стоял пустой, хотя и был обставлен крохотными стульчиками и столиками, кроватками, на стенах висели веселые картинки, а во всех углах громоздились разноцветные игрушки. Наготове были и воспитательницы. Оставалось только встретить детей работниц верфи, для которых был приготовлен этот прекрасный дом.

Но четырнадцать дней подряд матери колебались. Четырнадцать дней подряд они не решались отдать своих детей в «чужие» руки, как они говорили.

Потом пришла первая мать. Она долго и подробно объясняла врачу, сестрам и воспитательницам, как следует обращаться с ее ребенком. Через каждые два часа она приходила снова, чтобы убедиться, жив ее ребенок или нет. Сейчас матери оставляют детей на целую неделю. Количество просьб о помещении ребят в детский сад уже превышает количество мест — надо расширяться.

Дети опрятные, хорошо накормленные, розовые. Они лежат в своих кроватках на террасе, играют на лугу, в песочных ящиках... Перед моими глазами встают исхудавшие, истощенные дети трущоб Нью-Йорка, рахитичные грудные младенцы Мексико, дети кварталов бедноты западногерманских городов, дети рабочих...

Великий план, социализм, народное предприятие верфь Варнов — все это корабли, краны, машины, сталь, грохот молотков, треск электросварки, гудение турбин. Но это также дети, спящие под ласковыми лучами солнца, наши дети, наше светлое будущее!

В детском саду верфи.

В РОСТОВСКОМ ПОРТУ.

Фото М. Савина.

На экспериментальной базе «Терезино» Киевской научно-исследовательской станции животноводства. Кормление телят. База «Терезино» — участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Фото М. Мельника.

...И с победой возвращаются домой!
Дружеский шарж Н. Лисогорского.

Блестящая победа советских шахматистов

20 СЕНТЯБРЯ.

Последняя неделя принесла нашим шахматистам новые успехи и окончательную победу в турнире. После выигрыша советской команды у Аргентины все наши противники перестали мечтать о первом месте. Капитан команды Аргентины Найдорф, шутя, просил наших гроссмейстеров выиграть свой очередной матч у Югославии с хорошим счетом, так как она самый серьезный соперник Аргентины в борьбе за второе место.

Наша команда за три тура до конца уже сильно оторвалась от ближайших конкурентов.

Проведение олимпиады связано с солидными затратами (150 тысяч гульденов). Чтобы собрать нужные средства, была организована лотерея. Удалось распродать полмиллиона билетов. Сегодня сообщили, что главный выигрыш — домик — достался одному рабочему из маленького городка. Любопытно, что 50 центов, на которые этот рабочий купил два билета, он одолжил у своего товарища.

22 СЕНТЯБРЯ.

Партии чемпиона мира всегда привлекают особое внимание. Сегодня в матче против Западной Германии Ботвинник, играя с немецким гроссмейстером Унцикером, с самого начала партии попал в трудное положение.

На следующий день газеты сообщили, что в отложенной позиции у Унцикера лишняя пешка и что Ботвиннику грозит поражение.

Уже к 10 часам утра в турнирном зале собралось много зрителей. Не часто можно увидеть, как чемпион мира сдается! Однако он хладнокровно защищается. И хотя у Унцикера стало уже две лишние пешки, Ботвинник создал такую позицию, при которой выигрыш невозможен. Ничья! Аплодисменты достались Ботвиннику.

Одной неточности, допущенной Шмидом, оказалось достаточно, чтобы Смыслов разгромил его в несколько ходов. Очередной выигрыш Кереса кажется само собой разумеющимся. Итог 3 : 1, и дистанция между нашей командой и претендентами на второе место стала еще больше.

23 СЕНТЯБРЯ.

Естественно, что, имея преимущество в 6 очков, наша команда играет с меньшей спортивной злостью. Три ничьих в матче с Чехословакией оформляются после короткой борьбы. Один Керес по привычке выигрывает. Его интересная партия с Шайтаром на следующий день была опубликована в газетах.

Советская команда набрала 30½ очков и стала не только практически, но и теоретически недосягаемой. «Последний тур советские шахматисты могут не играть»,— шутят в газетах. Только «секрет» наших успехов все еще не определен многочисленными комментаторами. Спрашивают доктора советской команды В. А. Ридина: «Чем питаются советские шахматисты? Может быть, «секрет» их успехов в питании?» Кстати, советский доктор пользуется авторитетом у многих участников олимпиады. Он оказывает помощь англичанам, венграм, шведам, аргентинцам.

Кто же будет вторым? Аргентина или Югославия? Вот вопрос, который должен решить последний тур.

25 СЕНТЯБРЯ.

Свыше двух тысяч зрителей пришло сегодня в «Аполло-холл». Обычно последний тур — это кульминационный пункт шахматного турнира, но «по вине» далеко оторвавшейся советской команды этот день проходит с меньшим напряжением, чем многие предыдущие.

Наша команда на прощанье выиграла у команды Голландии со счетом 3½ : ½. Керес под занавес, обыграв чемпиона Голландии Доннера, показал лучший результат олимпиады: 13½ очков из 14 возможных!

В борьбе за второе место успехов добилась Аргентина, на пол-очка перегнав Югославию.

Чемпион мира Ботвинник награжден специальным призом за лучший результат на первой доске. Кересу вручены два приза за рекордный индивидуальный результат на четвертой доске и во всем турнире.

Все четыре основных участника советской команды не проиграли ни одной партии. Советские шахматисты еще раз продемонстрировали свое превосходство. Не случайно во время олимпиады в голландской печати появилось предложение организовать матч команды СССР (например, на ста досках) против всего остального мира.

Сало ФЛОР

Амстердам (по телефону).

Новая больница

На окраине Йошкар-Олы, столицы Марийской АССР, недавно освободилось от лесов светлое трехэтажное здание. Это хирургический корпус новой республиканской больницы.

Широкая лестница проходит через вестибюль и ведет наверх, а для больных, которым трудно подняться на второй и третий этажи, есть лифт. Корпус рассчитан на 150 коек. Даже в самых больших палатах размещается не более шести человек.

В санитарных узлах корпуса — душевые и ванные комнаты. В умывальниках постоянно есть горячая вода.

По последнему слову техники оборудованы хирургические, рентгеновский и физиотерапевтический кабинеты, лаборатории.

Новая больница обслуживает сельские районы республики. Больные оттуда доставляются на санитарных машинах. Когда нужно оказать срочную медицинскую помощь на месте, с аэродрома Йошкар-Олы поднимается самолет с красным крестом на фюзеляже.

Часто бывает в районах начальник республиканской санитарно-авиационной станции Степан Гаврилович Охотин. Сын крестьянина-марийца, он получил медицинское образование в Москве. Охотин — ведущий уролог больницы, заслуженный врач Марийской АССР. Он хорошо помнит то время, когда во всей республике было меньше врачей, чем сейчас в одном хирургическом отделении.

В ближайшие годы рядом с хирургическим корпусом возведут еще шесть таких же зданий. Вокруг разобьют парк, и больничный городок будет утопать в зелени.

В. МАТВЕЕВ.

Хирургический корпус больницы.

«Шейте сами»

Какой материал выбрать на платье? Инна Калиничева и Нелли Шаталова советуются с Е. В. Шишковской.
Фото А. Дитлова.

«Шейте сами».

Так называется один из многочисленных отделов Минского универмага. Он, пожалуй, самый маленький в огромном магазине, но, как видно, очень нужный. Мы убедились в этом, побеседовав со студентками Минского техникума пищевой промышленности Нелли Шаталовой и Инной Калиничевой.

Девушки, как правило, сами шьют себе простые, домашние платья. Но вот захотелось им сшить платья выходные. Трудно это сделать без специалиста. Подруги зашли в отдел «Шейте сами». Тут они поговорили с высококвалифицированной портнихой Елизаветой Владимировной Шишковской. Елизавета Владимировна не только посвятила подруг в «тайны» удачного выбора фасона, показала приемы экономной кройки, но и помогла подобрать материал.

Много клиентов в этом отделе. Сюда заходят опытные швеи за советом, будущие матери, обзаводящиеся распашонками, здесь консультируются женщины, которые желают шить по своему вкусу своими руками. А больше всего, конечно, начинающих портних-любительниц.

В. ПОНОМАРЕВ

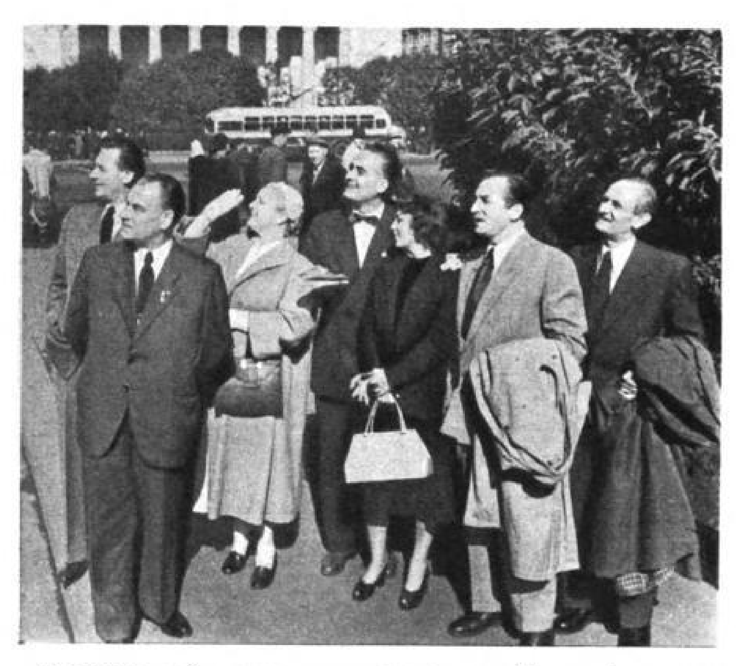

23 сентября в Свердловском зале Кремля состоялось вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» выдающемуся английскому ученому и общественному деятелю Джону Берналу.

Профессора Бернала, имя которого широко известно не только в научных кругах, но и среди людей доброй воли на всех континентах, сердечно приветствовали московские ученые и другие представители советской общественности.

Фото Е. Тиханова.

Польские артисты в Москве

Традиционный месячник польско-советской дружбы в этом году отмечен гастролями в СССР Государственного Польского театра.

В Москве 25 сентября в помещении Государственного академического Малого театра спектаклем «Кукла» (по роману Б. Пруса) начал свои гастроли Государственный Польский театр.

Польские актеры побывали на спектаклях московских театров, ознакомились с достопримечательностями Москвы, осмотрели Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

На снимке: группа артистов Государственного Польского театра на улицах Москвы.

Фестиваль индийских фильмов

Встреча советских и индийских деятелей кино. Слева направо: артистка Т. Макарова, индийский композитор Анил Бисвас, режиссер А. Птушко, индийские актрисы Наргис и Нирупа Рой.

Фото Е. Тиханова.

Искренняя симпатия советских людей к индийскому народу, желание узнать подлинную правду о простых людях Индии, стремление продолжить и закрепить дружеские связи наших стран, естественно, проявились и в том огромном интересе, какой вызвал фестиваль индийских фильмов.

Мы с благодарностью ощутили те благородные цели, какие раскрылись в индийских фильмах «Два бигха земли», «Бродяга» и «Ураган». Эти картины, посвященные простым людям Индии, борющимся с социальным бесправием, нищетой и голодом, раскрывают перед нами лучшие качества мужественного индийского народа.

...Два бигха земли—это так мало, но их надо суметь сохранить. В них сосредоточено благополучие семьи Шамбу Мето, ее настоящее и будущее. И, чтобы сохранить этот клочок земли, Шамбу отправляется с сыном в город на заработки. Артист Сахни, исполняющий главную роль в фильме «Два бигха земли», с поразительным мастерством раскрывает перед нами всю горечь борьбы за хлеб, за существование своих близких. Не будет преувеличением сказать, что впечатляющая сила образа, созданного артистом, дает полное право поставить имя Сахни в ряду лучших мастеров киноискусства. Познакомившись с Сахни в дни фестиваля, я убедилась в силе его таланта, поняв все совершенство перевоплощения, каким он владеет, играя эту умную и сильную по своей целеустремленности роль.

Фильм «Два бигха земли» поражает и убеждает нас своей правдой и искренностью. Шамбу Мето, его жена и сын становятся близкими и дорогими нам людьми. Это чувство не покидает нас до конца фильма. И даже потом мы вспоминаем мужество Шамбу, добрые глаза Паро и заблуждения Канайи. И, зная, как создаются кинофильмы, мы проникаемся чувством глубокого уважения к высокому мастерству творческого коллектива.

Фильм «Бродяга», поставленный исполнителем главной роли, молодым режиссером Радж Капуром, представляет собой значительное произведение. Социальное неравенство и классовые предрассудки, толкающие молодежь на преступления, раскрываются сценаристом в умело разработанном и остром сюжете. Режиссер незаурядного таланта, Радж Капур умело сочетает драматические коллизии фильма с музыкальными и балетными номерами. Но только иногда с огорчением отмечаешь, что временами чувство отбора изменяет молодому режиссеру — в картине есть сцены, рассчитанные лишь на внешний эффект. Творческие возможности Радж Капура, обладающего привлекательной и действенной силой актерского обаяния, судя по этому фильму, необычайно высоки. Он свободно владеет как силой драматического раскрытия образа, так и средствами комедийного жанра. Острота и наблюдательность, искрящийся темперамент сопутствуют ему в одинаковой мере в режиссерской и актерской работе. И мы уверены в том, что Радж Капур, снискавший глубокие симпатии советского зрителя, еще много раз доставит нам удовольствие видеть его творчество в новых фильмах.

Роль героини фильма в исполнении молодой актрисы Наргис оставляет особенно сильное впечатление в той части, где сценарист и режиссер дают ей повод раскрыть силу своего большого, настоящего чувства. Она женственна, молода, красива и, несмотря на свою молодость, считается старейшей киноактрисой Индии, потому что снялась уже в 60 фильмах, начав свой творческий путь с 12 лет. Хочется искренне пожелать ей серьезных, больших успехов в труде на благо нового и прогрессивного искусства своего народа.

«Ураган», поставленный режиссером и сценаристом этого фильма Ч. Анандом, рассказывает о молодых влюбленных. Борьба молодых людей за свое счастье, помощь, какую им оказывают окружающие их простые люди, — вот, казалось бы, несложный сюжет фильма. Но подлинный драматизм, мастерски раскрывшийся в работе режиссера и актеров, народные сцены, чудесная музыка придают этому фильму большую художественную силу. Образы, созданные артистами Нимми, Д. Анандом, Картик, Сингом, Коте и Латейфом, не забудутся.

Просмотрев эти фильмы индийских друзей, мы видим, что прогрессивное искусство Индии находится в руках талантливых и умных людей.

Кинофестиваль не только познакомил нас с жизнью индийского народа, но и помог нам понять движущие силы его искусства — стремление к счастью и миру.

Народная артистка СССР
Тамара МАКАРОВА.

Торжественное открытие фестиваля индийских фильмов. Вечером в Москве у подъезда Дома кино. За первые четыре дня индийские кинофильмы посмотрело около миллиона москвичей.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДНИ В КИТАЕ

Во второй половине сентября в Пекине происходила первая сессия Всекитайского собрания народных представителей. Эти дни и в особенности день, когда депутатами Собрания была единогласно принята Конституция Китайской Народной Республики, навсегда останутся в летописях многовековой истории Китая, в памяти свободолюбивых народов всего мира.

27 сентября Всекитайское собрание народных представителей избрало товарища Мао Цзэ-дуна Председателем Китайской Народной Республики. Заместителем Председателя избран товарищ Чжу Дэ. На этом же заседании был избран Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей во главе с товарищем Лю Шао-ци. Премьером Государственного совета Собрание единогласно утвердило товарища Чжоу Энь-лая.

Фото агентства Синьхуа и специального корреспондента журнала «Огонек» Дм. Бальтерманца.

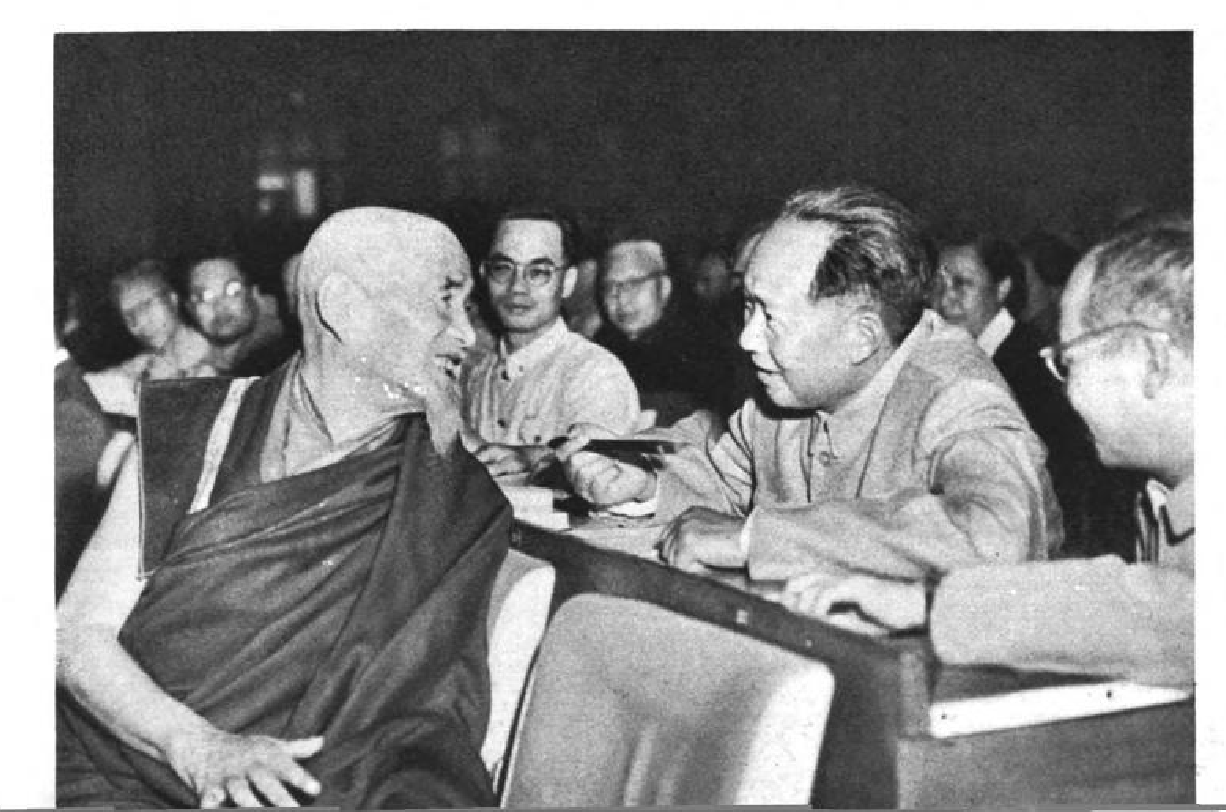
С огромным воодушевлением трудящиеся китайской столицы приветствовали принятие Конституции, закрепившей итоги героической борьбы китайского народа за свободу.

Депутаты Всекитайского собрания народных представителей от национальных меньшинств в момент принятия Конституции.

В одной из квартир Пекина. По радио передают весть о принятии Конституции.

Товарищ Мао Цзэ-дун беседует с депутатом от провинции Цинхай буддистом Си Сяо Цзя Цо.

Выдающийся китайский художник, девяностотрехлетний депутат Ци Бай-ши принимает участие в тайном голосовании.

Енисей-голубая

Исток Енисея — озеро Тере-Холе. На острове видна древняя крепость.

Е. РЯБЧИКОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

I

Двуглавая река

Шестьдесят лет назад, держа путь на остров Сахалин, очутился в Красноярске Чехов. В ожидании парома стоял он на берегу Енисея. О чем думал он, какие мысли и чувства пробудила в Чехове величавая сибирская река, узнаем мы в его очерках «Из Сибири».

«Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, — писал Чехов, — в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость... Так, по крайней мере, думал я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя на его воду, которая с страшной быстротой и силой мчится в суровый Ледовитый океан. В берегах Енисею тесно. Невысокие валы обгоняют друг друга, теснятся и описывают спиральные круги, и кажется странным, что этот силач не смыл еще берегов и не пробуравил дна... Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!».

Кто бы ни приезжал к Енисею, кто бы ни любовался его бурным потоком, каждый полюбит его.

Всякая река имеет свое начало и конец. У Енисея же, не как у всех рек, два начала: два истока. Это двуглавая река.

Рождается двуглавый Енисей высоко в горах Тувинской автономной области, вблизи центра Азии, куда залетают лишь орлы и летчики.

Удивительным краем, окрещенным путешественниками «высокогорной чашей с золотым дном», предстает Тува. Окруженная заснеженными хребтами, Тувинская котловина кажется колоссальным сосудом, на дне которого таятся неисчислимые богатства. Чашу заполняет перегретый, застойный воздух. Лежит он на дне, выжигая травы, иссушая ручьи, доводя до исступления животных. Порывистые ветры, срываясь с горных вершин, не скатываются в низину, а дразняще пролетают с хребта на хребет, минуя котловину. Лишь тени от гонимых ветрами облаков проносятся в небе. Неожиданно происходит «взрыв»: жгущий тело воздух столбом вырывается со дна котловины — и начинается песчаная буря. Бешеные порывы сметают юрты, разгоняют скот, валят всадников.

Казалось, сама природа сделала все, чтобы сюда не заглядывал пришелец, чтобы народ Тувы мог жить под защитой побеленных снегами хребтов. Но ни горячий воздух, ни песчаные ураганы, ни вечно снежные горы не могли остановить завоевателей. Вздымая пыль, по горным тропам тянулись орды Чингис-хана. Разоренные набегами, обнищавшие араты боронили свои поля караганником, собирали хлеб руками. Берестяной чум был жилищем, звериная шкура — одеждой. Так жили.

Прикочевав к Голубой реке — Енисею, издавна слывшему у тувинцев священным потоком, араты ставили холодные юрты, гнали на водопой скотину, а сами резали из бересты кораблики. Утлое суденышко пускалось в стремнину. Поверье гласило: если спеть в один куплет песню или сосчитать до десяти и после этого увидеть неутонувший кораблик, значит, быть в юрте удаче.

Грозен и безжалостен Енисей. Черные волны с бахромой пены захлестывали бересту, сбивали ее и засасывали в глубину. Арат бежал к шаману или к ламе: нужно было все сделать, чтобы отвести злого духа от юрты, от стад и детей, избавить род от бед и несчастий.

Шаман брал из рук испуганного кочевника приношение и выходил к Голубой реке. На берегу исполнял он свой дикий танец. Бил в бубен. Слышались завывания, тряслась на голове шамана золоченая трехглазая маска с бородавчатым свиным рылом, ослиными ушами и связкой человеческих черепов на прямых рогах. Осатаневший от духоты и пляски, он говорил наконец: «С верховьев реки придет удача».

С седыми искрами от стремительного бега темная священная река мчалась мимо, так и не принося счастья. Шел арат снова к ламе. И лама говорил:

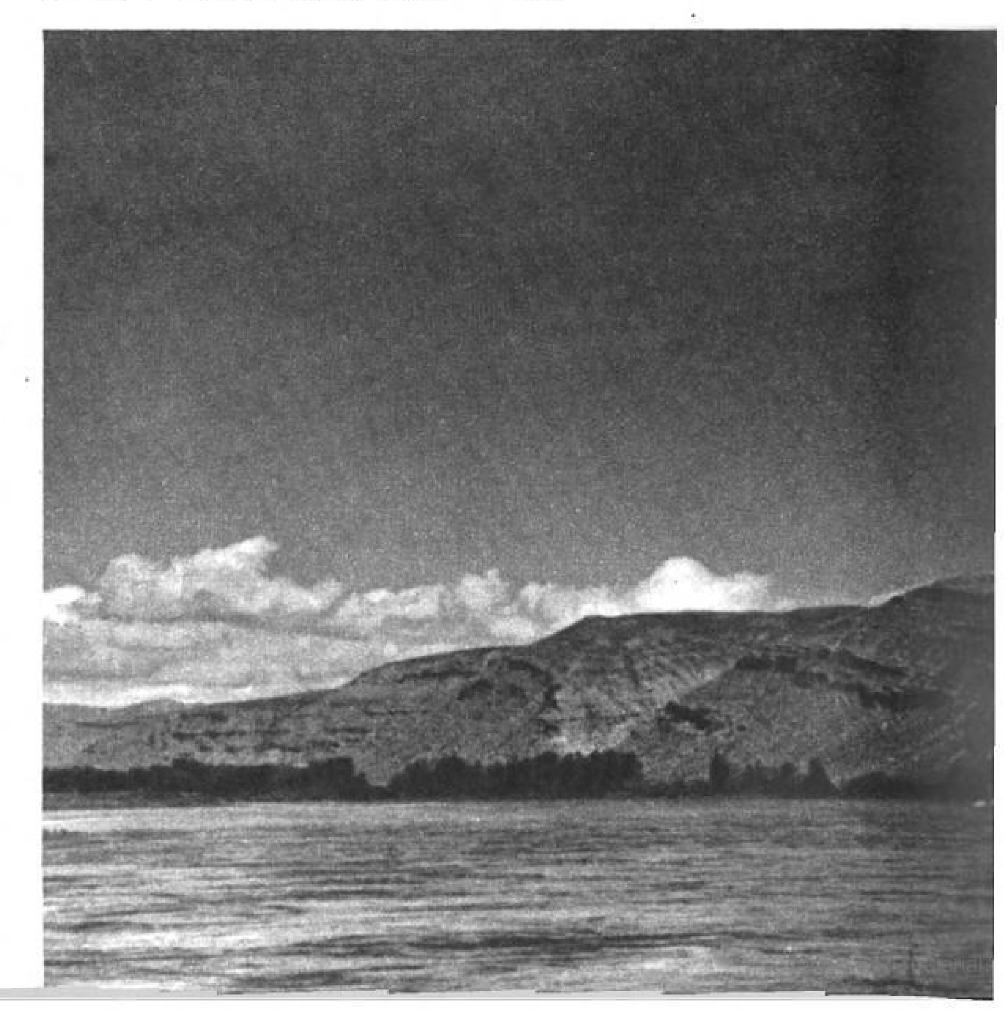
— Счастье лежит далеко-далеко, на Тодже, в тайге, где рождается Бий-Хем. Там, среди водопадов и озер, в чащобе, охраняют счастье в большом чуме три медведя. Нужно только найти чум счастья, и все будет хорошо.

Были отважные тувинцы, которые проникали и на Тоджу. Как шли они по гольцам, где нет ни кустика, ни дерева, как пробирались через окруженные тучами пороги, как преодолевали глухую стену из пихт, лиственниц и сибирских кедров, кто знает! В далеком, глухом краю ставили они берестяные чумы, пасли в высокогорной тундре оленей и все искали у истоков Голубой реки заветный чум счастья...

Золотая чаша

— Чум счастья везде теперь,— убежденно говорит летчик Алексей Ензак. Он стоит около самолета, улетающего к истоку Малого Енисея, и наблюдает за погрузкой сетчатых кроватей, зеленых ящиков с кинофильмами, радиоприемников, мешков с почтой.

— Прежде тувинец спал на овечьей шкуре,— продолжает летчик, — теперь он хочет иметь кровать, хочет смотреть кинокартины, читать книгу на родном языке, пить чай с сахаром, летать на самолете и ездить на автомобиле.

дорога

Но вот Алексей Ензак и Анатолий Александров, мастера высокогорных полетов, занимают места в пилотской кабине.

Чем выше забирается самолет, тем светлее и просторнее становится окрест. Кажется, будто раздвигаются зубчатые горы, замыкающие Тувинскую котловину, и уже видишь всю Туву с ее ледниками на голубых вершинах, с тучными пастбищами на склонах Саян и Танну-Ола, с серебристой пряжей клокочущих ручьев и рек.

Темными разливами лежит тайга. Свечением мраморов и гранитов встречают горные кряжи. Словно в бесконечность бегут через перевалы черные автомобильные дороги, и повсюду видишь поля, белые здания МТС, курящиеся фиолетовыми дымками тракторы на пашне. Так вот она какая — «чаша с золотым дном»! Кажется, вся природа Азии представлена здесь, чтобы явить то песчаные барханы с дикой колючкой и следами караванной тропы, то дремотную тайгу с обомшелыми елями и гладкоствольными голубоватыми пихтами, то унылые высокогорные тундры с карликовыми деревьями, лишайниками и мхами. С высоты видишь цепочку верблюдов в знойной пустыне Тувы, а через час полета показываются северные олени, бредущие по тундре.

Впереди стеной вздымается Танну-Ола, слившийся с облаками. За горным перевалом открывается удивительно спокойная, наполовину прикрытая холодными тенями, сонная котловина. На дне ее лежит бестрепетное озеро Тере-Холе.

До неправдоподобия спокойно оно, и в его глади, как в толстом зеркале, отражены облака, голубизна неба и зелень окружающих берегов. Множество больших и малых заболоченных островов разрезают Тере-Холе, и на самом большом из них видны четкие прямоугольные очертания крепости. Самолет описывает круг над древним сооружением. Глинобитные стены крепости образуют правильный прямоугольник, в восточной части которого сохранились ворота. Археологам предстоит еще разгадать тайну старинных стен, возведенных в истоке Голубой реки.

Взор находит исток Енисея: из Тере-Холе бежит светлый и чистый ручей. Вливаются в него воды из болотцев и мелких ручейков, и кажется, вся тере-хольская котловина, уснувшая и онемевшая, только тем и занята, что вспаивает Малый Енисей.

Милая, тщедушная, еще робкая речка описывает широкую петлю, нанизывает руслом одно кольцо на другое, прыгает в расселину, понатужившись, раздвигает горы и вот уже молодо, весело и лихо играет на первом пороге. Круто «падает» река; она идет под уклон так резко, что сразу набирает скорость и становится бурным, камнедробительным Малым Енисеем.

Летчик высокогорных тувинских трасс Алексей Ензак.

И вдруг вблизи озера видим большую улицу, застроенную деревянными домами, в конце ее — пастушьи юрты. Мелькают огороды, выпасы, дома, палатки, строящиеся здания, приземистые, словно согнутые высокогорьем лиственницы. Это сумон Кунгур-Тук.

Кунгур-Тук молод: недавно село перебралось сюда с высокого плато. Колхозники покинули безводный, неудобный участок Черголанды, где стояли юрты их отцов и дедов, и окончательно перешли на оседлость. Переселились они поближе к Енисею, чтобы иметь воду для огородов и животноводческой фермы, для водопоя скота и домашних нужд. Государство помогло им деньгами, строительными материалами. В новом поселке возводятся добротные деревянные дома, к зиме исчезнут и последние юрты.

Вблизи истока Енисея растет новое селение Кунгур-Тук; на его улице встречаем учеников седьмого класса комсомольцев Башу-Кыпыс, Доржу Дерме, заведующего школьным интернатом Санаа-Кыргыза и комсомолку, поступившую в техникум, Серен-Чечек.

Второй исток

Второй исток Енисея — озеро Кара-Балык, такое же голубое и неколебимое, как Тере-Холе, легло в камнях горных вершин невдалеке от границы с Бурят-Монголией. Истоки отделены друг от друга примерно тремя сотнями километров.

Орел одиноко кружится над застывшим озером. Когда смотришь на черное отражение птицы в водах Кара-Балыка, начинаешь догадываться, почему столько голубизны в воде и почему тувинцы издавна называют Енисей Голубой рекой: высокое небо, отражаясь в озерах, придает им голубой и торжественно-спокойный тон, который сохраняет Енисей до Ледовитого океана, как

В Кызыле, у горы Вилан, сливаются Большой и Малый Енисей; отсюда берет начало собственно Енисей, несущий воды в Ледовитый океан.

Студенты-геологи разместились в палатках.

память о своем поднебесном рождении.

Край, по которому течет Енисей, называют Тоджей. Это — одно из самых глухих мест в нашей стране. Кто путешествовал по Тодже верхом на олене, пробираясь в девственной чаще по звериной тропке, тот навсегда запомнит ее тайгу. Если самое слово «тайга» означает уже густой, непроходимый лес, то черная, дремотная чаща, захватившая Тоджу, нуждается в каких-то особых, очень выразительных эпитетах, способных передать удручающее впечатление от буреломов, завалов, топей и сухостоев.

Оленеводы и охотники шли на Тоджу добывать соболя и росомаху, колонка и белку. Узкие тропы хранят память о мужестве и упорстве следопытов. Теперь на тропах Тоджи встретишь не только охотников, но и лесорубов, не только пастухов-оленеводов, но и геологов, киномехаников, агрономов. Расширились охотничьи тропы — они стали дорогами, по которым, грохоча, идут тракторы.

Лоцман Иргит Доржу ведет плот по Енисею в Кызыл.

На берегу Большого Енисея, где начинается трудный и опасный плес, в устье горного Тора-Хема, впадающего в Енисей, золотистыми срубами поднялся поселок. Вспыхнули в нем электрические огни, загудели машины, дрогнула вокруг тайга. Под пилами и топорами зашатались сосны, рухнули наземь и покатились к Енисею, чтобы стать короткими, туго связанными ставами — частями плотов.

Вот идет по улице Тора-Хема, центра Тоджинского района, рослый Иргит Доржу, знаменитый лоцман и секретарь комсомольской организации леспромхоза. На нем зеленая куртка, кожаная черная фуражка, ноги обуты в самодельные сапоги с загнутыми вверх носками. Рядом с Иргитом шагает его жена, комсомолка Таня Маазы, черноглазая загорелая женщина. Она несет седла с уздечками, охотничье ружье и припасы на дорогу. Молодожены выходят на берег: здесь их ставы. Иргит Доржу спускается к воде, проверяет ронжи — поперечные тонкие стволы, к которым прикрепляются сплоченные бревна, и скуклы, с помощью которых счаливается один став с другим.

Все осмотрено, все проверено. Таня переносит на балаган — бревенчатый накат в центре плота — мешки с продовольствием, седла и попоны. Женщина разводит костер, ставит котел с водой. Рабочий-плотогон, комсомолец Кол-Кайлан Узул-оол, впервые уходит вниз по Большому Енисею. По тому, как часто смотрит он то на сильного, мускулистого лоцмана, то на второго рабочего-плотогона, комсомольца Владимира Назына, то на Таню Маазы, видно, что он неспокоен. Иргит Доржу снимает греби—рули из бревен, подходит к Кол-Кайлану, хлопает его по плечу: «Все будет хорошо!» — и идет на корму. Гребь медленно опускается в воду — знак готовности к отплытию.

Речные трамплины

С места, со старта, уходит плот с такой быстротой, будто наделили его могучим двигателем. Подхватывает Енисей ношу — и вот побежали по берегу дома, склады, огороды. Все быстрее гонит Енисей ставы. Мелькают пригнувшиеся к реке пихты, бурые скалы, обсохшие бревна разбитых плотов.

Иргит Доржу сбрасывает с мускулистого тела зеленую лоцманскую куртку. Словно отлитый из бронзы, стоит красивый и сильный юноша. Темные глаза его горят. С легкостью загребает Иргит длинной гребью, ловко обводит ставы мимо подводной скалы, заметной лишь по белому буруну, смело вводит плот в шивера. А Енисей беснуется, гонит плот к камням, норовит бросить его в свирепый водоворот, раскатать бревна на галечных отложениях.

Трудно и опасно здесь плавать. Однажды устремившийся вот так же с Тоджи плот попал на большую волну. Лоцман, выбиваясь из сил, уводил его от камней перед порогом, но плот развернуло, поставило против струи и ударило всеми ставами о подводные скалы. Бревенчатые клетки разорвало, понесло на порог. С переломанной ногой и разбитым локтем лоцман упал и чудом задержался на бревнах, сбившихся в развилке острых камней.

Через сутки стало известно о беде. На помощь лоцману выслали глиссер. Как ни ловок был капитан суденышка, но пенистый порог не пустил его к остаткам плота. Бригада спасателей попыталась перебраться с камня на камень. Но и это оказалось невозможным. Тогда послали самолет. Трижды сбрасывали летчики пакеты с продовольствием и медикаментами. Лишь третий пакет упал на бревна. Лоцман дополз до него, зубами разорвал бумагу, достал бинты, еду и, утолив голод, сделал сам себе перевязку.

С далекого стойбища верхом на коне примчался друг лоцмана. Поглядел он со скалы на порог, на остатки плота, что-то крикнул другу и стал действовать. Арат пошептал на ухо коню, гикнул, хлестнул его кнутом, и конь, прыгнув со скалы в поток, поплыл через реку. Лоцман подполз к краю разбитого става и, когда тоджинский конек был уже рядом, бросился в воду, схватился здоровой рукой за гриву и выплыл на другой берег.

Иргит помнит эту историю и зорко всматривается вдаль: шутить с Енисеем нельзя!

На триста восемьдесят восьмом километре от истока Енисей врезается в горы. Лобастые, залитые солнцем, словно окрашенные охрой, выдвигаются каменные выступы. Гнутся над ними кедры, в глубокой расщелине клубится туман. Острый запах прели бьет в голову. И вдруг умолкают птицы, забываются запахи тайги, плеск воды, — все внимание захватывает нарастающий рев и гул воды. Плот подходит к Утинскому порогу, наиболее опасному и труднопроходимому на верхнем плесе Большого Енисея.

В исступлении загребает лоцман гребью, охрипшим голосом отдает приказания. Сквозь сетку брызг, рождающих многоцветную радугу в ущелье, показываются мокрые камни. Лоцман знает: левый, более доступный для обхода берег, завален огромными валунами, правый скалист, отвесен, и он заранее направляет плот в быстрину порога, где водосливный вал преграждает путь.

— Греби на балаган! — командует Иргит. Это все, что он может сделать теперь.

Греби вытаскивают из воды и кладут на бревенчатый помост. Плотогоны отдают себя на милость Енисея.

Будто невесомый, утративший всю свою тяжесть, легко взлетает плот. Как лыжник, срывающийся с трамплина, он пролетает в пене и падает в бурлящую воду. Мохнатая, шершавая волна встает перед носовым ставом, катится валом, топит бревна, заливает скуклы. Плотогоны хватаются за такелаж, ловят в воде пожитки, а плот уже взлетает снова и будто зависает в воздухе, потом падает, и белый, взбитый вал прокатывается по ставам.

Когда Утинский порог остается позади и его рев постепенно затихает в отдалении, лоцман снимает фуражку, вытирает лоб.

— Пронесло!..

Весь в седых прядях, глухо шумящий перепадами воды, ревущий и стонущий в скалах, Енисей неудержимо несет тоджинский плот. Двое суток продолжается стремительный, захватывающий бег. Двое суток, как на кинематографической ленте, проносятся горы, ущелья, скалы, колхозные селения, строения МТС, лесные биржи. И вот позади Большой Енисей — позади 516 километров. Вырастает гора Вилан, за ней видны Кызыл и бронзового отсвета струи Малого Енисея. Реки-близнецы бросаются в объятия, сливаются в единый поток. Здесь, в Кызыле, столице Тувинской автономной области, начинается уже собственно Енисей.

Тоджа, по которой течет Енисей, — одно из самых глухих мест в стране.

Навстречу плоту спешат катера и глиссер — без их помощи нельзя на полном ходу подвести плот к городскому берегу. Катера ловят ставы, толкают их к прибрежным валунам.

Кол-Кайлан Узул-оол, совершивший впервые такое плавание, не верит, жив он или нет. Вытаскивают греби и кладут их на балаган. Таня гасит костер, собирает чашки. Лоцман забирает резные седла; если в ближайшие дни на Тоджу не пойдут из Кызыла самолеты, он возьмет лошадей и отправится с женой и товарищами через горные перевалы, по тайге к устью Тора-Хема гнать следующий плот.

Настоящий футбол

Лев КАССИЛЬ

Е. Бузански и Н. Симонян в борьбе за мяч.

Вам, конечно, известен итог встречи первых сборных футбольных команд Венгрии и Советского Союза. Поэтому нет нужды томить вас подробным описанием всех сложных перипетий этого интереснейшего международного состязания. Вы и так уже знаете, что игра принесла ничейный результат — 1 : 1. Но 70 тысяч зрителей надолго запомнят все, что происходило в воскресенье 26 сентября 1954 года на зеленом поле центрального стадиона «Динамо» в Москве.

Судить матч Венгрия — СССР был приглашен английский судья А. Эллис. Готовясь к ответственному международному состязанию, А. Эллис тренируется на стадионе.

Вот с трибун юго-западного сектора стадиона несутся дружные скандированные возгласы — «Хайра!» — венгерских студентов, учащихся в московских вузах. Земляки Пушкаша, Кочиша, Хидегкутти и Грошича подбадривают своих соотечественников. И игрокам сборной Венгрии в эти минуты кажется, вероятно, что эти энергичные, вдохновляющие хоровые тирады доносятся не с трибуны, а оттуда, где далеко за горизонтами юго-запада родная Венгрия, Дунай, Будапешт...

Проходят пятнадцать минут игры, и теперь уже одинаково громогласно аплодируют, шумят, восторженно приветствуют наших футболистов и северная, и южная, и западная, и восточная трибуны. Это мастерски выведенный Н. Симоняном забивает гол коротким кивком головы С. Сальников.

Во второй половине игры венгерские нападающие у самых наших ворот, не давая мячу опуститься на траву, проводят с головы на голову комбинацию, полную грозного изящества. И лишь исключительный по красоте бросок Яшина, напоминающий полет акробата на воздушной трапеции, спасает наши ворота от неминуемого, казалось бы, гола. А вскоре весь гигантский овальный амфитеатр снова разражается овацией, восхищенно аплодируя Кочишу, забившему с резкого выбега красивый ответный мяч в ворота советской команды.

Мы могли еще раз убедиться в том, что сила, мастерство, спортивный класс венгерских футболистов соответствуют их громкой, всемирной славе. И не мешает многим нашим футболистам поучиться у венгерских друзей быстроте бега, хитроумному ведению игры головой, безукоризненной технике в пласcировке мяча, умению бить с хода из любых положений, без тех остановок и раздумий, что смерти подобны во время атаки на ворота.

Недаром венгерские футболисты обладают золотыми медалями олимпийских чемпионов и разгромили сильнейшие команды Старого и Нового Света, выиграв дважды с ошеломляющим счетом у национальной сборной команды Англии и победив футболистов Бразилии и Уругвая...

Но положа руку на сердце, столько испытавшее в прошлое воскресенье, можно сказать о наших футболистах, которых мы иной раз сгоряча поругиваем сверх меры, что они играли, как выражаются спортсмены, в силу сильнейших, противопоставляя натиску, стремительности и высокому классу лучшей в мире команды свою дружную, мощную, продуманную и самоотверженную игру.

И тут хотелось бы рассказать о замечательном поединке, который шел в течение всех девяноста минут игры и был как бы наглядным отражением того, о чем мы только что сказали.

Когда, объявляя состав команд по радио, диктор перед началом игры назвал пятым номером фамилию Войнова, стадион тревожно зашумел. Почему это в полузащиту сегодня поставили молодого, еще мало кому известного ленинградца?.. Ведь на этом месте обычно играл Парамонов, полузащитник агрессивного стиля, умеющий хорошо включаться в нападение.

И вот ленинградскому футболисту Юрию Войнову, впервые включенному в состав сборной страны, пришлось с первых же минут игры вступить в единоборство с самым грозным, с самым многоопытным из гостей. Войнов должен был сдержать напор капитана венгерской команды, знаменитого Ференца Пушкаша, забившего во время 59 международных игр, в которых он участвовал, 69 мячей в ворота противников.

Войнов действовал необыкновенно хладнокровно и осмотрительно, пресекая все попытки Пушкаша совершить его знаменитый молниеносный выход на мяч.

Некоторые из болельщиков, особенно из болельщиц, были склонны уже сердиться на Войнова: «Ну что он Пушкашу совсем дохнуть не дает? Ведь интересно посмотреть, как Пушкаш играет». Но такое, несомненно, очень эффектное зрелище было бы совсем не в интересах нашей команды, и молодой футболист хорошо понимал свое место и назначение в игре...

Жаль, что крайние нападающие А. Ильин и Б. Татушин, обычно очень подвижные, провели игру вяло, бестемпераментно. Не всегда осмысленно играл А. Гогоберидзе, делая много шуму из ничего. В нападении самым активным был неутомимый С. Сальников, много хлопот венгерской защите доставил и Н. Симонян. Про советского вратаря Л. Яшина можно было сказать, что он всю игру был на высоте, но вратарь советской команды взял виртуозно также и несколько низких мячей...

Как известно, для зрителей менее всего эффектна в футболе роль судьи. Но английский судья А. Эллис быстро завоевал симпатии 70 тысяч зрителей своей неумолимо беспристрастной точностью и выразительными мимическими пояснениями, которыми он комментировал каждый свой свисток.

В общем это был настоящий «большой футбол», большой день международного спорта. Венгерские футболисты подтвердили свой высокий класс сильнейших игроков мира, а советские футболисты доказали, что они могут играть в силу сильнейших.

Комментатор Дюла Гуяш ведет передачу со стадиона «Динамо» для радиослушателей Венгрии.

Замена игрока в венгерской команде.

Прозвучал финальный свисток. Матч окончен. Команды покидают поле стадиона.

Фото Е. Умнова, А. Новикова и А. Бочинина.

Венгерские студенты на трибуне.

Родное искусство

П. ЛЕБЕДЕВ,
директор Государственной Третьяковской галереи

А. Иванов. ГОЛОВА НАТУРЩИЦЫ МАРИУЧЧИ. (Этюд к картине «Явление Христа народу».)

В Государственной Третьяковской галерее — одном из самых популярных и любимых наших музеев — собрано все лучшее, что было создано гением русского народа в изобразительном искусстве начиная с XI века. Особенно полно представлено в галерее реалистическое искусство XIX века и прежде всего творчество А. Иванова, Перова, Крамского, Репина, Сурикова, Серова, Левитана. Значительное место в залах галереи занимает раздел советского искусства.

Трудно переоценить огромное значение Третьяковской галереи в формировании художественных вкусов русской интеллигенции. Произведения, собранные в ее залах, всегда волновали зрителей, возбуждали в них высокие гражданские чувства, глубокое сочувствие к угнетенному народу, внушали ненависть к крепостничеству, ко всем проявлениям эксплуатации человека человеком.

Неизмеримо выросло значение Третьяковской галереи после Великой Октябрьской социалистической революции, когда это драгоценное собрание живописи, скульптуры и графики стало достоянием народа.

Посещаемость галереи непрерывно растет; если в 1898 году ее залы осмотрели восемьдесят семь тысяч пятьсот человек, то в 1920 году здесь побывало свыше двухсот тысяч, а в 1953 году — миллион четыреста тысяч человек.

Ныне в залах галереи экспонировано много ценных художественных произведений, длительное время хранившихся в запасниках. Пополнение и улучшение экспозиций продолжается. За последний год вновь выставлено больше 1 200 живописных, графических и скульптурных работ. Эти произведения дополняют представления зрителей о развитии реалистического творчества русских художников. В работах Репина, Неврева, Бельского, Варнека, Захарова запечатлены образы замечательных деятелей русской культуры. В картинах К. Маковского, И. Соколова, В. Верещагина показываются отдельные стороны народной жизни. В пейзажах Каменева, Светославского и других лирически отображена родная природа.

С. Рянгина. В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА.

В новой экспозиции творчество отдельных художников отражено полнее и многостороннее, а некоторые периоды истории русского искусства представлены шире и разнообразнее, чем раньше.

Из произведений, пополнивших залы искусства XVIII и первой половины XIX века, привлекает внимание портрет русского композитора Д. С. Бортнянского, написанный М. И. Бельским в 1788 году. В облике выдающегося музыканта художник передал его живой характер, творческую энергию. Интересен портрет А. В. Ступина — основателя первой частной художественной школы в Арзамасе, где учились и крепостные художники. Портрет этот выполнен известным живописцем А. Г. Варнеком в 1804 году.

Большую ценность представляет портрет известного общественного деятеля, историка Т. Н. Грановского, исполненный в 1845 году П. З. Захаровым. Портретные работы Д. Г. Левицкого «А. М. Голицын» и О. А. Кипренского «М. В. Шишмарев» отличаются глубиной психологических характеристик.

Из запасов галереи извлечены и выставлены для обозрения 80 замечательных этюдов, исполненных великим русским художником А. А. Ивановым к его картине «Явление Христа народу». Этюды эти — шедевр живописного мастерства — показывают, как глубоко понимал художник человека и природу, и говорят о подвижнической работе выдающегося мастера.

Особенно основательно ныне пополнены залы, посвященные русскому искусству второй половины XIX и начала XX века. Здесь прежде всего хочется указать на превосходный портрет Л. Толстого, исполненный И. Е. Репиным в 1909 году, за год до смерти великого писателя. Художник изобразил Толстого сидящим в кресле и с увлечением слушающим музыку. Поза писателя, выражение его глаз — все говорит о том, что он полностью поглощен мелодией. Тонкая цветовая гамма еще раз подтверждает величайшее мастерство Репина.

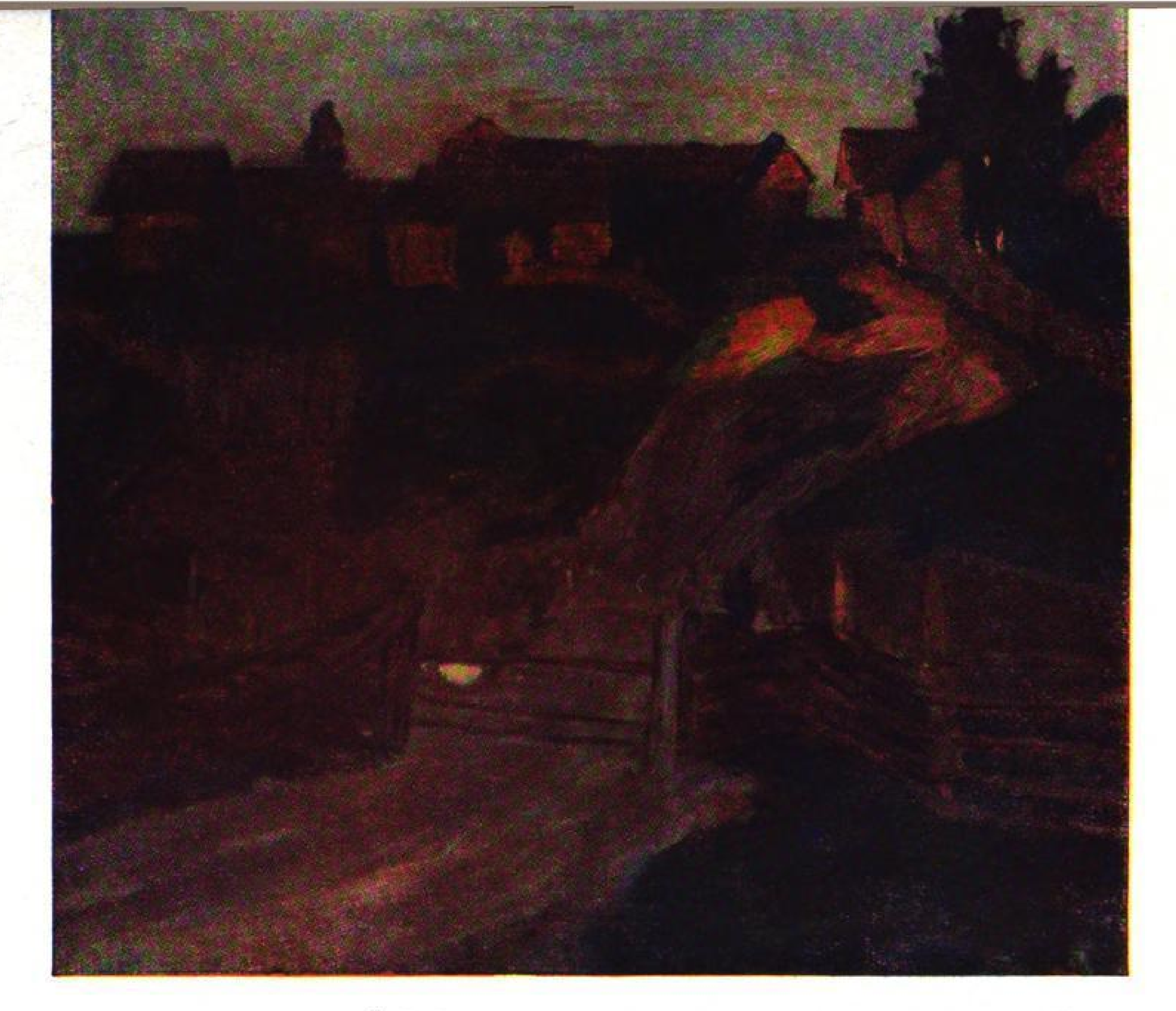
Исключительную художественную ценность имеют выставленные в залах рисунки и наброски, выполненные Репиным, Суриковым, Саврасовым, Поленовым, значительно обогащающие представление о творчестве замечательных русских художников-реалистов.

Заслуженное место в залах галереи заняли некоторые сравнительно мало известные русские живописцы: пейзажисты Л. Каменев — один из основателей Товарищества передвижных выставок, С. И. Светославский — ученик А. К. Саврасова. Показано несколько интересных портретов, написанных Н. В. Невревым еще в 60-х годах. Более широко представлено творчество К. Маковского, П. Соколова, В. П. Верещагина. Особенно интересны «Портрет Строгановой», жанры «Швея» К. Маковского и «Занятная книжка» А. Киселева, пейзаж С. Светославского «К весне». Обращает на себя внимание картина В. В. Верещагина «Панихида», находившаяся в запасе с 1928 года. В картине изображается заупокойное богослужение на поле, усеянном трупами солдат.

Много перемен в залах советского искусства. Богаче теперь представлено творчество художников АХРР (Ассоциация художников революционной России). Здесь выделяются: «Ханжа» Г. Ряжского, изображающая тупую и напыщенную лицемерку, групповой портрет рабочих-ударников Коломенского завода Е. Кацмана, этюды на заводские темы П. Радимова, работы Ф. Модорова, В. Перельмана, Н. Авилова. В других залах появились «Крестьянка в зеленом фартуке» А. Архипова, мастерски написанный И. Грабарем портрет академика Н. Д. Зелинского, пейзажи А. Рылова, Я. Ромаса, портреты, исполненные В. Ефановым, С. Дудником. Вновь показываемые произведения советских художников делают еще более многообразной и содержательной экспозицию советского отдела.

Нельзя не пожалеть о том, что большинство залов галереи невелико по объему, что они недостаточно освещены дневным светом. Неудобное расположение помещений затрудняет полноту восприятия произведений искусства. В ближайшем будущем осуществится реконструкция здания галереи, к нему пристроят новое крыло — это значительно расширит возможности галереи и улучшит обслуживание широких масс зрителей.

Из новой экспозиции Третьяковской галереи

И. И. Левитан [1861—1900]. ПОСЛЕДНИЕ ЛУЧИ СОЛНЦА. 1899 год.

И. И. Левитан. ЦЕПЬ ГОР. МОНБЛАН.

С. И. Светославский (1857—1931). К ВЕСНЕ. 1887 год. Государственная Третьяковская галерея.

А. А. Рылов (1870—1939). ДОГОРАЮЩИЙ КОСТЕР. 1898 год.

А. А. Киселев (1855—!). ЗАНЯТНАЯ КНИЖКА. Около 1894 года.

Государственная Третьяковская галерея.

К. Е. Маковский (1839—1915). ПОРТРЕТ С. Л. СТРОГАНОВОЙ. 1864 год. Государственная Третьяковская галерея.

ВРАГИ НАШИХ ВРАГОВ

А. А. ИМШЕНЕЦКИЙ,
член-корреспондент Академии наук СССР,
директор Института микробиологии Академии наук СССР

Многие десятилетия ученые ведут настойчивую осаду еще недавно казавшейся таинственной и неприступной крепости, где засели исконные враги человека и животных — опасные невидимки, возбудители различных заразных болезней.

Нетрудно убить микроорганизмы, мельчайшие живые существа, как бы много их ни было, в лабораторной пробирке. Этой цели служат химические вещества. Но эти вещества ядовиты не только для невидимок. Они разят без разбора все, с чем соприкасаются,— и животных и человека; они, как говорят ученые, лишены избирательности действия.

Создать препараты, которые поражали бы болезнетворных микробов, не повреждая клеток и живых тканей, иначе говоря, отличались бы строгой избирательностью,— это было мечтой, которая четверть века назад считалась чуть ли не фантастической.

Только самые прозорливые умы твердо верили в то, что такие средства будут найдены, и подсказывали пути решения этой проблемы. Еще Илья Ильич Мечников, гениальный русский ученый, наблюдая свирепую борьбу между микробами разных видов, справедливо заметил, что человек в своих интересах обязательно воспользуется этим извечным антагонизмом. Знаменитая мечниковская простокваша может служить примером первого приложения этой идеи.

Использовать в борьбе с врагами нашего здоровья их испытанных врагов — такая мысль русского ученого оказалась очень плодотворной. В ходе эволюционного процесса, на протяжении миллионов лет возникали и процветали виды невидимок, которые приспособились выделять ядовитые вещества и с их помощью истреблять своих недругов и конкурентов.

Однако прошло много лет, прежде чем удалось обнаружить полезные виды микроорганизмов. Объясняется это тем, что в природе существуют десятки тысяч видов и разновидностей — микробы, бактерии, грибки, вирусы. Какие из них станут нашими союзниками? Где искать сильнейших — в воздухе, воде или в почве?

Неисчерпаемой кладовой, где развиваются, благоденствуют невидимки, оказалась почва. Именно здесь исследователей ждала самая большая удача. Чем земля богаче питательными веществами, тем она гуще населена. В грамме плодородной почвы сотни миллионов или миллиарды мельчайших обитателей.

В почве были найдены самые активные невидимки — плесневые грибы,— а также актиномицеты, что значит лучистые грибки. Они-то и положили начало новой блестящей странице современной медицины — учению об антибиотиках.

Антибиотики — лекарственные вещества, производимые преимущественно микроорганизмами,— превосходят по своей силе и лечебному эффекту не только все, чем раньше располагала терапия, но обладают и резко выраженной избирательностью. Они произвели полный переворот в лечении инфекционных болезней, направили их течение в благоприятную сторону, позволили вступить в спор со смертью, отнять у нее многие ее верные жертвы.

Самый «старший» среди антибиотиков — пенициллин. Он появился немногим больше десяти лет назад и сразу завоевал признание врачей. Вслед за «первенцем» были выделены грамицидин С и стрептомицин.

Затем, словно из рога изобилия, хлынул мощный поток все новых и новых антибиотиков. Сегодня число их перевалило за пятьсот. Правда, пригодными оказались единицы, только они нашли дорогу в медицинскую практику. Дело в том, что некоторые из них мало эффективны, другие, наоборот, чересчур ядовиты.

Совсем недавно ряды антибиотиков пополнились высокоценными препаратами. Это левомицетин, биомицин (ауреомицин), террамицин, сходные между собой по действию против возбудителей тяжелых заболеваний — брюшного, сыпного, возвратного тифа, паратифов, токсических форм дизентерии, бруцеллеза, туляремии, трахомы, коклюша. Эти антибиотики как бы дополняют пенициллин и стрептомицин.

Некоторое представление о значении антибиотиков в терапии дает такой яркий факт: с их помощью удалось победить свыше полусотни различных возбудителей, в том числе самых зловредных и опасных. Непобежденные остались в явном обреченном меньшинстве.

Огромную роль в создании учения об антибиотиках сыграли труды советских ученых — профессоров Н. А. Красильникова, Г. Ф. Гаузе, З. В. Ермольевой, В. Н. Ореховича, М. М. Шемякина и коллективов руководимых ими лабораторий.

В СССР в исследовательских институтах и лабораториях изучаются новые антибиотики — экмолин, аллицин, альбомицин, мицетин, анстипин, источниками получения которых служат не только низшие формы растений и животных, но и высшие.

Развитие наших знаний в этой юной отрасли биологии идет с удивительной быстротой. Советские исследователи различных специальностей объединяют свои усилия, чтобы новые эффективные биологические лекарства незамедлительно находили дорогу в производство, а затем в широкую медицинскую практику.

Однако до последнего времени, несмотря на обилие публикаций по многообразной проблеме антибиотиков, почти отсутствовали работы обобщающего характера, особенно по химии этих веществ. Этот пробел в немалой степени восполняет фундаментальная монография «Химия антибиотических веществ», принадлежащая перу советских химиков — М. М. Шемякина и А. С. Хохлова.

Речь идет о втором издании труда после основательной и плодотворной переработки, после его существенного дополнения и расширения. Авторы проделали громадную работу. Они кропотливо и добросовестно собрали и критически изучили мировой опыт, внеся в свою книгу самое ценное, новое. Достаточно сказать, что библиография занимает почти 70 страниц убористой печати, в ней приведены названия пяти тысяч монографий, исследований, сборников, обзоров, лекций, журнальных статей, с которыми познакомились авторы во время работы над книгой. С исчерпывающей полнотой они раскрыли современное состояние химии антибиотических веществ.

Однако содержание книги гораздо шире ее названия. Это как бы малая энциклопедия антибиотиков. Не только химик, но и микробиолог, биохимик, фармаколог, медик найдут здесь полезные сведения, характеризующие весь комплекс проблемы в ее теоретическом и практическом значении.

Авторы предлагают собственную правильную классификацию антибиотиков, положив в ее основу химическое строение, с которым нерасторжимо связаны их биологические особенности. Такая систематизация вносит ясность в мало изученную область. Это, бесспорно, поможет поискам путей химического синтеза, искусственного воспроизводства антибиотиков, что экономически выгоднее и проще.

М. М. Шемякин и А. С. Хохлов совместно с коллективом лаборатории Института биологической и медицинской химии Академии медицинских наук СССР участвовали в исследованиях по созданию первого синтетического антибиотика — левомицетина.

По технологии, предложенной институтом, наша медицинская промышленность выпускает сейчас искусственный антибиотик, во всем подобный натуральному. Это говорит о том, что дорога к химическому воссозданию других антибиотиков отнюдь не заказана: это вопрос времени, роста наших знаний, упорства.

М. М. Шемякину и Л. А. Щукиной принадлежит заслуга проверки и окончательной расшифровки ауреомицина и террамицина. Они установили химическое строение этих двух важных препаратов, чем облегчили их производство.

Нельзя забывать, что новые антибиотики требуют и новых методов их выделения, синтеза, очистки от примесей. Эту задачу также поможет решить «Химия антибиотических веществ».

Антибиотики — область, переживающая период бурного подъема. Они находят применение и в медицине и в ветеринарии, где с их помощью лечат различные заболевания домашних животных, и в пушном хозяйстве и в консервном производстве и даже в растениеводстве как средство борьбы с болезнями зеленого царства.

Все это свидетельствует о том, что ближайшие годы ознаменуются новыми важными открытиями.

М. М. Шемякин и А. С. Хохлов (слева) в своей лаборатории.
Фото Р. Лихач.

Радости глухой поры

Из второй книги повести «Открытие мира»

В. СМИРНОВ

Рисунки В. Лодягина.

Поздно вечером запыхавшийся Шурка очутился на берегу Волги.

Уже горели на темной неподвижной воде бакены — мутно-белый огонек на перекате и красный, словно кровяной глаз, на фарватере, с правой стороны по течению реки. В лиловом густом осеннем сумраке еле проступала за Волгой на взгорье капарулина покосившаяся будка. Не видно было там сигнальной мачты, спасательного круга под окошком, лодки-завозни у мостков,— будка торчала одиноко, бесприютно, как брошенный шалаш.

Все вокруг Шурки в надвигающейся тьме было пустынное, тихое, немножко жуткое, не такое, как днем: и черная большая вода, от которой несло холодом, и голые кусты ивняка, поднимавшиеся не там, где они постоянно росли, и берег с громкими камнями, сырым, вязким песком и глубокими неожиданными ямами. А неба совсем не было, и над головой темнела неподвижная река, но без берегов, без огоньков и капарулиной будки.

Однако стоило Шурке, поеживаясь, сделать осторожный шаг вперед, как все на его пути оказывалось знакомым: кусты, камни, ямы. Только небо попрежнему разливалось чужой бескрайней рекой, да будка перевозчика торчала брошенным шалашом, и взаправду не видно было завозни у того берега.

«Неужто опоздал, без меня укатили? — струхнул рыбак и, громыхая материными сапогами, спотыкаясь о камни, побежал берегом к песчаной косе. — Не таковский парень Ленька, чтобы не подождать... И рано еще, Капаруля любит сумерничать... А лодку просто не разглядишь, вот и все»,— успокаивал он себя, падая покорно в какую-то яму.

Ледяная лужа освежила ему мозги.

«Слава тебе, хоть в грязи, да на Волге, не на печи», — подумал, вылезая на карачках из ямы, Шурка, вбирая с восторгом в себя черную гладь воды и неба, огоньки бакенов, вдыхая сырой, холодный воздух, который, казалось, весь пропах рыбой.

Он не добежал до косы, как навстречу ему из сумрака донесся тихий свист.

— Яшка-а? — откликнулся он вполголоса.— Иду-у!

— Уж я ждал, ждал... хотел домой идти, — сдавленным, прозябшим шепотом встретил его недовольный Петух. Он сидел босой, нахохлясь, на камне, как на насесте, уткнувшись в поднятый воротник, засунув рукав в рукав.— Где ты провалился, Кишка? Я замерз совсем!

— Мамка не отпускала. Насилушки выпросился,— объяснил Шурка, плюхаясь рядом.

Ему было жарко, и он не понимал, почему приятель стучит зубами.

— Этих баб не поймешь. Сперва и слушать не хотела, чуть не прибила, дверь на крючок заперла... А потом раздобрилась, даже сапоги свои отдала... Конечно, пореветь пришлось за десятерых,— скромно признался он.

Они разговаривали шепотом, боясь потревожить рыбу. Тишина стояла такая, что каждая песчинка под сапогом хрустела и попискивала. Черная тяжелая вода будто прибывала, затопляла неслышно на глазах оба берега, а камень, на котором сидели ребята, не трогала.

Скоро пропали капарулин шалаш, гряда валунов, исчезли ближние кусты, и рыбаки оказались на песчаной косе, точно на острове. Со всех сторон их окружала мгла, густая, холодная, как вода. Та, вторая река, что разливалась над головой, соединилась с Волгой, и стало совсем темно. Ярче загорелись, словно приблизились, огни бакенов.

— Видать, задали Лешке деру вместо лодки и остроги. А мы-то, олухи, сидим, мерзнем,— бормотал Петух.— Спичек я не захватил, поторопился, анафема тебя задери! Хоть бы теплину развести, погреться...

Некоторое время на косе царило безмолвие. Тьма глядела на ребят круглыми рыбьими глазами: красным, как у сороги, и белым, как у леща.

— И дернуло меня послушаться трепача, сунулся на Волгу... А зачем? Никакой рыбы не чутко. Она от холода вглубь ушла,— затянул новое, тревожное продрогший и раздраженный Яшка.— Эвон, хоть бы плеснулась какая малявка!.. Нет, домой надо идти. Два часа караулю — ровно сдохла вся рыба, хвостом не пошевельнет!

Шурка беспокойно заерзал на камне. Как он этого не заметил!

Прежде по вечерам, когда он ставил жерлицы, река у берега долго не засыпала. Все слышались всплески, шорохи, какие-то вздохи. Точно кто-то ворочался в воде с боку на бок, укладываясь на ночь, и никак не мог угнездиться, как братик Ванятка. Сейчас, осенью, вода была мертвая. Даже в заводине не крякали утки: улетели давным-давно в теплые края. Ничего живого не существовало вокруг,— одна холодная, сырая, разноглазая темь простиралась по реке.

Шурке сразу стало зябко.

Неужели и впрямь нет рыбы у берега? А ну, как Петух правду говорит, не дал бакенщик завозни и сам не поехал. Ведь это же не человек, страшилище, недаром его прозвали водяным.

Когда ребята летом купались и, заплывая на середину обмелевшей реки, отдыхали, держась за бакен, Капаруля всегда вылезал с бранью из будки и, схватив багор, ковылял к лодке, волоча правую, вывернутую ревматизмом ногу, лохматый, кривобокий, с кудельной бородой, как есть сущий водяной. Ребята, бросив бакен, поспешно плыли обратно, к своему берегу.

— Поймаю — утоплю, дьяволята голенастые! — ругался дед, стоя на мостках, гремя цепью и потрясая багром.

В отплату мальчишки прятались иной раз в кусты и начинали кричать по-бабьи:

— Капару-уля, пе-ре-во-о-оз!..

Вода протяжно откликалась:

— ...уля-а... во-о-оз!

И где-то на той стороне, в лесу, замирало тонкое, жалобное:

— А-а... о-о!..

Шурка всегда принимал участие в этой забаве, — он умел лучше всех подражать нетерпеливому, с визгом, бабьему голосу.

Бывало, обманутый бакенщик садился в завозню, и, когда подъезжал к берегу, ребята с хохотом и пляской выскакивали из кустов и убегали в гору, на луг, а Капаруля, злобно бранясь, швырял в них камнями и опять грозился утопить голенастых дьяволят.

«С водяным не поспоришь, это тебе не мамка, слезами не прошибешь, да Ленька, кажись, и не умеет реветь,— думал Шурка.— Ой, нахвастался, кашлюн несчастный! Никакой он не имеет власти над дедом. Где ему, хрипуну, с водяным совладать, коли с пустяшной задачкой справиться в школе не может!»

Он твердил это про себя, горевал, отчаивался, а видел другое, как Ленька, простуженно сипя, приглашает его на ловлю и, независимый, презрительно-снисходительный, делает небрежное движение рукой, расправляясь с

Капарулей, как с мухой. И Шурка, хватаясь за эту руку, на что-то еще надеялся.

— Подождем минуточку... а, Яша? — молил он шепотом, коченея от сырости и тревоги.— Давай побегаем, живо нагреемся!

— Давай,— вздохнул, уступая, Петух.

Они принялись носиться в темноте по отмели. Песок визжал под ногами, но тепла не прибавлял. Тогда рыбаки стали толкаться плечами, как толкаются зимой, в мороз, на шоссейке возчики, похлопывая себя рукавицами. Ребята наскакивали баранами, бодались и наконец схватились по-настоящему, стараясь положить один другого на лопатки. Скоро повалил из разинутых ртов пар, ребята вспотели и согрелись на славу.

— Постой! — остановил Яшка друга, лежа под ним на мокром песке.— Гляди-ка!

Шурка вскочил на ноги и увидел, что тьма была уже трехглазая. К бело-красным неподвижным рыбьим глазам прибавился еще один, светло-желтый, маленький, живой. Он мигал и ползал в темноте, как золотой жук.

— Никак... разговаривают,— сдавленно шепнул Шурка.

Они прислушались.

В черной ночи, на том берегу, где ползал золотой жук, слышались шаги, кашель, слабо звякало железо. Вот грохнула цепь на мостках, что-то заскрипело и равномерно зашлепало по воде. Потом донесся простуженный, строгий голос Леньки:

— Пошевеливайся, Капаруля!

Золотой жук не ползал больше в темноте, не мигал, он стал неподвижным и круглым, как огни бакенов. Жук не приближался, а шлепанье весел и скрип уключин, ленькин кашель становились заметно слышнее.

— Левей! Бревно несет... расколет твое корыто. Говорю, левей! — сипло, отчетливо, как бы совсем рядом, сказал Ленька.

— На Юхоти... вчерась... прорвало запань,— глухо, неохотно ответил дед-бакенщик и выругался.— Прибьет к берегу,— возись теперь с кряжами.

— Не твое дело.

— Известно, не мое... Пальцем не шевельну, черт с ним, с ихним лесом... Только воду поганят. Кряжи-то, ровно утопленники, плывут. Тьфу!

Весла в темноте громко всплеснулись, уключины заскрежетали. И сразу из непроглядного мрака на Шурку и Яшку надвинулись немного наискось знакомый, загнутый вверх нос капарулиной завозни, фонарь на корме, сутулая спина бакенщика, работавшего веслами, и Ленька, стоящий посредине лодки, опершись на багор. На носу завозни виднелась прилаженная жаровня, отчего нос лодки казался еще выше.

Ребята, оробев, не тронулись с места.

— Эй, где вы там?! — крикнул Ленька.

— Здесь... — хриплым шепотом отозвался Шурка.

Капаруля, оглянувшись на берег, тронул одним веслом, тронул другим, и завозня, шурша днищем по песку, подчалила прямо к шуркиным сапогам. Он попятился от света и лодки, вспомнив летнее озорство над водяным. Яшка тоже благоразумно отошел в темноту. Бакенщик мельком подслеповато и равнодушно посмотрел на ребят и, вынув весла из уключин, взялся за деревянный совок, лениво отчерпал воду в завозне. Потом перебрался на корму и стал закуривать.

— Опять мой кисет взял? — строго сказал ему Ленька, возясь с жаровней.— Смотри, Капаруля, отниму. Будешь у меня сегодня сидеть без курева всю ловлю... Подай топор и спички, тебе говорят!

Дед усмехнулся в бороду и ничего не ответил. Однако подал внуку то, что он требовал.

— Крути на двоих,— смилостивился Ленька и победоносно покосился на Яшку и Шурку, которые умирали от радости, глядя, как Ленька распоряжается водяным. Значит, он не прихвастнул. Значит, он тут, на завозне, действительно самый главный хозяин, а Капаруля — так, сбоку-припеку, муха, не стоящая внимания.

Они влезли в лодку, которая пахла сыростью и рыбьей чешуей, принялись подобострастно помогать Леньке щепать лучинки, разжигать на жаровне смолистые, мелко наколотые еловые поленья. Они не позволяли хозяину завозни утруждать себя, завладели топором и спичками, и скоро Леньке осталось только распоряжаться, покрикивать на работников, сердиться, что он и делал с большим удовольствием.

Раздувая огонь, подкладывая на проволочную решетку щепочки и самые тонкие, сухие полешки, чтобы костер поскорей запылал, вновь испеченные рыбаки с трепетом разглядывали на дне завозни две грозные остроги на длинных шестах, с частыми, острыми зубьями — на мелкую рыбу — и с редкими, по пальцу, что у бороны,— на крупную, как они догадались, на пудовую рыбищу, коли она попадется. На каждом зубе блестело свежеотточенное жало, как у удильного крючка, чтобы рыбина не сорвалась, когда ее будут вынимать из воды.

Ах, кажется, и в самом деле доведется нынче Шурке и Яшке подержать в руках эти рыбацкие заманчивые вилы! Доведется поцелиться и ударить по окуням, щукам и налимам, да так, что добыча будет проткнута насквозь,— с костями, мясом и потрохами. Хороша саженная вилочка, поддевай ею рыбу, ровно со сковороды!.. Да, будут радости невиданные и неслыханные, только бы угодить требовательному, придирчивому хозяину.

И они старались услужить Леньке изо всей мочи и уменья.

А Капаруля-водяной безучастно, угрюмо сидел на корме, курил и плевал в воду.

Ленька потянулся к деду за окурком.

— Экую прорву высосал, старый леший... одну бумагу мне оставил,— проворчал он.— Ну-ка, давай хоть затянусь разок!

Дед кинул окурок за корму.

— Мал,— сказал он.— Безотцовщина... волю взял. Давно за вихры не попадало!

Ребята изумленно-испуганно переглянулись. Ленька с яростью накинулся на них, захрипел, закашлял:

— Долго будете валандаться? Тоже мне рыбаки, огня развести не можете!

Он кричал и командовал пуще прежнего, сызнова потребовал у деда топор и спички, которые куда-то запропастились. Дед послушно отыскал с фонарем и молча подал коробок, сам наколол новую порцию щепок.

Может, окурок и не падал за корму? Может, ребятам это просто привиделось?

Шурка и Яшка с усердием занялись было опять костром. Но тут сильная длинная рука отодвинула их в сторону, не торопясь поправила дрова на жаровне. Косматая борода медленно полезла в самый огонь, поворожила, дохнула, как кузнечные мехи, угли посыпались через решетку, зашипели в воде, и костер сам собой вспыхнул ровным красноватым смоляным светом.

Шурка близко взглянул на бакенщика и подивился, до чего тот походил на свою будку. Ну, такая же кривобокая развалина, этот водяной, потому и страшный! Припадает на правую больную ногу, как припадает будка на правый сгнивший от долголетия угол. Запутанная серая борода висит клочьями, что пакля, вырванная ветрами из пазов. Глаза бесцветные, подслеповатые, один прищурен. Капаруля загадочно глядит в темноту, как его будка крохотным оконцем. Даже сплюснутый блином, порыжевший картуз бакенщика, сдвинутый на крутой затылок, изображал точь-в-точь плоскую, покатую крышу будки.

Словно взяли старую, кособокую избушку и посадили в лодку для потехи: а давай посмотрим, посмеемся, что из этого выйдет?

Выходило совсем не смешно. Избушка на курьих ножках, кривясь на правый бок, угрюмо помалкивая, неслышно двигалась по завозне, и куда совались ее клочья пакли и длинные, до колен, узловатые, темные, как коряги, руки, там все незаметно ладилось: завозня подчаливала куда надо, вода ручьем выливалась со дна лодки за борт, топор и спички отыскивались, костер разгорался.

Нет, пожалуй, зря Ленька обзывает своего деда лодырем! И уж, во всяком случае, от него, как от мухи, не отмахнешься, тут Ленька хватил через край. Окурок-то все-таки полетел в воду. И про вихры было сказано громко, уверенно. Но в то же время Ленька определенно командовал дедом, как хотел, это и слепой мог видеть. Водяной, посмеиваясь, потакал внуку, но и спуску, видать, не давал, как полагается деду, вот она, истинная правда.

Наблюдая с любопытством и некоторым страхом за бакенщиком, Шурка невольно перебирал в памяти все, что он знал, видел и что слышал от мужиков и баб о перевозчике.

* * *

Будка бакенщика стояла на песчаной возвышенности, намытой весенними паводками. Каждую весну, в половодье, река окружала будку со всех сторон, подступала к порогу, и дед причаливал свою завозню прямо к крыльцу, а Ленька, балуясь, удил рыбу из окошка.

Деда звали Тимофеем Капарулиным. Когда он был еще мальчуганом, отец его, тоже бакенщик, вздумал посадить около будки тонкие, гнувшиеся на ветру липы, березки и рябинки. Вместе с отцом Тимошка таскал корзиной чернозем из болота, поливал деревца, и они разрослись на просторе вольготно. Теперь под их прохладной тенью Капаруля любил в зной проводить часы досуга. Здесь он чинил фонари, конопатил и смолил лодку, должно, ровесницу ему по годам, красил помаленьку железные воронки бакенов, ладил рыбацкую снасть: переметы, сети, жерлицы, дорожки. Отсюда же он лениво вел наблюдение за порученным ему участком Волги.

Прямо перед будкой тянулась песчаная коса, острым, щучьим носом врезываясь далеко в воду. Ниже, на изгибе реки, шел каменный перекат, прозванный ребятами Седой гривой, — гроза лоцманов, водоливов и капитанов. Там постоянно кипела вода и зубасто щерились валуны с разметавшейся на них седой пеной. Фарватер проходил рядом. Мужики толковали, что немало днищ пароходов, «тихвинок» и барж распорол на долгом своем веку этот перекат.

Днем Капаруля, не торопясь, объезжал свой участок, обмеривая фарватер, ставя вешки, и заодно ловил на отмелях живцов для переметов и жерлиц. Попутно перевозил редких пассажиров. Вечером зажигал фонари на бакенах и ставил с Ленькой на ночь переметы. Как бы рано ни прибегал утром Шурка на Волгу, завозня Капарули всегда уже торчала на середине реки — он снимал улов и тушил бакены.

Он встречал и провожал пароходы, караваны барж, плоты. Его сигнальная мачта с черными прямоугольниками и кругами обозначала глубину фарватера, звездочки белых и красных бакенов указывали безопасный путь. И суда проходили, не останавливаясь, мимо будки бакенщика. И так же, как пароходы и баржи, говорил народ, проходила, не останавливаясь, жизнь мимо Капарули.

Несладко, как слыхал Шурка, сложилась судьба Капарули. Воистину жизнь, не останавливаясь, била его по загорбку. Он рано потерял отца и мать и как-то сразу стал взрослым. Одиночество сделало его угрюмым, замкнутым. Бабы говорили, что невозможно понять, как он, нелюдим, набрался храбрости жениться, да еще на вдове-бобылке, которая годилась ему в матери. Тогда у Тимофея еще была изба в деревне за лесом и надел земли, оставшиеся от отца. Бобылка позарилась на дом и землю, без венца перешла жить к Капаруле. Но вскоре летом, в грозу, изба сгорела. Пришлось горюнам перебираться на постоянное жительство в будку. Вдова испугалась тесноты и одиночества, бросила Капарулю, оставив ему прижитого мальчонку.

Бакенщик вырастил сына, отстроил в деревне новый дом, поскорей женил наследника, дождался внука. Тут сызнова свалилась беда: ленькиного отца в престольный праздник зарезали в драке насмерть. Мать Леньки по женской слабости прельстилась соседом-кузнецом, красавцем и гулякой, приняла в дом. Тот живо промотал добро, продал избу, уехал за счастьем в Питер и как в Волгу головой сунулся. После было письмо, что его задавило на фабрике машиной. Перед войной умерла внезапно мать Леньки от столбняка — занозила в лесу босую ногу гнилушкой и от такого пустяка, случающегося с каждым, скончалась почти в одночасье. Остались у Капарули внук, будка да Волга.

Несчастья оттолкнули Капарулю от людей напрочь. Он одичал и стал похож на водяного. Бабы намекали в разговорах, что не зря смерть косит капарулин род: беды да победки, чу,— одной матери детки; еще отец Капарули снюхался с нечистой силой, да и сам Тимофей перестал ходить в церковь, продал душу водяному царю за сто целковых,— все видели у Тимофея в спичечном коробке де-

Польские народные песни

Глубоко поэтичное песенное творчество польского народа пользуется заслуженным признанием и любовью в нашей стране. В ближайшее время Гослитиздат выпускает большое собрание польских народных песен в новых переводах советских поэтов. Ниже печатается ряд песен, в которых нашли свое отражение тяжелая жизнь народа в панской Польше, его чувства и мечты.

* * *

Ой, как худо служить
Девушкой дворовой
И кормить голубка
Во светлице новой!

По оплошности я
Дверцу не прикрыла, —
Улетел голубок,
А я не словила.

Он уселся вот так,
В поле на дубочек,
А я, девушка, кричу:
«Дусь, дусь, голубочек!»

Он уселся вот так,
На вишне — пониже,
А я, девушка, кричу:
«Дусь, дусь, лети ближе!»

Он уселся вот так,
Низко на заборе,
А я, девушка, кричу:
«Ах ты, мое горе!»

Подлетел он вот так,
К самому порогу.
Ну, уж если подлетел,
Значит, слава богу!

«Дай гороху ты мне,
Моя дорогая!
Если ты его не дашь,
Значит, даст другая».

«Ой, боюсь я греха,
Не было бы плохо:
Меня люди засмеют,
Что дала гороху!»

Перевел Л. Мартынов.

* * *

Уж как на́ поле былинку
Ветерок колышет,
Уж как Касеньке любимой
Ясек письма пишет.

«Хоть ты пишешь,
хоть не пишешь,
Не читая, брошу:
Знать, люблю тебя не крепко,
Ясек мой хороший».

«Пусть ты любишь,
пусть не любишь,
Я не позабуду,
Твое ласковое слово
Вечно помнить буду...»

И угнали новобранцев
В край чужой, далекий.
Ни по морю, ни по суше
Нету к ним дороги.

«Ой, летит, летит кукушка —
Пташечка лесная,
Ой, несет, несет нам вести
Из родного края.

Расскажи нам, что ты в Польше
Слышала-слыхала,
Что ты в садике отцовском
Видела-видала!»

«Гнутся в садике отцовском
Ивы над водою,
А родные ваши плачут
Горькою слезою».

«Ты скажи им, пусть не плачут,
Сердца не тревожат:
После смерти на том свете
Свидимся, быть может».

Перевел М. Исаковский.

* * *

Есть ли солнце, нет ли солнца,
Нас уносит плот.
Над водою песня льется,
С ветром вдаль плывет.

Солнце, звезды ль
над дорогой —
Городов минуем много,
Из-под Кракова по Висле
С гор лесных идем.

С каждым днем уходим дальше,
В пене, как в снегу...
А сердца остались наши
Там, на берегу.

Нам своих любимых жаль,
Но плывем с плотами вдаль...
Мы воротимся к любимым
После долгого пути!

Перевел А. Кудрейко.

* * *

Три недели мы гуляли,
Люди этого не знали,
А как люди все узнали,
Мамке с батькой рассказали.

Матушка моя, что лето, —
Не корит меня за это,
Батюшка мой схож с зимою, —
Веет стужей ледяною.

Перевел В. Арцимович.

сять червонцев, заложенных паклей. Новая-то изба на нехорошие деньги была построена, оттого все и пошло прахом.

Конечно, бабьей болтовне верить не приходилось, но что-то непонятное, как и у других, было в жизни Капарули. Он царствовал на Волге, катался день-ночь на завозне, ловил сколько хотел рыбу, а казалось, ничего этого не любил, все делал нехотя, постоянно был злой, даже когда снимал с жерлиц и переметов улов, швырял рыбу в лодку с бранью. И вместе с тем он терпел такие издевательства, каких другой бы на его месте не потерпел без сдачи.

Зажигая бакены, Капаруля иногда близко подъезжал к пароходам, и богатые пассажиры, восседая компаниями на верхних палубах за белыми столиками и сами во всем белом, швыряли от скуки в бакенщика пустыми пивными бутылками, огрызками колбасы, окурками, пробками. А он, вместо того чтобы закатить в пьяниц камнем, как он делал, гоняясь за ребятами, снимал перед господами суконный блин с головы и молчал. Завозню его, с брошенными веслами, подкидывало и раскачивало на волнах, нарядные пассажиры хохотали, когда окурок или пробка попадали в цель, а Капаруля, выпрямившись, с непокрытой головой стоял в лодке истуканом. Прищурясь, он исподлобья, одним глазом глядел на веселящихся господ.

Потом, когда быстроходный пароход общества «Самолет» скрывался за поворотом, дед напяливал картуз, плевал вслед пароходу и начинал дико браниться. Но его уже никто не слыхал.

Да что, Капаруля молчал, даже когда его били! А это случалось каждое лето. Шурка сам видел.

В мелководье прекращалось движение красивых пассажирских пароходов и грязных, топившихся дровами буксиров. Смельчаки гнали с верховья плоты своим ходом, а плоскодонные суда спускались вниз под парусами. Вверх по реке баржи тянули бурлаки. Они молча шли по берегу, в рванье, лохматые, загорелые, похожие на Капарулю, и касались руками лаптей и сыпучего песка. Бечева шлепала по воде. Но стоило появиться на барже лаковому козырьку приказчичьей фуражки, как бечева натягивалась и звенела струной.

На перекате и отмели водоливы и приказчики лебезили перед бурлаками. Те лезли в воду и барахтались в ней часами. Посинев от холода, несмотря на зной, шатаясь от усталости, бурлаки хрипло ругались, и пели, и точно на руках проносили баржи через каменный и песчаный пороги. Потом они жгли теплины и грелись, расположившись на берегу. Перед ними в прежнее время ставили ведро с водкой. Они хлебали водку ложками, как варево, закусывая ломтями хлеба, густо посыпанного крупной солью. Прошлым и нынешним летом бурлаки пили молоко и простоквашу и долго не могли согреться.

А с баржи летел уже сердитый окрик:

— Поторапливайтесь... зимогоры!

Когда плоты и баржи садились на мель, на камни, лоцманы и приказчики обвиняли Капарулю, что он неправильно расставил бакены и вешки, и били его за это.

Он не оправдывался, не защищался, молча принимал зуботычины, утирал рукавом кровь с бороды и опять снимал плоский картуз, точно просил прощения...

Сейчас, сидя на корточках у жаровни, разглядывая украдкой ленькиного деда, который снова угрюмо и безучастно сутулился на корме, Шурка чувствовал, как жжет ему щеки. Он отодвигался от огня, а щеки не остывали. Он клялся не обманывать больше Капарулю, не кричать из кустов по-бабьи «перевоз», не висеть на бакене, купаясь. И без того водяному царствовалось на Волге не сладко, поневоле станешь злым. Но получать зуботычины, бутылки, колбасные огрызки и не давать сдачи Капаруля все-таки не имел права. Ведь вот с мужиками и бабами, перебирающимися через реку, Капаруля всегда держится гордо, независимо-презрительно, как Ленька в школе перед ребятами. Почему он терпит издевательства от купцов и приказчиков, не догадаешься. Тут есть какая-то тайна. Шурка надеялся со временем проникнуть в эту тайну.

Чем ярче разгорался костер в лодке, тем чернее становилась вокруг ночь. Ленька потушил фонарь. Тьма подступила к самым бортам завозни. Под жаровней на воде обозначился красновато-светлый дрожащий круг, как прорубь в темном льду. В эту прорубь Шурка и Яшка увидели прозрачную, слабо струящуюся воду, желтый песок, распаханный ракушками, и синевато мерцавшую стайку пескарей, расположившихся на ночлег возле замытых, гладких камней.

Шурка схватил и крепко сжал в волнении яшкину руку. Петух ответил радостным щипком.

— Поехали! — скомандовал Ленька, отталкивая багром завозню от берега.

Капаруля, помедлив, взял короткое широкое весло, похожее на утиную лапу, и, сидя на корме, неслышно опустил весло в воду. Лодка тихо, беззвучно пошла вдоль берега. Впереди, как бы освещая путь, двинулось по темной глади светлое окошко.

* * *

Все, что было потом в эту ночь, что увидел и пережил Шурка, он уже никогда больше не видел и не переживал в своей жизни.

Он примостился с Яшкой возле жаровни, сжался, притаился, чтобы не мешать Леньке, который, стоя с острогой наготове, облитый багровым смоляным огнем, сиплым шепотом приказал не зевать, следить за теплиной и молчать. Шурка и без того не дышал, не мог открыть рта, онемев от восторга.

Вода была не черная и не мертвая. Вода была светлая, густая, полная жизни. Шурка глядел, не мигая, в красное движущееся окошко, и перед его трепетным взором проплывало внизу капарулино таинственное царство с дремлющими зеленовато-золотистыми ершами, серебряными плотичками, с разноцветными глыбами валунов, темными, шевелящимися зарослями тины, светлым песком и коричневыми разбухшими корягами. Волга спала и дышала во сне. Белые пузыри воздуха поднимались со дна от ключей, которые били вверх струйками-столбиками, как бы подпирая стеклянную крышу подводного царства. Темнозеленая, опустившаяся от холода на дно трава извивалась по течению шелковыми кудрями, прядками и длинными девичь-

ими косами, а молодая синяя осока упрямо росла вскинутыми острыми саблями-пилами, вся в мелком жемчужном бисере воздушных пузырьков, как в росе. Попадались бревна, застрявшие у берега, бакенщик при виде их рычал, но Шурку это мало беспокоило. Он разглядывал другое. В чистой, большой осенней воде, не по поверхности ее и не по дну, а где-то по самой серёдке плыли веточки, ольховые шишки, листья, какие-то рогатые зернышки. Завозня осторожно обгоняла все это, оставляя позади, и перед Шуркой открывались новые капарулины владения, красивее и таинственнее прежних.

Он забыл про острогу, забыл, зачем сидит на корточках в лодке, почему горит костер на железной решетке. Ему стало казаться, что река неподвижна, а сам он плывет вместе с веточками и ольховыми шишками в прозрачной зыбкой глуби, пускает в воде белые пузыри, гладит катькины косички, разговаривает с рыбами. Потом на его глазах валуны, песок и трава стали превращаться во дворцы с фонтанами и садами, про которые он читал в книгах. Повсюду тускло блестело золото, серебро и драгоценные камни. Глазастые ерши в колючих панцырях, как воины в латах, сторожили несметные богатства. Где-то вдалеке, на хрустальном троне, мелькнула серая запутанная борода самого водяного царя Капарули...

Шурка опомнился, когда Ленька, сдерживая кашель, прохрипел деду:

— Тише!

Лодка остановилась, дворцы и сады пропали. Шурка заметил под жаровней, в воде, у фиолетового, схожего с короной камня, здоровеннейшего окуня. Полосатый, с прозеленью, горбатый, медленно раздувая жабры и поводя красноватым хвостищем, окунь спокойно стоял головой против течения. Пять темных полос так и просились, чтобы острога проткнула их зубьями. Окунище косил рыжим глазом на черное, замшелое днище завозни, на красный свет и собирался, кажется, покинуть облюбованное на ночь местечко.

Шурка беспомощно оглянулся.

Бакенщик, сливаясь с темью, понуро сидел на корме и ничего не видел. Зато Ленька, озаренный костром, уже наклонился к воде, подняв острогу.

— Бей! — в одном страстном вздохе взмолились Шурка и Яшка.

Острога Леньки вонзилась, чмокнув, в воду. Завозню качнуло, и окунь, трепыхаясь, очутился в лодке у шуркиных рук вместе с мокрым, холодным шестом остроги.

Шурка поспешно, неловко снял добычу с зубьев. Окунь был с ладошку, совсем не такой большой, каким он казался в воде.

— Это другой... тот, здоровяк, ушел... фунтов на десять... эх! — горестно шепнул Петух, принимая от приятеля рыбину и взвешивая ее по привычке в руке.

— Молчите, ежели ничего не понимаете,— оборвал Ленька.

Острога снова скользнула в воду, и белая плотица, застряв между зубьями, сама шлепнулась на дно лодки.

Теперь Шурка ничего не видел в окошко, кроме рыбы. Порядочные окунишки ползали по тине, но Ленька почему-то их не трогал. Лодка проходила, не останавливаясь, мимо плотвы, ельцов и сорог, которые стаями отдыхали в траве.

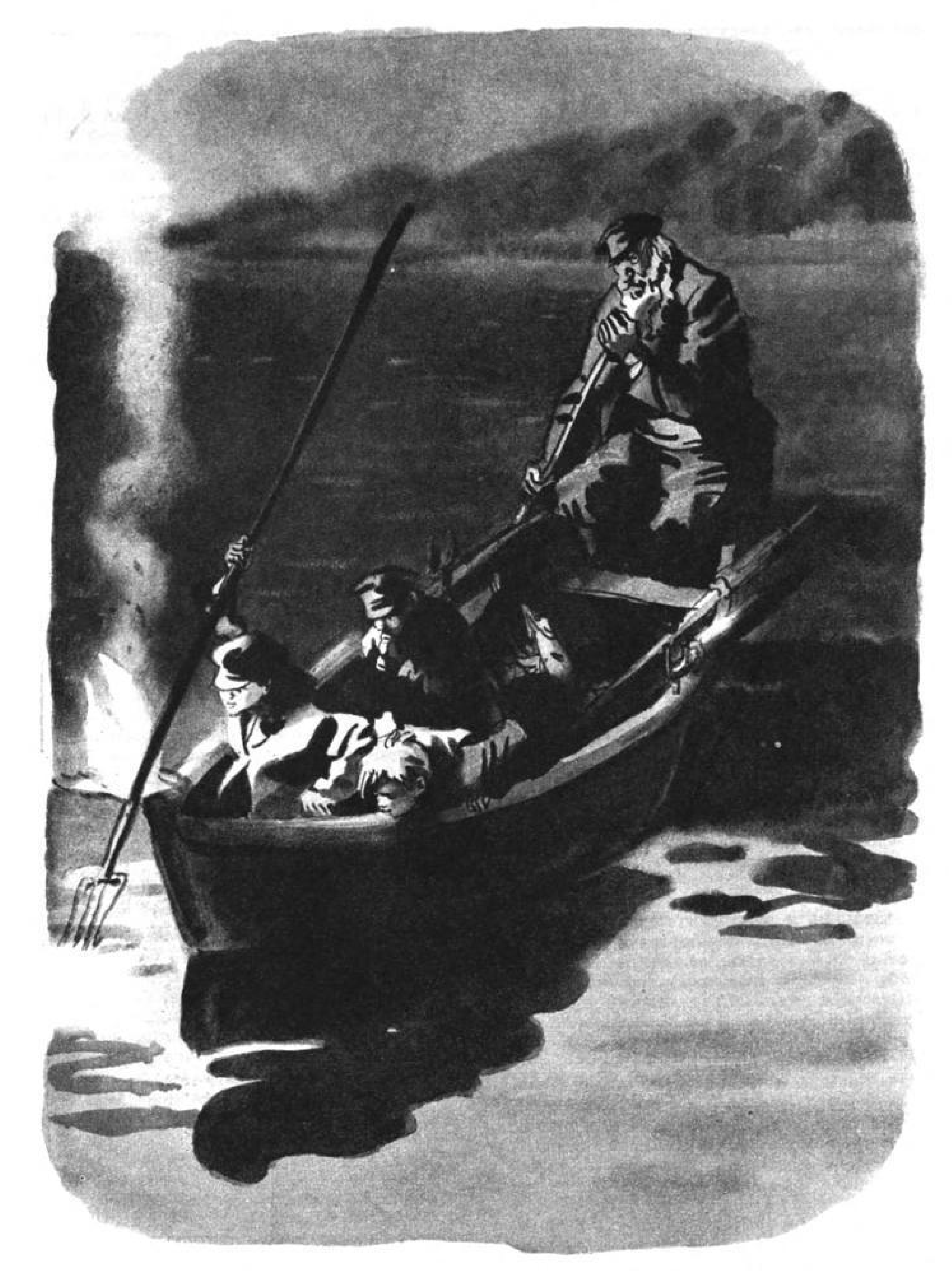
У Яшки и Шурки чесались руки. Ребята дрожащими пальцами показывали Леньке на добычу, но главный рыбак только головой мотал и шипел, как угли в воде, требуя тишины, а сам в азарте кашлял в кулак и, конечно, пугал чуткую рыбу.

Вон длинная, острая тень метнулась от осоки вглубь, и песчаная муть дымной полосой потянулась следом.

— Щука... — прохрипел Ленька. — За версту, собака, чует острогу!

На быстрине в мелких камнях они приметили налимов. Два ушли, а третий, бледнозеленый, в крупных пятнах, белобрюхий, попался-таки на острогу. Налим был мягкий и скользкий, в слизи. Яшка, снимая, чуть не упустил его обратно в реку.

Костер, забытый ребятами, потухал, а страсти рыбацкие разгорались. Уже не раз Шурка и Яшка без слов, жадными, нетерпеливыми знаками просили Леньку дать им на минуточку острогу. Но хозяин безжалостно не понимал их, пока невидимый Капаруля не сказал с кормы:

— Хватит тебе. Дай другим побаловаться.

Дед на секунду появился на свет, подбросил дров на решетку и пропал в темноте, повторив:

— Хватит!

Господи, смотри-ка, кто позаботился о голенастых дьяволятах!

Ну, спасибо, Капаруля-водяной! Дай тебе бог не помирать сто лет с гаком, ловить трехпудовых щук и давать наотмашь сдачу пьяницам в белых пиджаках, водоливам и горластым приказчикам!

Ленька не сразу послушался деда, промазал по хорошему подлещику, спугнул судака и, устав от волнения и неудач, присел на борт. Утирая рукавом разгоряченное, потное лицо, он выругался по-мужицки.

Тотчас из темноты высунулась коряга и схватила Леньку за ухо.

— Не учись плохому, учись хорошему,— сурово донеслось с кормы. — Мужики матерятся с горя. А ты с чего, обязьяна?

Ленька обронил острогу. Ее живехонько подхватил Яшка. А Шурка проворонил, уставясь испуганно на капарулину руку-корягу, как она возит внука за ухо.

Когда зрелище кончилось, было уже поздно. Яшка, расставив широко и твердо босые окоченелые ступни, торчал на носу завозни и целился шестом в воду.

Ах, как ненавидел Шурка в эту минуту Петуха! Не будь они в лодке на ловле, он вцепился бы Петуху в противный гребень. От всего обиженного сердца он мысленно пожелал закадычному другу промаха.

Желание его исполнилось. Яшка четыре раза подряд промахнулся, потом забил дрянненького голавлишку, на которого и смотреть было неохота, и опять дал маху, да еще по золотому красноглазому линю, высунувшему мохнатый хвост из травы. Ленька, потирая украдкой ухо, отобрал сердито острогу и молча передал ее Шурке.

Удача! Окошко как раз вырвало из тьмы и накрыло светлой шапкой огромного леща, лежавшего в яме, что оброненный ребром в воду медный поднос. Шурка с подкатившимся к горлу сердцем еще только собирался целиться, как острога сама собой упала в воду, точно переломилась в ней и воткнулась... в пустой песок.

Растопырив плавники, как крылья, вильнув хвостом, лещ сонно отошел в сторону и забился башкой в тину.

— Наводи зубья под водой. Не торопись,— проворчал сзади Капаруля.

Шурке некогда было удивляться, что подслеповатый водяной, оказывается, все отлично видит с кормы. Ленька и Яшка барабанили его в спину, теребили за штаны, подавали шепотом советы и отнимали острогу.

Лягнув советчиков, Шурка оперся грудью о гнилой, пропахший смолой и рыбой край завозни и трясущейся, неловкой, какой-то чужой рукой стал наводить острогу на леща, как учил бакенщик. Острога не подчинялась ему, лезла куда-то прочь, кривясь в неровном, колеблющемся свете теплины.

Он все-таки наметился пониже короткой полукруглой головы леща, в толстый черный хребет, в самое верхнее неподвижное тонкое перо и ткнул шестом.

Лещ нехотя поплыл от берега, пропал в глубине. Слышно было, как Капаруля звучно плюнул в воду.

Ну и досталось же Шурке от ребят! Они чуть не столкнули незадачливого рыбака в воду вслед за лещом.

А бакенщик, помолчав, неожиданно утешил:

— Бывает с непривыку. Вода обманывает.

Двинул веслом лодку, зевнул.

— Рыбы в Волге много... Забьешь другую.... еще крупнее, наваристее.

И верно, не много прошло времени, как Шурка вытащил небывалого ерша, в четверть величиной, с темносиними навыкате глазищами, рябого, истекавшего кровью и икрой. Он не позволил никому снять, сам с наслаждением и жестокостью сорвал рыбину с зубьев и перекололся колючками.

А волшебное окошко, то задергиваясь дымом, как занавеской, то распахиваясь просторно и светло, роняя в воду искры, двигалось впереди лодки, неустанно показывая новую добычу.

В осоке притаилась великолепная щука. Она лежала на дне, как палка, поджидая плотву на ужин.

«Мы сами тебя на ужин сгребем!» — весело подумал Шурка, ударил и еле выворотил из песка замытое сосновое полено.

Ленька и Яшка прыснули смехом. Шурка клялся и божился, что видел щуку,— на полене щука и сидела.

— Поехали в заводину,— предложил Ленька.— Там рыбищи невпроворот, что в густой ухе.

Не вынимая утиного весла из воды, Капаруля беспрекословно легко повернул неуклюжую завозню.

В заводи как бы не было совсем воды — такой прозрачной и неподвижной казалась она. Здесь не плыли веточки и рогатые зерна, тина плотно, не шевелясь, лежала моховой луговиной, а пузыри еще чаще, чем в Волге, поднимались от ключей, большие, блестящие, как зеркальные шары, и не сразу лопались на поверхности, некоторое время плавали белыми кувшинками.

— На Волге и грязь чистая,— сказал Капаруля, оглядывая заводь.

Рыбы в траве действительно было вдоволь. Ее били по очереди. Крупной не попадалось, и азарт стал проходить. Все чаще затухал огонь, тускнел круг под жаровней, и тогда ночь отодвигалась от лодки, чернела и мертвела вокруг вода, а тьма не казалась такой кромешной. Холодно, ярко горели далекие бакены. В лодке становилось сыро и зябко. В ногах, на дне завозни, трепыхалась, замирая, пойманная рыба. Окоченев, затихали и ребята.

Собирались домой, когда внезапно Капаруля повернул лодку от берега вглубь заводи и потянулся за второй, позабытой острогой. Ребята встрепенулись, свесили головы над водой, но ничего не видели, кроме затонувшего бревна.

Капаруля неслышным прыжком очутился на носу лодки. Бороньи зубищи большой остроги блеснули над жаровней и как бы оскалились. И у самого Капарули разверзлась косматая борода и хищно блеснули редкие острые щучьи клыки.

Скривившись на правый бок, перестав щуриться, он не спускал загоревшихся глаз с заводи. Там, в зеленоватой глубине, у затопленных кустов, в вязком иле попрежнему смутно темнело затонувшее толстое короткое бревно.

«Ну, заспался наш водяной... колоды от рыбины не может отличить»,— подумал Шурка, а сердце тревожно екнуло, и мурашки поползли между лопатками по спине.

Острога беззвучно ушла под воду, в сторону от бревна. Она опускалась все ниже и ниже, потом тихо повернулась и нависла огромными вилами над бревном, над его головастым концом. Капаруля приподнялся на здоровой ноге. Держа обеими руками-корягами острогу, прислоненную к плечу, он не ударил, а вбил со страшной силой шест в дно заводи, как вбивают в землю колья.

Шест рвануло из рук. Завозня хлебнула бортом. Ребята шарахнулись в испуге к корме. Капаруля, наваляясь на острогу, успел еще раз придавить бревно ко дну и выпустил шест.

Буравя, мутя воду, шест пропал в глуби, всплыл на середине заводи торчком и, разрезая с громким плеском темную гладь, полетел на выход, в реку. Точно кто-то бежал под водой и нес шест на плече.

Капаруля кинулся на корму, к своему веслу.

— Гони! — взревел он.— Не пущай!

Ленька, побледнев, торопливо вставлял в уключины постоянные весла, снятые перед началом ловли.

— Живей, разиня! — бесился дед, направляя лодку наперерез шесту.— Помогай, вы, голенастые!.. Уйдет — шкуру спущу!

Ребята, толкаясь, раскачивая завозню, бросились к Леньке, схватились за весла. Они не понимали толком, что произошло, какое чудище, ворочаясь, уводило с шумом острогу. Но что это было не бревно, они теперь догадывались и боялись, как бы завозня не перевернулась.

— Бей веслами!.. Шугай! Не пущай его из заводины! — ревел и ругался Капаруля.— Лупи багром!

Лодка, гремя уключинами, обдавая ребят холодными брызгами, помчалась толчками, как бы прыжками. Вода всхрапывала на носу, под жаровней.

Они успели загородить горловину заводи. Били веслами и багром по воде, подняли крик. Капаруля ревел настоящим водяным, и шест, косо воткнутый в воду, отошел к берегу.

— Теперя он наш,— сказал бакенщик, успокаиваясь.— Теперя он никуда не денется. Баста!

— Кто? — с дрожью спросил Яшка.

— Сом... — прохрипел Ленька.

— Экий лешак... лешак и есть, шуму-то сколько наделал... перепугал,— бормотал Капаруля, зорко следя за шестом.— Ну, скоро успокоится... Мы его живо багром утихомирим. Отгулял!

Но еще порядком повозились они в заводи, пока Капаруля добил сома и, поддев багром, выволок вместе с острогой на берег.

В жаровню подкинули дров, подтянули лодку, и ребята досыта нагляделись на волжское диво. Сом был бревно бревном, черный, тупорылый, с усами. Он смахивал на налима, но был страшен своей величиной, особенно мертво разинутой, как бездонная яма, пастью. Толстый, оперенный снизу хвост слабо вздрагивал на песке.

Шурку поразили и напугали глаза сома, маленькие, блестяще-темные, злые. С какой бы стороны ни подходил он осторожно к сому, тот пристально-злобно глядел на Шурку неподвижно-змеиными зрачками.

— Он ребят хватает,— сообщил Шурка, отодвигаясь подальше от сома и поеживаясь.

— Эге,— тихо отозвался Яшка.— А где же зубы? Не видно.

— В самой глотке... почище, чем у волка,— просипел чуть слышно Ленька.

— Конечно, в глотке, где же им быть? Разве не видишь, эвон выглядывают! — шепнул Шурка.— Как будешь купаться, в глубжину заплывешь, на глаза ему попадешься — и каюк. Проглотит!

— Не слыхал,— сказал громко Капаруля, вмешиваясь в ребячью испуганную шепотню. — Жрет, что свинья, всякую дрянь — это верно. Лягушек, к примеру, разную падаль, дохлятину... А чтобы человека — не слыхал. Брехня... Где ему! У него и зубов настоящих нет. Гляди!

Капаруля бесстрашно сунул свою корягу в бездонно-широкую пасть сома, раздвинув пасть в пол-аршина.

— Беззубый, вроде меня,— усмехнулся он.

Шурка вспомнил щучьи клыки Капарули и отступил от сома еще дальше.

Бакенщик заметно стал разговорчивее и как-то еще проворнее, ловчее. Теперь он все делал с видимой охотой. Аккуратно прятал рыбу в садок и не ругался, прибирал багор, острогу, ковыляя возле сома, и успевал с удовольствием разговаривать с ребятами.

— Давно за ним слежу. За сомом. Почитай, года три, как приметил. Войны, кажись, не было, третий год и есть,— говорил Капаруля, жадно закуривая цыгарку.— Облюбовал, вишь ты, заводину, пес жирный. Глыбко, тихо, жратвы хоть отбавляй... Вот его и разнесло кошовиной. Кабы жисть-то была, что Волга, и я бы растолстел, как сом... Ну, ставил жерлицу — не берет. Сеть-путанку кидал — не лезет, черт усатый! Никак его не возьмешь, а хочется до страсти. Ровно он смеется надо мной, пузатый дьявол! Ворочается по ночам, точно водяной.

— А ты встречался с водяным, дед? — спросил Ленька.

— Не доводилось.

— А есть он... здесь? — заикнулся Шурка.

— Нет,— отрезал дед строго.— Погань в Волге не водится. Благородная река... Вода, говорю, чистая, скусная. Ему неподручно. Он больше по омутам прячется, в болотах... Гнили много, стоячее место — там его и ищи.

— А ты знаешь, Капаруля, тебя самого зовут водяным, ей богу! — сказал Ленька и залился смехом.

— Кто зовет? — нахмурился дед.

— Все. Говорят, будто ты за сто целковых водяному душу продал.

— На свой аршин меряют. Грошевые людишки,— пробормотал бакенщик.— Сто целковых! Моя душа дороже... Еще нету, Лешка, таких денег в кармане, за которые бы я себя продал,— гордо добавил он.— А ты и поверил! Ты, поди, за гривенник плясать пойдешь?

— Капаруля, не замай! Поколочу!

— А ты глупостей не болтай. Так вот... Выедешь, бывало, на утре бакены тушить, а он, сомина, двинет хвостом — волна, чисто от парохода. Ну, теперича доворочался. Шабаш! Нарвался-таки на меня. А я не промах, это верно! — хвастливо сказал дед.— Чужого не возьму и своего не отдам... Одного я побаивался — как бы лодку не утопил али не ушел в реку из заводины, как станешь ловить... Да от Капарули, брат, не уйдешь! Шалишь! Капаруля порядки на Волге знает... Сурьезная река, ребята. Берегись! Баловства не любит... Но, скажу, справедливая, почище людей. В бурю разгуляется, гляди, баржи в щепы бьет, а капарулины баканы не трогает. По-нима-ет. Вот оно как! Без Волги бы мы с тобой, Лешка, пропали. В навигацию — жалованье, зимой — рыба... Опять же просторно, воздух пользительный... тишь... безлюдье. Оно и ладно. Подальше от людей — греха поменьше. Люблю... Ну, дерутся, которые сволочи, ломаются. А мне наплевать. Мясо живое, зарастет. Потечет кровь и перестанет... Нет, не обижает Волга. Чего нет, того нет, врать не буду. Кормит... Больше сыта не съешь. Хватает... Спасибо!

Он повернулся к реке, к огням бакенов и поклонился в темноту и тишину. Он поклонился не так, как кланялся господам с пароходов, приказчикам и водоливам с плотов и барж. Он не снял картуза, не глядел одним глазом, исподлобья, не молчал. Он кивнул реке головой, как доброму, хорошему знакомому, сказав благодарно «спасибо».

Горячая дрожь сладко пронзила Шурку. Огни бакенов, на которые он смотрел, точно освещали ему темную, как река, непонятную душу бакенщика.

— Ну, Лешка,— весело обратился Капаруля к внуку,— держись, паршивец! На зиму, куда ни шло, полушубок выудим на серебряный крючок. Поддеть бы еще такую рыбешку, и чесанки с калошами взаглот у нас возьмут... Пуда на два сом, а то и поболе... На, докури, бог с тобой, безотцовщина,— сунул он окурок Леньке и продолжал возбужденно бормотать: — Отвезу на станцию, в буфет. Купят... Как не купить! Плесо-то у сома один жир, скуснее свинины. С руками оторвет буфетчик. Торговать ноне нечем, а барышей всякому хочется... Сейчас и отвезу.

Он заторопился, легко перевалил сома через борт в лодку, приказал всем лезть на корму, зажег фонарь, а жаровню потушил и, пообещав высадить Шурку и Яшку с рыбой у Гремца, чтобы домой было идти ближе, сам взялся за весла.

Вода заурчала под завозней. Бакенщик погнался вниз по течению, словно за вторым сомом.

Но вскоре взмахи весел стали реже, урчанье воды прекратилось.

— Погожу до утра,— сказал Капаруля как бы про себя.— Успею. Ни свет, ни заря припрешься, только буфетчика взбулгачишь. Еще осердится, цену сбавит. Зна-аю я его, жули-

ка... Лешка, ну-кась, садись на весла, а я покурю,— распорядился он.
— Вот всегда так! Протухнет сом, тогда и повезешь, как ономнясь судаков возил... Эх, обленился ты, Капаруля, тошно смотреть!
— Цыц! — буркнул бакенщик.— Али волосня длинна? Я те поубавлю!
Яшка и Шурка вызвались грести, но Ленька, сердито сопя, отклонил предложение.
Когда подплывали к Гремцу, всем померещилось, будто на берегу вблизи ручья кто-то играет тихонько на балалайке. Ленька опустил весла. Дед нехотя привстал и прислушался. По ночной воде явственно донеслось торопливое треньканье пилы.
Капаруля выбранился сквозь зубы:
— Нету покоя ни днем, ни ночью... Правь к берегу. Тьфу!
Опять нельзя было узнать Капарулю. Прихватив багор, фонарь, он соскочил на песок раньше, чем причалила завозня. Ребята кинулись за ним следом.
По дороге в кустах они увидели знакомую, с белой метиной под челкой, лошадь, запряженную в телегу.
— Так и знал! Ванька, нечистый дух!.. Кому же больше, как не ему, каину,— пробормотал Капаруля, обходя лошадь.
У ручья на отмели белел березовый кряж. Ваня Дух возился над ним с ручной пилой. Два отхваченных накосо кругляша и топор валялись у его ног.
— Ты что тут делаешь? — мрачно спросил Капаруля, став рядом и поднимая фонарь.
В тускло-рыжем свете ребята увидели, как Ваня Дух обронил пилу. Он узнал бакенщика и вскочил.
— Тимофей Семеныч?! Вот бог принес! На помине, как сноп с овина! — ужасно обрадовался Ваня Дух и засуетился.— А я думаю: спит Тимофей Семеныч... Утром к тебе собирался... поблагодарить.
Он торопливо протянул Капаруле здоровую руку. Пустой левый рукав, как всегда, был засунут в карман кацавейки, точно хозяин ощупывал там деньги. Мужики в открытую поговаривали, что Ваня Дух сам прострелил себе руку на позиции, чтобы спастись. Он вернулся с войны без руки, но почему-то с деньгами, купил кобылу Вихрю, завел кузницу в селе, снял землю в барском поле. Он одной рукой ворочал за полсела.
Капаруля не принял протянутой руки, не поздоровался, раздраженно переспросил:
— Делаешь что?
— Рыбу ловлю,— отрывисто рассмеялся Ваня Дух.— Вона какой сом подвернулся. Сажень дров будет! У меня в кузне углей нету.
— Сом, он в завозне. А за этого сома, Иван Тихонов, отвечать придется.
— С полным нашим удовольствием. За мной не пропадет... Отблагодарю... утречком, Тимофей Семеныч.
У Капарули качнулся фонарь. Стало тихо. Ребята слышали, как шипел керосин в жестяной лампе.
— Так ты что же, сволочь... думаешь, я чужим лесом торгую? — глухо спросил бакенщик.
Поставил фонарь на землю и гордо выпрямился.
— Кидай бревно! — рявкнул он, замахиваясь багром.— Сей минутой кидай бревно!
— А ты что мне за указ? — зловеще спросил, закипая, Ваня Дух и потянулся здоровой рукой за топором.
— Дедко, поедем домой! Капаруля, домой! — закричал Ленька.
— Я тебе покажу указ! — Капаруля багром вышиб топор у Тихонова.
— А-а! Меня? Инвалида?! — взвыл тот и снова кинулся к топору.
— Домой... Капаруля, домо-ой! — заплакал Ленька.
Шурка видел, как бакенщик сшиб багром Тихонова с ног и поднял топор. Он повертел его в руках, точно раздумывая, что с ним делать. Размахнулся и швырнул топор в воду.
— Во-ри-ще! — плюнул Капаруля.— Какое бревно спортил... Ах ты!..
В бешенстве Капаруля поднял багор над головой Вани Духа. Тот бросился к кустам, но дед загородил дорогу. Не спуская глаз с багра, Ваня Дух попятился в воду.
— Домой!.. Домо-ой!..— ревел Ленька.
Закусив бороду, тяжело дыша, щурясь, Капаруля все выше поднимал багор, нацеливаясь, как острогой, в маковку Вани Духа.
У Яшки со страху лопнула, должно быть, пуговица на штанах, он прихватил штаны рукой. Шурка зажмурился.
— Берись за комель... Живо! — услышал он вдруг приказание Капарули.
— За-че-ем? — жалобно откликнулся Тихонов.
— Я те стукну по пустой башке, тогда узнаешь, зачем. Поворачивайся у меня! Ну-у?!
Ленька перестал плакать и поднял с земли фонарь. Шурка таращился во все глаза. У Яшки свалились штаны, он этого не замечал.
Ваня Дух торопливо ухватился трясущейся рукой за толстый конец бревна. Капаруля багром поддел бревно с другого.
— Заело... не идет, Тимофей Семеныч! — прогнусавил Тихонов, поняв наконец, что от него требуют.
— Пойдет! Напирай сильней... Голенастые, кому говорю? Выпор-рю!!!
Ребята бросились подсоблять. Яшка запутался в штанах и отстал. Заскрипел мокрый песок, бревно медленно поползло в воду. Капаруля с силой оттолкнул бревно от берега.
Помолчав, не глядя на Ваню Духа, сказал:
— Проваливай!
Тихонов схватил пилу и замялся.
— Чурбашки тут... два,— жалко проговорил он.— Все не даром мучился... Опять же топора лишился... А, Тимофей Семеныч?
— Бери,— брезгливо разрешил Капаруля и захромал к завозне.— Чтобы ноги твоей больше не было на Волге. Еще раз поймаю — в волость сведу! — пригрозил он.
— Ребятушки... подсобите! — шепнул Ваня Дух.
Яшка управился со штанами и помог вместе с Шуркой донести кругляши до телеги. Потом они вернулись к завозне и слышали, как ударил с бранью Тихонов кобылу, как заскрипела телега.
— Погоди, кривобокая образина... голытьба проклятая, я тебе припомню! — донесся злобный, лающий голос Вани Духа.
Капаруля не отозвался. Ленька, кашляя, приплясывая, теребил деда за пиджак и восторженно сипел:
— Ка-ак ты его двинул багром, так он и свалился... Ух, здорово! Чурбаном покатился... Ну и силен ты, Капаруля! А я и не знал! Вот бы тебе так приказчиков двинуть, которые дерутся, а?
— Дурак! — сказал Капаруля.— Это не меня бьют — шкуру. А она казенная, не жалко. Не стоит связываться: нажалятся начальству. Прогонят... Чем я тебя буду кормить? Где будем жить?.. Говорю, не меня бьют — казенную шкуру. Попробовали бы меня тронуть, я бы им показал!
Он дико-гордо, бешено взглянул на внука, на Шурку и Яшку.
— Кабы я один жил,— глухо сказал он.— Мне каторга не страшна. Кабы моя воля, я бы их всех, подлецов брюхатых... в Волге перетопил!
Помолчал, плюнул и презрительно добавил:
— Да и рук марать неохота. Поденка... и так сдохнет.
Он ушел на корму, и огонек цыгарки кровяным глазом уставился в темноту.
Никакой тайны, оказывается, у Капарули не было. Но все равно Шурка с гордостью и восторгом глядел на корму, где торчал Капаруля с красной цыгаркой в бороде.
Ребята поделили рыбу, нанизали ее на веревочки, без которых ни один мальчишка не ходит на Волгу. Связки вышли тяжеленные. А Ленька еще прибавил от своего пая — связки прямо руки вытянули. Ребята еще раз с фонарем внимательно оглядели сома. Он лежал на дне завозни темным бревном, и Шурка небрежно потрогал это мягкое, скользкое бревно мамкиным сапогом.
Капаруля докурил цыгарку и, отталкивая лодку от берега, наклонился к Шурке и Яшке и сызнова оборотился в водяного.
— Тронете бакан у меня... понапрасну перевоз станете кричать — утоплю, голенастые дьяволята!
Ребята рассмеялись.
Они медленно поднялись в гору, к селу, и оглянулись. Темная река глядела на них красно-белыми неподвижными огнями бакенов и золотой удаляющейся звездочкой.

Подарок немецких трудящихся

Недавно гостеприимно раскрыл двери для посетителей Сталинградский планетарий. Его точные приборы и новейшее сложное оборудование, так же как и значительная часть строительных и отделочных материалов, архитектурные детали, ковры, драпировки, прибыли из Германской Демократической Республики. Это дар германских трудящихся советскому народу.

Предложение сделать такой подарок, выдвинутое в 1949 году рабочими народного предприятия имени Карла Маркса, было горячо поддержано населением всей республики. За постройку сложного оптического оборудования для планетария и примыкающих к нему обсерватории и астрономической площадки взялся коллектив всемирно-известного завода «Цейсс-верке».

Мы посетили этот завод, расположенный в городе Иене, и познакомились с теми, кто своим трудом укрепляет нерушимую дружбу германского и советского народов.

Вот что рассказали нам инженер Гельмут Киттлер и мастер Герберт Блюментрит. Первый из них осуществлял общее техническое руководство созданием оборудования, второй вел монтаж и наладку сложнейших оптических приборов.

Завод Цейсс еще до войны поставлял оптическое оборудование для всего мира. Его приборы стоят в 27 планетариях десяти крупнейших стран пяти континентов. Но когда пришел почетный заказ для Сталинграда, завод еще не совсем оправился после разрушений, нанесенных американскими бомбами в конце войны. Постройка первого послевоенного планетария стала для коллектива народного предприятия «Цейсс-верке» не только экзаменом на зрелость, но и важным этапом в развитии производства, в росте квалификации молодых кадров.

Обычно для постройки такого оборудования требовалось полтора года. Но ведь это был не обычный заказ! Решили выполнить его за год. И выполнили, несмотря на серьезные трудности.

— Мы хотели, — говорит инженер Киттлер, — чтобы это был наиболее технически совершенный планетарий в мире. И, мне думается, добились этого: мы использовали все последние достижения науки в строительстве таких приборов. В то время, как человеческий глаз может различить в небе шесть тысяч звезд, наш прибор проектирует свыше восьми тысяч, в точном соответствии с их действительным расположением.

— Когда оборудование планетария было готово и его экспонировали на Лейпцигской ярмарке 1950 года, — вставляет свое слово Блюментрит, — западногерманская печать подняла крик, будто мы просто забрали оборудование из планетария в Иене... Пришлось после ярмарки установить наши приборы в Иенском планетарии рядом со старыми приборами.

Клеветники были посрамлены, а для нашего завода начался период нового роста. Были вы на Лейпцигской ярмарке в этом году? Там выставлено свыше 140 наших приборов новой конструкции. Там есть и оборудование, подобное тому, что установлено в Сталинграде, но есть и новинка — «Малый планетарий», он проще и в десять раз дешевле большого, его можно будет установить в любой школе...

А. СЕРГЕЕВ

Открытие нового планетария в Сталинграде.
Фото Ю. Яковлева.

МАСТЕРА РУССКОГО ФАРФОРА

На берегу Невы раскинулись светложелтые корпуса первого в России фарфорового завода имени Ломоносова. Этот завод лишь на четыре десятилетия моложе Ленинграда. Здесь зародилась слава русского художественного фарфора, который не раз отмечался золотыми медалями на всемирных выставках.

Два века назад, когда секретом производства фарфора владели немногие, русский ученый-химик Д. И. Виноградов, работавший тогда на этом заводе и открывший секрет состава фарфоровой массы, организовал изготовление «белого фарфора с глазурью из земли российской». В залах заводского музея и сейчас можно видеть чашечки, табакерки замысловатой формы, соусники, солонки, вазочки, масленки, искусно расписанные первыми русскими живописцами по фарфору — крепостными Иваном Черным и его сыном Андреем. На круглом столике лежит огромный букет из фарфоровых роз, астр, пионов, маков. Тринадцать лет работал над этим изумительным букетом русский мастер Петр Иванов. В музее собраны фарфоровые изделия, выпущенные за двести десять лет — со дня основания завода до наших дней. Многие поколения мастеров учились на этих образцах, совершенствуя свое искусство. И только букет Петра Иванова оставался загадкой: описание техники изготовления цветов, состав фарфоровой массы, из которой они сделаны, были утрачены после смерти мастера.

И вот мы видим в руках скульптора Владимира Лаврентьевича Семенова белоснежные розы из фарфора. Его давно интересовал букет Петра Иванова. Полученный заводом заказ — изготовить сто фарфоровых роз — ускорил экспериментальные поиски. Как это происходило? Владимир Лаврентьевич осторожно оторвал лепестки нескольких свежих роз и, положив на батист, стал выкраивать их формы. Затем матерчатые лепестки пропитывались специальным составом, после просушки нанизывались на деревянные стержни и опускались в шликерную массу. При обжиге батист и дерево сгорали, и из печи вынимались чудесные фарфоровые розы.

...Светлая комната мастерской. В глубине ее, у самого окна, откинувшись на спинку рабочего кресла, пристально всматривается в уникальную вазу художник. Придвинувшись к турнетке, он легко поворачивает вазу и задерживает взгляд на первоначальном своем наброске. Кончик кисти слегка касается стенок вазы, и на белоснежном фарфоровом поле появляются очертания морской бухты, скал. Григорий Дмитриевич Зимин, мастер подглазурной живописи, работает на заводе свыше шестидесяти лет.

— Это зарисовка Гурзуфа, — не отрывая взгляда от вазы, говорит Григорий Дмитриевич. Отложив в сторону кисть, художник берет пистолет пульверизатора. Сжав ручку, он искусно рассеивает краску на стенках вазы.

Скоро в мастерскую придут производственники. Они унесут вазу в цех, покроют ее там стекловидной массой и поставят на обжиг в печь. Глазурь навсегда сохранит свежесть нежных красок.

На заводе десятилетиями трудятся мастера живописи по фарфору: И. И. Ризнич, А. А. Скворцов, А. В. Воробьевский, А. В. Щекотихина, Л. К. Блак, М. Н. Мох, Л. В. Протопопова и другие. Одни специализируются в портретной живописи, другие пишут пейзажи или увлекаются сказочными сюжетами. Из-под искусных рук мастеров выходят прекрасные сервизы, чашки, кувшинчики, статуэтки.

На заводе целая армия художников и скульпторов, — более трехсот человек. На длинных столах, за которыми сидят живописцы, расставлена посуда, радующая разнообразием цветов, яркой позолотой. Каждое изделие начинает свою жизнь в скульптурной мастерской, где ваятели С. Я. Яковлев, А. А. Лепорская, Б. Я. Воробьев создают форму, а затем живописцы занимаются росписью.

Большое место в заводской продукции занимают фарфоровые художественные статуэтки — плод совместного творческого труда скульптора С. Б. Велиховой, художниц Т. Н. Беспаловой и Л. И. Лебединской: пляшущие женщины в нарядных, ярких сарафанах, юная лыжница, якутка-школьница. Как украсят они стол или этажерку!

К. ЧЕРЕВКОВ

Под парусами

В уютной затененной бухточке совсем не чувствуется ветра. Маленькая белая яхта «Таня», не доходя нескольких метров до берега, останавливается.

— Джеррик! Вперед!

Собака мгновенно бросается в воду и хватает в зубы брошенный ей конец швартова. Вот она уже на берегу и, упираясь сильными лапами в рыхлый песок, пятится, подтягивая яхту к берегу.

Привал! Пройдено уже более сотни километров от Киева вверх по Днепру.

Николай Федорович Воячек — музыкант, инспектор оркестра киевского государственного драматического театра — уже в течение пятидесяти лет плавает по Днепру. Это и помогло ему в шестьдесят четыре года сохранить удивительную бодрость и юношескую подвижность. Не менее жизнерадостна и его жена Ольга Яковлевна, неизменный спутник яхтенного капитана.

Забираются Воячеки вверх по Днепру, спускаются на шестьсот километров и вниз, до Днепропетровска.

Шесть лет назад на яхте появился юнга — четырехлетний внук Николая Федоровича — Славик. Мальчик не отличался здоровьем и физическим развитием. Сейчас, после шести лет плавания на яхте, Славик неузнаваем. Он хорошо гребет и чувствует себя в воде, как рыба.

В составе экипажа числятся еще пес Джеррик и кошка Полундра.

На борту «Тани» всегда совершает плавание кто-нибудь из друзей и знакомых семьи Воячек. Один из них, Константин Федорович Данькевич, композитор, автор оперы «Богдан Хмельницкий», первое свое плавание на «Тане» ознаменовал тем, что, став на борт и ухватившись за мачту, своей тяжестью опрокинул судно.

— Я же не виноват, что вешу полтонны! — шутливо оправдывался Константин Федорович.

Николая Федоровича постоянно окружает молодежь. Он учит детей плавать, грести, вязать узлы, управлять яхтой. Когда Николай Федорович принимается за подготовку судна к навигации, то нет отбоя от ревностных помощников. Мальчики и девочки моют, чистят корпус, пилят, строгают... Но больше всего желающих красить. Это удовольствие достается не каждому: Николай Федорович выделяет наиболее трудолюбивых и дисциплинированных.

В Киеве десятки тысяч людей увлекаются водным спортом. Рабочие, служащие, студенты, школьники строят своими руками гребные лодки, парусные яхты, моторные катера. Одних только любительских моторных лодок в городе насчитывается около полутора тысяч. По субботам, после трудовой недели, киевляне уходят целыми семьями вверх и вниз по реке, и в теплые летние ночи на протяжении десятков километров пылают костры по уютным зеленым берегам Днепра.

Юрий БАТЮШКОВ

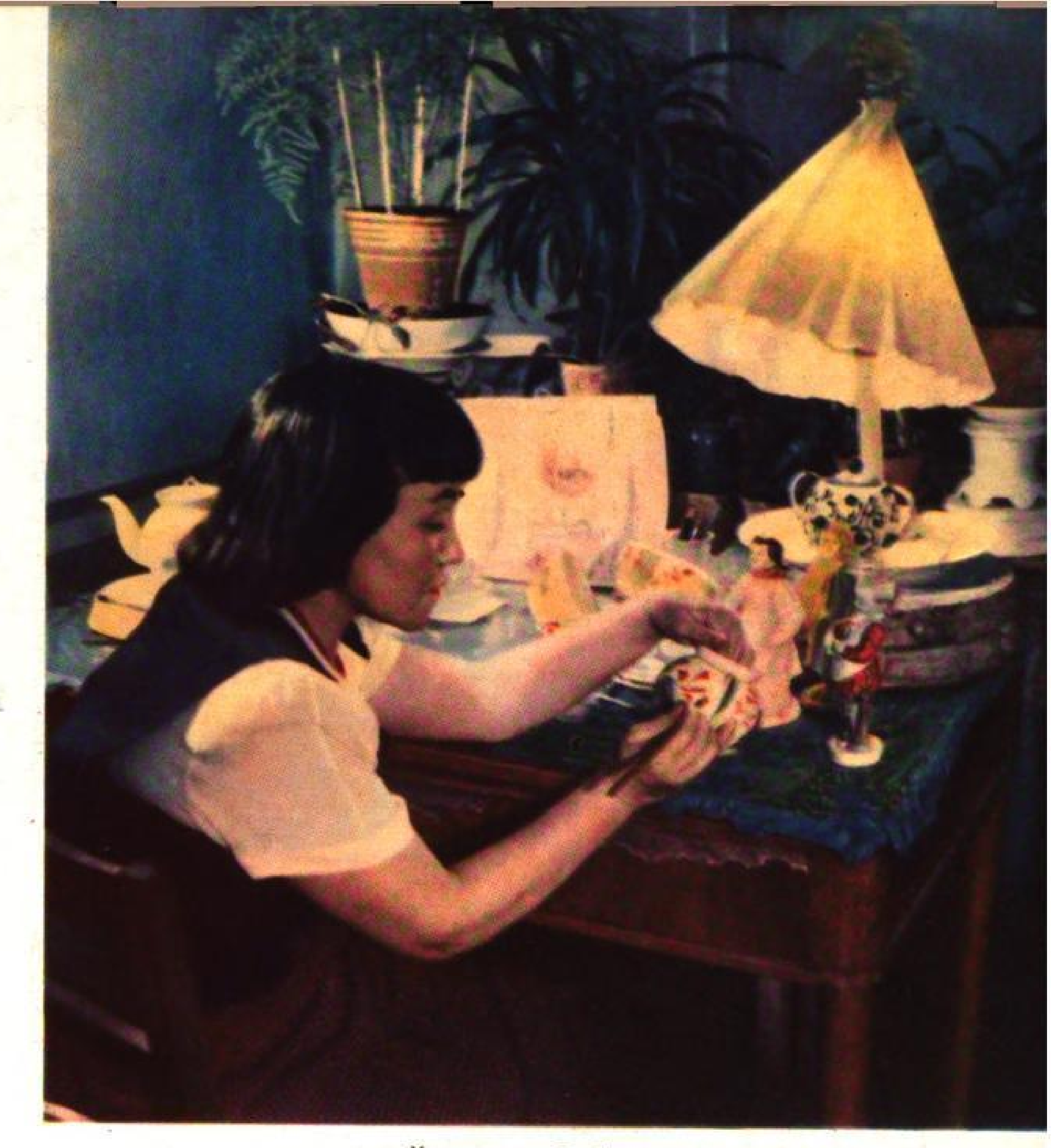
Н. Ф. Воячек и его яхта «Таня».

Художник на заводе

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Танцующие украинка и азербайджанка.

Художница Любовь Блак.

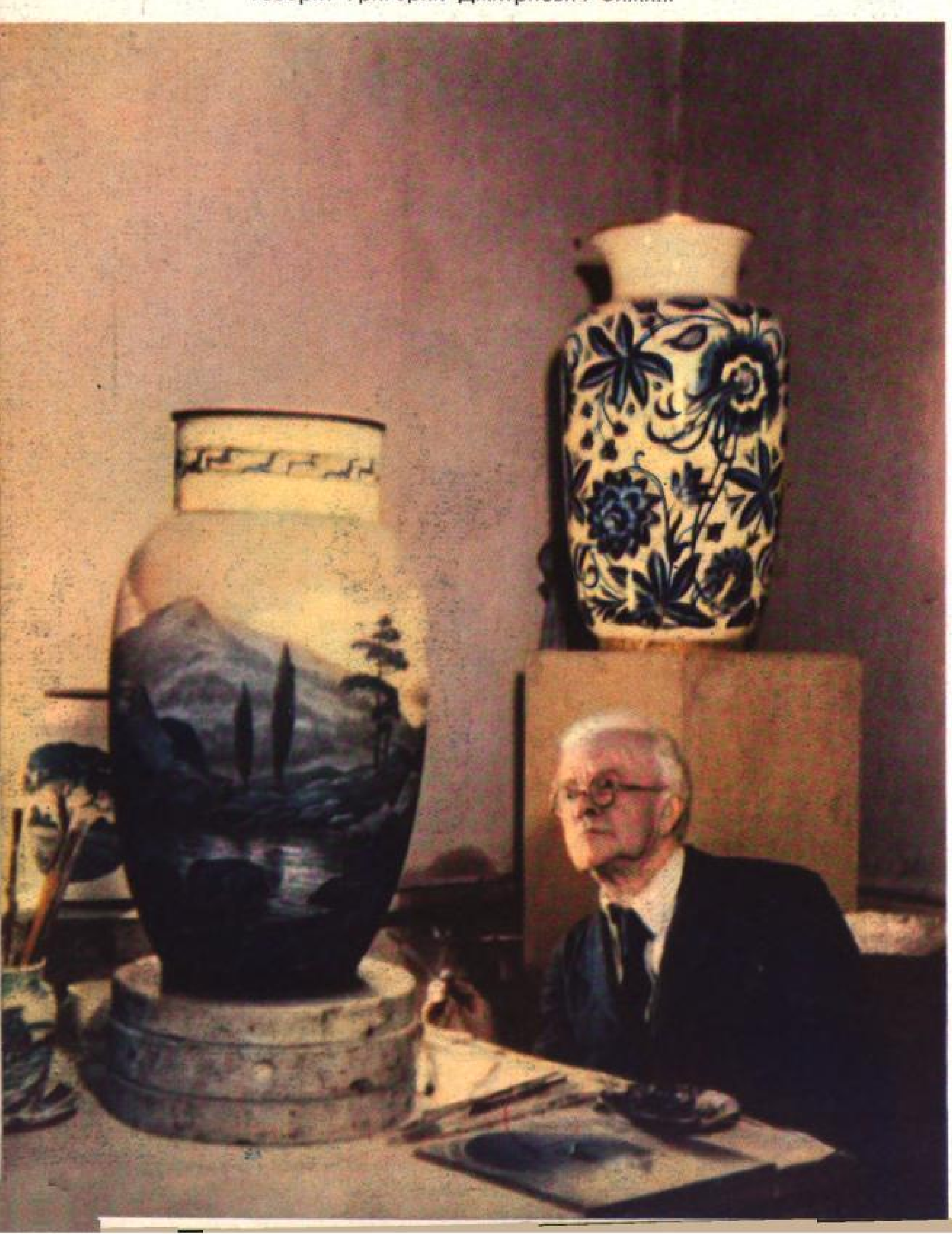

Русский танец.

В скульптурной мастерской.

— Это эскизная зарисовка побережья у Гурзуфа,— глядя на вазу, говорит Григорий Дмитриевич Зимин.

Узбечка — сборщица хлопка и белорусская колхозница со снопом.

Как украсят этажерку эти фигурки: юная лыжница и школьница-якутка!

Радует разнообразием цветов посуда.

Опера Бетховена

«Я не знаю другого признака величия, как доброта» — эти слова принадлежат великому гуманисту Людвигу Бетховену, могучее творчество которого пронизано глубочайшей любовью к человеку. «Он — величайший и лучший друг тех, кто страдает и борется»,— писал о Бетховене Ромэн Роллан.

Идея добра и справедливости — центральная идея произведений Бетховена. Если в симфониях и сонатах она выражена в обобщенно философских образах, то в опере «Фиделио» она воплотилась в конкретных человеческих характерах и событиях.

Опера «Фиделио» была любимым детищем композитора, которое доставило ему много страданий, за жизнь которого он много лет боролся. Композитором были сделаны три редакции оперы, написаны к ней четыре увертюры, начата пятая.

Мысль о работе в театре, о создании оперы долгие годы волновала Бетховена. Его внимание привлекали многие сюжеты. Однако ни один из них не оказался так близок ему по духу, как сюжет пьесы французского драматурга Буйи, которая и легла в основу либретто «Фиделио». Буйи использовал для своего произведения происшествие, имевшее место в годы французской революции: женщина из Турени, переодевшись в мужское платье, поступила на службу в тюрьму, чтобы освободить своего мужа. Этот драматический сюжет заполонил воображение композитора. Бетховен увидел здесь возможность воплотить свои самые заветные идеалы: самоотверженную революционность, героизм, верность в любви. Он ввел в свою оперу народ как активно действующую силу, подняв тем самым личную трагедию до огромного общественного звучания.

Бетховен начал работу над «Леонорой» (так первоначально называлась его опера) в 1803 году, будучи уже зрелым композитором, создавшим к тому времени свою третью, «Героическую» симфонию, знаменитую фортепианную сонату «Аврора». В дальнейшем работа над оперой чередовалась с работой над такими гениальными произведениями, как соната «Аппассионата».

Сценическая судьба оперы сложилась трагически. Новаторство ее музыкального стиля и глубина замысла долгие годы оставались не понятыми ни критикой, ни публикой, ни исполнителями. Постановки 1805 и 1806 годов не имели успеха. И позднее оперу продолжали толковать однобоко, видя в ней лишь одну эффектную роль — Леоноры. Ромэн Роллан возмущенно писал: «Леонора» — это не только роль. Это музыкальная драма, трагедия с хорами. Ни директора театров, ни режиссеры, повидимому, не подозревают этого».

Коллектив Большого театра поставил перед собой почетную задачу — возродить гениальное произведение Бетховена. Постановке «Фиделио» предшествовала длительная работа постановочной бригады в составе дирижера А. Ш. Мелик-Пашаева, режиссера Б. А. Покровского и художника А. И. Константиновского. Были досконально изучены все материалы, относящиеся к истории создания оперы. При содействии Общества германо-советской дружбы бригада получила из Германской Демократической Республики клавир и партитуру первой редакции оперы и другие ценные материалы.

Поэт Н. Бирюков написал новый текст либретто, в котором в соответствии с замыслом композитора и музыкальными образами с большим тактом были подчеркнуты отдельные моменты, усиливающие общественное звучание оперы. Думается, что театр правильно понял композитора, когда не пытался связать «Фиделио» с конкретными событиями французской революции. Бетховена волновала прежде всего сама идея задуманного сюжета — борьба за свободу с тиранией, в какой бы стране и в каком бы веке эта борьба ни происходила. Весь музыкальный строй оперы, благородный, суровый в своей простоте, лишенный ясно выраженного местного колорита, соответствует известной символичности замысла произведения.

Дирижер А. Ш. Мелик-Пашаев, глубоко поняв стиль «Фиделио», вдохновенно раскрыл смысл оперы. В трактовке дирижера полностью выявлены все компоненты оперы: сольные партии, замечательные по выразительности характеристик ансамбли, развитый симфонический оркестр, мощные хоры. Весь спектакль ведется в энергичном ритме, с тонкой передачей характерной для Бетховена контрастной смены динамических оттенков — форте и пиано.

Немалую творческую работу проделали хормейстеры А. В. Рыбнов и Л. А. Савва: волнующе звучит хор узников в I акте, а в финальной сцене народного ликования хор достигает особенно большой красоты и силы.

Добиваясь наиболее полного раскрытия музыкальных образов, постановщик Б. А. Покровский пользуется лаконичными, строгими приемами, отвечающими стилю музыки. Массовые сцены в спектакле как бы овеяны живым дыханием народа: каждый персонаж в них активен, имеет свое, неповторимое лицо, свою линию поведения. Впервые опера Бетховена раскрыта как «музыкальная драма, трагедия с хорами». Удачны написанные художником А. И. Константиновским декорации.

Солисты Большого театра с воодушевлением исполняют свои роли. Обаятельный образ героини оперы Леоноры создает артистка Н. И. Покровская, обладающая сильным драматическим сопрано. Ее пение отличается полной свободой и выразительностью. С успехом исполняет эту роль и молодая артистка театра Г. П. Вишневская.

В роли народного героя Флорестана выступает Г. М. Нэлепп. Мастерское исполнение артиста покоряет убедительностью трактовки, естественностью сценического поведения. Молодой артист В. В. Ивановский также успешно справился с этой партией.

Партию Марчелины, наивной и пылкой девушки, ведут Ирина Масленникова и М. Звездина. Живо, с юмором исполняют роль Рокко, служителя в крепости, артисты Н. Ф. Щегольков и С. С. Николау. В роли тирана Пизарро превосходен А. П. Иванов, голос которого звучит безупречно. Ведет эту партию и М. Г. Киселев. В образе Джоакино выступают П. И. Чекин и А. И. Орфенов, хорошо передающие пылкость, порывистость юноши.

Новая постановка «Фиделио» Бетховена — одна из самых больших удач Большого театра СССР за последние годы. Зрители и слушатели восторженно принимают спектакль, ставший, по существу, сценическим рождением бессмертного творения великого немецкого композитора.

Ольга АМУСЬЕВА

«Фиделио» Л. Бетховена. Сцена из второго действия «Фиделио». Леонора — Г. П. Вишневская и Флорестан — В. В. Ивановский.
Фото В. Савостьянова (ТАСС).

Немецкий Национальный театр в Веймаре. Перед театром памятник Гёте и Шиллеру.

НЕМЕЦКИЙ *национальный* ТЕАТР

Манфред САДОВСКИ,
директор репертуарной части веймарского Немецкого Национального театра

С подмостков театра в Веймаре, который заботливо бережет гуманистическое наследие немецкой культуры, сегодня в полный голос звучит тема борьбы за свободу и национальное единство Германии. Театр активно, действенно восстает против всякой «американизации» и «наднациональной» европеизации.

Своим творчеством мы в меру наших сил боремся с попытками реакции и неофашистов возродить милитаризм, с проповедью идеи реванша, захватнических планов американского и немецкого империализма. В этой борьбе мы опираемся на совместное стремление художников востока и запада Германии,— разумеется, речь идет о художниках, заслуживающих этого звания,— противодействовать идеям расовой и национальной розни, помогать укреплению духа равенства и дружбы всех народов. Мы видим опору для борьбы и в творчестве наших классиков, мастеров немецкой культуры.

Наши великие писатели подарили театру не только замечательные плоды своего творческого гения: многие из них сами были его строителями и руководителями.

В 1791 году Иоганн Вольфганг Гёте взял на себя руководство тогдашним веймарским придворным театром. Вместе с Фридрихом Шиллером он выдвигает перед национальным театральным искусством новые задачи. В 1799 году был поставлен в Веймаре «Валленштейн» Шиллера, затем последовали «Орлеанская дева», «Вильгельм Телль», юношеское произведение Гёте «Гёц фон Берлихинген». У дирижерского пульта Немецкого Национального театра стояли в прошлом столетии Франц Лист и Рихард Штраус.

Вторая мировая война уничтожила веймарский театр. Но уже через три года после освобождения Германии от фашизма Немецкий Национальный театр вновь гостеприимно распахнул свои двери для зрителей. Его буквально из руин восстановило население, которому во многом помогла Советская Армия.

И теперь много тысяч людей из всех уголков Германии посещают ежегодно наш театр. В большинстве своем это рабочие, крестьяне. Они наши желанные и самые дорогие зрители. Стали обычными аншлаги — «Все билеты проданы».

В годы фашистской тирании гитлеровские фальсификаторы старались всемерно извратить наше классическое наследство. Еще и до сих пор можно встретить отдельных любителей увидеть на сцене Гёте или Шиллера, «обработанных» в духе шовинизма и расизма.

Характерно, что путь к глубокой реалистической трактовке наших классиков художественный руководитель театра, лауреат Национальной премии Карл Кайзер нашел в процессе работы над советскими пьесами. «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Гибель эскадры» А. Корнейчука — эти пьесы исполнялись в Немецком Национальном театре под гром аплодисментов. Они послужили для нас мостом к широкому рабочему зрителю и многое дали нам для укрепления реалистического направления театра.

Наш коллектив старается, расширяя свой репертуар, отражать живые проблемы современности. В этом сезоне веймарский театр покажет пьесу Гедды Циннер «Заколдованный круг» — о великом революционере Георгии Димитрове.

Возрастающее мастерство постановщиков и исполнителей было продемонстрировано во время традиционного для Немецкого Национального театра «Фестиваля классики», который после многолетнего перерыва вновь состоялся в Веймаре летом прошлого года. На спектаклях побывало свыше 16 тысяч зрителей из ГДР, Западной Германии, из-за границы. С волнением и энтузиазмом зрители смотрели пьесы Гёте и Шиллера, в которых как главная тема звучит патриотический призыв к единству.

Недавно наши актеры подготовили в свободное время и поставили одноактную пьесу писателя-антифашиста Эриха Вайнерта «Для них нет ничего святого» — об освободительной борьбе испанского народа против франкистских фашистов в 1936—1939 годах. Театр показал эту пьесу в ряде деревень и городов — по приглашению организаций Национального фронта. Большой успех эта постановка имеет в связи с предстоящими всеобщими выборами в Народную палату Германской Демократической Республики.

Правительство Германской Демократической Республики многим помогло нам. Для работников театрального искусства созданы нормальные материальные условия. Есть у нас, как и у других предприятий, детский сад, амбулатория, кооперативный магазин, самодеятельный театральный клуб.

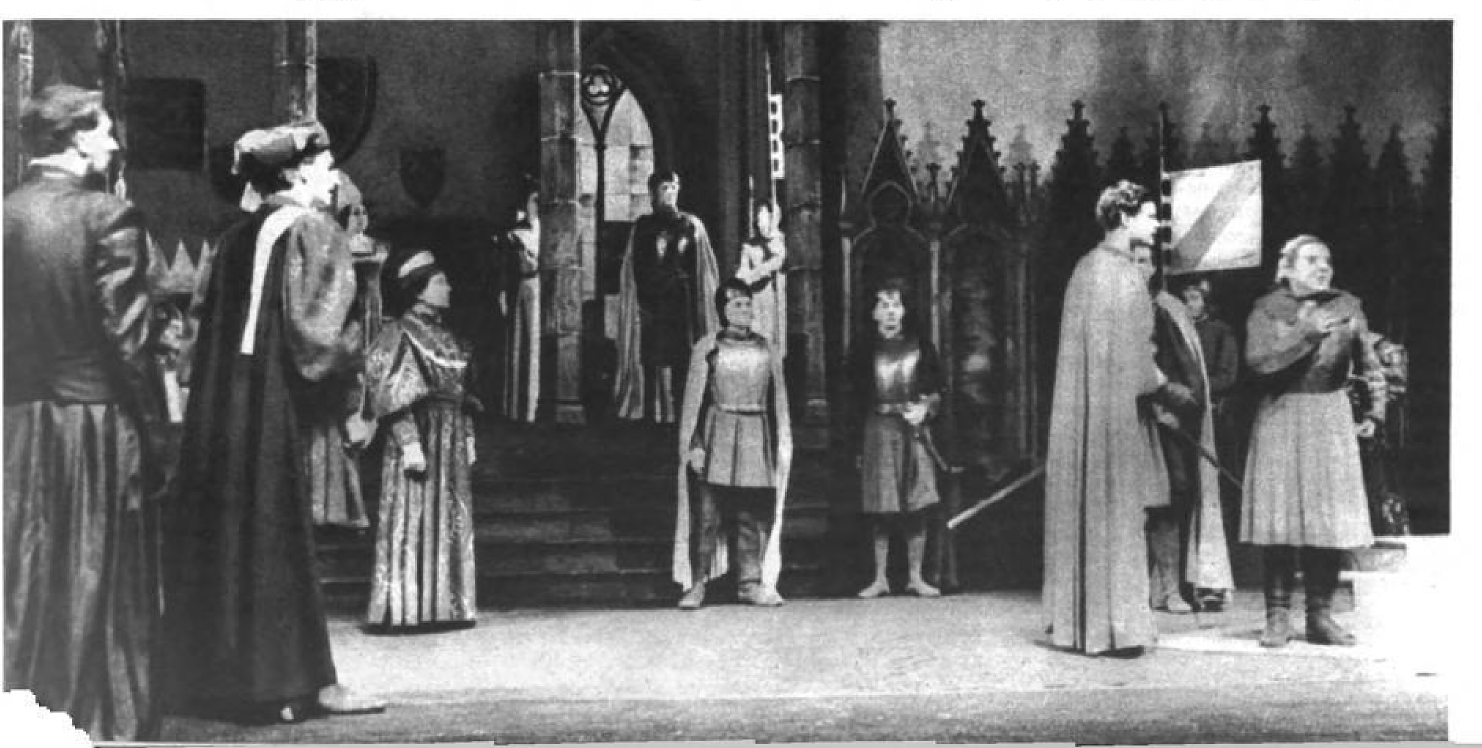

Директор и главный режиссер Немецкого Национального театра Карл Кайзер.

Актеры и режиссеры жадно изучают творческий метод великого русского режиссера Станиславского. В кружках молодежь совершенствует дикцию, овладевает пением, музыкой. Художественный руководитель Карл Кайзер, побывавший в Советском Союзе и народно-демократических республиках, передает коллективу ценный опыт театров этих стран.

Таковы некоторые черты Немецкого Национального театра в Веймаре, о которых мне хотелось рассказать. Основные цели и направление нашей деятельности отчетливо выражает программная декларация министерства культуры ГДР: «Выражением национальной культуры не может быть театр восточногерманский или западногерманский, а только общенациональный немецкий театр, такой, каким его хотели видеть Лессинг и Шиллер, Экгоф и Аккерман и каким создавали его выдающиеся драматурги, режиссеры и актеры позднейших поколений. Этот немецкий национальный театр пользовался мировой славой. Наша задача — возродить его».

Сцена из спектакля «Орлеанская дева».

ПОЛЯРНЫЙ ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Д. М. Чубынин на картофельном участке.

С. ЗАЛЫГИН

Салехард — город на мысу.

Впереди, над обрывом, стоят деревянные домики, доступные ветрам всех направлений, из их окон можно увидеть и могучую Обь, и бескрайнюю тундру, и синий Урал, летом сверкающий пятнами снега, а зимою весь обледенелый, как огромный айсберг...

Над обрывом улица Некрасова, на ней возвышается похожая на каланчу вышка метеорологической станции, а почти рядом стоит небольшой дом. В доме № 11 по улице Некрасова не так много того, что в совокупности называется уютом. Хотя хозяева — старожилы здешних мест, но дом не оштукатурен изнутри, на окнах нет занавесок, в комнатах только самое необходимое: столы, стулья, шкафы с книгами... Ни диванов, ни этажерок, ни ковров — ничего такого, чем на севере, как я заметил, люди нередко стремятся обставить свое жилье, чтобы все было точно так же, как «на юге», где-нибудь в Тобольске или Томске, чтобы север останавливался у дверей. Север входит во все комнаты дома № 11, в его кладовые, в подпол и на чердак. Он представлен не картинами, не шкурами убитых зверей, а... растениями. Точнее, сельскохозяйственными культурами, выращенными в тундре.

Одна из комнат, заполненная снопами, семенами и стендами, на которых сосульками повисли пробирки с зерном, так и называется «музейной».

В этом доме живет Дмитрий Мартинианович Чубынин, которого в Ямало-Ненецком национальном округе каждый знает как пионера полярного земледелия.

Двадцать восемь лет упорной работы на земле лесотундры... Теперь кажется, будто Чубынин всегда был вот таким седым человеком с добрыми глазами, что он не испытывает в суровом крае никаких неудобств и давно уже забыл прощальный гудок парохода, который отвалил когда-то от Омской пристани, увозя его на север. Но это только кажется так. Помнится ему бурная ночь на Иртыше летом 1926 года и пароход «Мария», на котором уезжала очередная партия зимовщиков.

Дмитрий Мартинианович стал заведующим Обдорской метеорологической станции. Здесь встретил его молодой человек, собравшийся навсегда покинуть эти места. Он должен был сдать дела метеостанции. Галантно раскланявшись, он указал на вместительный бочонок, на котором весьма искусно были изображены фигурки мужчин и женщин с рюмками в руках, а по окружности стояла надпись: «Для всех вероисповеданий».

— Север! — сказал молодой человек.— Вы скоро поймете, что это такое! Без живительной влаги,— он выразительно постучал по бочонку,— здесь ни шагу! Верьте полярному волку.

«Волк» принял, видимо, Дмитрия Мартиниановича за новичка. Он не знал, что еще в 1922 году Чубынин был в числе первых зимовщиков, заложивших на пустынном берегу Обской губы поселок Новый Порт, не знал он и того, что перед ним человек с немалым житейским опытом: служба на волжских пароходах, многолетняя служба в армии многому научили нового начальника метеостанции.

— Меня интересуют архивы, а не эта ваша посудина,— холодно сказал Дмитрий Мартинианович.— Обдорская станция — старейшая на севере. Ее архив — это огромная научная ценность. Где архив?

«Волк» недоуменно пожал плечами.

Через некоторое время листы архива были неожиданно обнаружены в доме метеостанции под обоями, они были заложены туда для отепления.

Архив станции нужен был Дмитрию Мартиниановичу не ради любопытства: он знал, что граница земледелия проходит там, где средняя температура воздуха летом составляет примерно +12°. Где же лежит Обдорск — по ту или по эту сторону «границы»? Архивы должны были дать ответ.

Многолетние данные станции показали: Обдорск лежит как раз «на границе». Местного же опыта земледелия не было. Жила в Обдорске легенда, будто в 1600 году князек обских хантов Тайшин был в Москве и бил челом русскому царю. Царь обласкал Тайшина, князек был крещен, назван Василием и с богатыми подарками, среди которых были бочки с брагой и мешки с ячменем, возвратился домой. В Обдорске свита Тайшина долго пировала, а когда кончилась брага и гости запечалились, спутники Тайшина сказали: «Не горюйте! Будет и в тундре хлеб и брага!» С этими словами они стали разбрасывать по берегу Полуя ячменные зерна. Старый казак, начальник Обдорского острога, взял у хантов зерно и посеял его на полоске, вскопанной вдоль Полуя. Прошло время, появились всходы. А потом ударили заморозки, посев погиб. Так и не увидели ханты, как растет хлеб...

В 1907—1911 годах под Обдорском кое-кто пытался выращивать зерновые культуры, но попытки эти не дали положительных результатов.

Никто не мог ответить Дмитрию Мартиниановичу, возможно ли земледелие в устье Оби. Предстояло самому найти ответ.

Началась кропотливая, упорная работа. Дмитрий Мартинианович выписывал с опытных станций семена, высевал их на своем участке, старался обеспечить как можно лучший уход и ежегодно с волнением и трепетом ждал первых осенних заморозков: выдержат их растения или погибнут?

Растения гибли. Может быть, потому, что Чубынину не встречались раннеспелые и холодоустойчивые сорта? Он все расширял набор опытных культур и сортов в надежде, что рано или поздно среди них встретятся такие, которые ему нужны. Надежды не оправдывались. Должно быть, Обдорск и в самом деле стоял по ту сторону «границы» земледелия.

Но если нельзя сдвинуть Обдорск на юг, может быть, можно переместить эту «границу» на север? Ведь она определена в соответ-

1926 год. Семья Д. М. Чубынина приехала в Обдорск.

ствии с требованиями существующих сортов растений, а если получить новые, более холодоустойчивые, раннеспелые сорта?

В 1930 году был создан Ямало-Ненецкий национальный округ, а Обдорск, центр нового округа, переименовали в Салехард. Население города резко возросло.

Все это настоятельно требовало, чтобы в округе было создано собственное земледелие.

Как раз в эти годы Дмитрий Мартинианович и приступил к выведению новых сортов.

Особенно большое значение имел в местных условиях картофель: его трудно транспортировать с юга, за тысячи километров (он портится в пути, замерзает при выгрузке с судов), а в отдаленные районы округа его не всегда успевают завезти водой до ледостава. Тогда картофель везут олеными упряжками, везут сотни километров по снежной лесотундре, не обращая внимания на то, что клубни давно уже стали твердыми, как камень.

Работу с картофелем начала организованная к тому времени Салехардская опытная станция. И Чубынин и сотрудники станции остановились на сорте «Ранняя роза». Предстояло улучшить этот сорт, приспособить его к местным природным условиям. На опытной станции картофель высаживали, из урожая отбирали самые крупные клубни, а на следующий год высаживали их снова.

Спустя несколько лет было отмечено, что картофель подвергся некоторым изменениям, стал более холодоустойчивым, но изменения оказались столь незначительными, что нельзя было и говорить о появлении нового северного сорта.

Между тем Чубынину удалось резко изменить некоторые свойства «Ранней розы». И удалось сделать это потому, что он отбирал не просто лучшие клубни из общей массы после уборки, а только лучшие клубни от лучших кустов непосредственно во время уборки урожая.

Так возник картофель, который на севере получил наименование «Клон 1822». Теперь он уже довольно широко распространен в оленеводческих колхозах и совхозах округа. Колхоз «Советский Север», Шурышкарского района, собирает этого картофеля до 335 центнеров с гектара. Успешно возделывается новый сорт и в колхозе «За лучший труд» в поселке Аксарка, что севернее Салехарда.

Другой культурой, которой неутомимо занимался полярный земледелец, был ячмень. В первые девять лет Чубынину не удавалось получать семена ячменя, независимо от метеорологических условий лета. Но вот уже 18 лет подряд, с 1936 года, опытник получает зерно ячменя до 20—25 центнеров с гектара. Это ячмени — «Салехардский № 1» и «Салехардский № 3».

Можно подумать: нехитрое же дело совершил опытник. А между тем сколько наблюдений, размышлений, неудач предшествовало этой победе!

Есть такой чрезвычайно распространенный сорняк — ярутка. Как корм она не представляет ценности. Но Дмитрий Мартинианович обратил внимание на другое обстоятельство: семена ярутки содержат большой процент жира. И вот в руках полярного опытника сорняк становится масляничной культурой. Чубынин возделывает ярутку так же любовно, как и культурные растения. Свои очередные отпуска он проводит в Москве. Полярник просит научно-исследовательские учреждения помочь ему положить под пресс семена ярутки. Наконец ему помогли, и была получена первая проба масла из ярутки.

Теперь обратимся к любопытному документу, составленному в Салехарде 27 февраля 1951 года. Читаем: «Вкусовые качества консервов в масле ярутки выше других представленных образцов. Консервы по вкусу приближаются к шпротам. Считаем, что осветленное масло ярутки с успехом может применяться для приготовления консервов». Это протокол дегустационного совещания при Салехардском рыбоконсервном комбинате. Итак, сотни миллионов банок консервов могут быть приготовлены нашими северными предприятиями на местном дешевом масле! Но это не все. Оказывается, скот прекрасно поедает яруточный жмых, хорошо оплачивая его молоком. На Крайнем Севере ярутка чувствует себя, как дома: семена ее прекрасно зимуют в грунте; едва только сходит снег, как она дает всходы, а уже в июле — семена.

Семья Чубыниных собиралась прожить на севере всего три года. Но прошло уже более четверти века их работы в Салехарде. В 1930 году нельзя было уехать с севера потому, что был создан Ямало-Ненецкий национальный округ. В новом округе на Дмитрия Мартиниановича возлагалась большая работа, и Чубынины задержались на севере.

Перед войной Дмитрий Мартинианович был награжден Большой Золотой медалью за участие на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. В 1950 году получил орден Трудового Красного Знамени. Дмитрий Мартинианович не покинул север, решив довести до конца начатые опыты.

Земля на севере, как никакая другая, скупо дарит того, кто на ней работает. Не потому ли так дорога стала эта земля человеку, который сумел заставить ее отозваться на свой труд?

Дети Чубынина пошли по стопам отца. Владимир, демобилизовавшись из армии, работает синоптиком на далекой полярной станции Хатанга, дочь Шура заканчивает Тимирязевскую сельскохозяйственную академию.

Когда густой, протяжный гудок парохода катится над городом, оповещая о том, что кто-то, быть может, навсегда, расстается с севером, в домике по улице Некрасова наступает минутная тишина, такая же, какую по русскому обычаю сохраняют люди, покидая свой дом... И долго стоит у окна седой человек, провожая взглядом пароход, а потом возвращается к своим повседневным трудам на метеорологической станции, на опытном участке.

Человек этот достиг многого, он избран депутатом окружного совета, о нем написаны статьи и очерки, а его книжка об опыте растениеводства на Крайнем Севере издана в Москве.

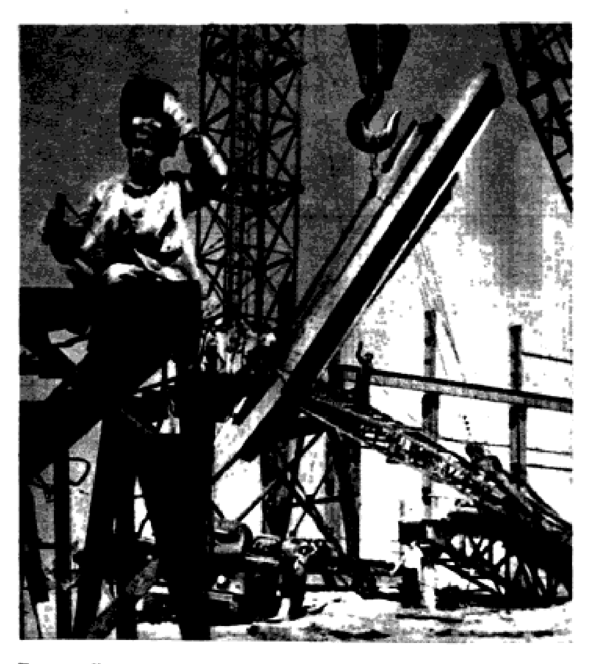
Есть у Дмитрия Мартиниановича хорошие друзья. Полковник в отставке Меховых просит испытать в условиях Салехарда выведенный им в Челябинске новый сорт редиски. И Чубынин испытывает. Оказывается, что редиска прекрасно вызревает в комнатных ящиках, а уже в марте, с наступлением тепла, ее можно высаживать в открытый грунт. Комсомолка Галя Николаева работает на высокогорной опытной станции на Памире. Там она ведет испытание чубынинских ячменей. Каждое ее письмо — радостное событие в доме полярного земледельца. Академик Н. В. Цицин присылает семена пшенично-пырейных гибридов. Эти гибриды растут прямо перед окнами Д. М. Чубынина. Бухгалтер оленеводческого совхоза Есин на берегу Обской губы, в еще более суровых условиях, повторяет опыты Чубынина.

Все это друзья...

Но бывает, к сожалению, и так, что косность людей, которые по долгу службы, казалось бы, должны поддерживать новатора, оказывается опаснее, чем суровый полярный климат. Ведь до сих пор масло ярутки так и не применяется в консервной промышленности,— никто не возражает против него, но никто не внедряет его в производство. Прекрасные результаты дала работа Чубынина с картофелем и ячменем, но до сих пор картофель «Клон 1822» и ячмень «Салехардский» не прошли официального сортоиспытания. Некому, оказывается, обратиться с просьбой в соответствующие инстанции. Это должна бы сделать Салехардская опытная станция, но она не считает чубынинские сорта «своими», не проявляет никакой заботы о широком внедрении их в колхозное и совхозное производство. Более того, совсем недавно работники станции, люди с учеными степенями, вызвали Чубынина и, как говорят, «проработали» его. Они строго экзаменовали старого опытника, высказали немало резких суждений о его многолетних трудах, сделали куда как много пожеланий и даже сочли нужным упомянуть о том, что они... против участия Д. М. Чубынина на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Однако Д. М. Чубынин утвержден участником выставки. Плоды его трудов должны стать достоянием колхозов и совхозов севера.

На стройке Камышинского комбината

Лучший электросварщик участка № 2 Алексей Зотов на монтаже ТЭЦ.

На берегу Волги, между Саратовом и Сталинградом, раскинулся районный центр Камышин, в прошлом ничем не примечательный, кроме своих арбузов. Но вот два года назад сотни эшелонов с разнообразными машинами и материалами двинулись по адресу: «Город Камышин, строительная площадка текстильного комбината»...

На северной окраине Камышина началось сооружение комбината хлопчатобумажных тканей. Со всех республик съезжались сюда люди. На двадцати пяти языках говорят строители комбината, что не мешает им дружно и слаженно трудиться.

Тому, кто не был полтора — два года в Камышине, трудно поверить в происходящие перемены. В степи вырос большой рабочий поселок с широкими улицами, обрамленными деревьями, с многоэтажными благоустроенными домами. Для строителей и будущих текстильщиков построены клуб, столовая, магазины, детские сады, ясли, сооружается Дом культуры на тысячу мест, больничный городок, текстильный техникум, шесть школ. А рядом с поселком на площади в несколько тысяч квадратных метров поднимаются стены текстильных фабрик.

Новый комбинат по мощности ткацкого оборудования превзойдет все текстильные предприятия города Иванова. Здесь будет выпускаться в сутки около миллиона метров тканей. Это свыше 200 тысяч платьев из батиста, вуали, сатина, вельвета-рубчика, полубархата различных расцветок.

Сейчас на строительстве ответственный период. В сентябре начат монтаж оборудования прядильно-ткацкой фабрики № 1. До конца года она должна дать 800 тонн пряжи. Закончена кладка стен фабрики. Строители сооружают крышу, бетонируют полы, возводят склады. На стройку прибывают специалисты-текстильщики. 500 жителей Камышина обучаются ткацкому делу на различных предприятиях страны. Они первыми начнут работать на новом комбинате.

М. ГОЛОВКО

Прядильщица Раиса Касьянова приехала на строительство Камышинского комбината из города Фрунзе. Сейчас она работает бетонщицей, но когда комбинат вступит в строй, Раиса вернется к своей прежней профессии.

Фото Ю. Яковлева.

Генри Фильдинг

К двухсотлетию со дня смерти

Великий английский сатирик Генри Фильдинг сумел заглянуть дальше своего времени. Высокая человечность, искреннее чувство и острый ум лежали в основе той критики, которой писатель подверг буржуазно-дворянское общество XVIII века. Фильдинг, как никто иной, исключая разве Джонатана Свифта, сумел увидеть и понять характернейшие черты своей эпохи.

Ни у одного из современных Фильдингу литераторов не было столько недоброжелателей, как у него. И действительно, трудно было ему ожидать сочувственного отзыва от людей, убежденных в совершенстве тогдашнего общественного порядка, от толпы взяточников и лицемеров, торгашей и невежд, прямо или косвенно разоблаченных в его произведениях. Почти никто из литературных авторитетов того времени не сказал о Фильдинге доброго слова, и, тем не менее, можно с полным правом говорить об огромном прижизненном успехе замечательного сатирика. Писатель предпочитал не отвечать на злобные инсинуации, которые со всех сторон изливались по его адресу. Ответом на них были пять в течение одного года прижизненных изданий «Тома Джонса», двадцать переизданий различных произведений Фильдинга в первые двадцать лет после его смерти.

Генри Фильдинг родился 22 апреля 1707 года в семье майора Эдмунда Фильдинга, гордившейся происхождением от графов Денби. Сам писатель вспоминал о своем аристократическом происхождении не иначе, как с насмешкой. Несмотря на пышное генеалогическое древо, семья была бедна. Будущему писателю пришлось уйти из Лейденского университета, где он успел проучиться лишь полтора года, и окунуться в жестокую действительность лондонских будней.

Тяжелая, полная напряженного труда и неуверенности в завтрашнем дне жизнь, выпавшая на долю Фильдинга, принесла ему исключительное знание людей своего времени и своей страны. «Едва ли хоть одно из выведенных лиц или действий не взяты мною из собственных наблюдений и опыта»,— писал Фильдинг. Он был хорошо знаком с бытом сельских сквайров, считавших себя оплотом нации, но по-настоящему приверженных только к лисьей охоте и пивной кружке; плутоватых и богобоязненных купцов; нищей литературной братии, ютившейся на чердаках улицы Граб-стрит, и «великих мира сего», заселявших Сент-Джемский квартал. Он знал жизнь лондонской улицы и большой дороги, тюрем и воровских притонов. И весь свой огромный жизненный опыт он передал читателю.

Фильдинг начал как драматург. Первые его комедии посвящены критике моральных норм, царящих в английском буржуазно-дворянском обществе. Писатель издевается над корыстным отцом, мечтающим дожить до той поры, «когда человек сможет отвести свою дочь на рынок на столь же законном основании, как и любую скотину», над людьми, «которые умеют приобрести сотню тысяч фунтов, хотя навряд ли способны написать эту цифру», над ханжой и кокеткой, светским шаркуном и «веселым ничтожеством»,

Что делом в жизнь не занимался,
Лишь пил, да жрал,
Храпел, орал,
По девкам и пивным таскался.

Зритель попадает в особняки лондонских толстосумов, в конторы маклеров, в парки, где знатные дамы ищут приключений, скрыв лица под масками...

От пьесы к пьесе молодой драматург видит все более глубокие корни того презрения к подлинным моральным ценностям, того корыстолюбия, ханжества и лицемерия, которые он наблюдал вокруг себя.

В комедии «Исторический календарь» (1737) автор приводит зрителя на аукцион, где продаются товары необычного свойства: «в высшей степени любопытный остаток политической честности», «тончайшего сукна патриотизм», «три грана скромности», «чистая совесть». Стоя на возвышении, аукционист расхваливает свои товары, пытаясь найти покупателей. Политическая честность «на обе стороны одинакова — выворачивайте сколько душе угодно». «Патриотизм», напротив, «с изнанки совсем не такой, как с лица», и его можно поэтому носить, не рискуя угодить под суд. «Очень чистая совесть», которая побывала уже у судьи и епископа, оказывается, потому только осталась чистой, что «никакая грязь к

ГЕНРИ ФИЛЬДИНГ.
Гравюра работы Фримена.

ней не пристает». К тому же «здесь столько совести, что ее на всё хватит».

«Политическая честность» достается лорду «И вашим и нашим». Обзавестись патриотизмом никто не решается. Не удается сбыть и скромность: ни одна из присутствующих на торгах дам просто не знает, что это такое. Что же касается совести, то каждый из присутствующих готов приплатить, чтобы избавиться от своей собственной...

В 1734 году, в самый разгар избирательной кампании, появилась на сцене театра Хеймаркет пьеса Фильдинга «Дон Кихот в Англии». Газеты были полны сообщений о подкупе избирателей, о готовящейся подтасовке голосов, о всех мошенничествах, которыми издавна сопровождаются буржуазные выборы. Сообщалось, например, что один избиратель получил от кандидата в парламент десять фунтов с запиской, которая содержала просьбу... не считать эти деньги взяткой.

Публика горячо приняла сцены «Дон Кихота в Англии», в которых герой Сервантеса неожиданно для себя оказался в центре избирательной борьбы. Члены избирательной корпорации, зная, что у них в округе баллотируются кандидаты только одной партии, и опасаясь, что, раз не будет предвыборной борьбы, не будет и подкупа избирателей, решают предложить Дон Кихоту выдвинуть свою кандидатуру в парламент. «А что он сумасшедший, неважно, раз он не в Бедламе» (сумасшедшем доме).

«Дон Кихот в Англии» и «Пасквин» (1736) Фильдинга натолкнули замечательного английского художника XVIII века Хогарта на мысль о создании знаменитой сатирической серии гравюр «Выборы».

В каждой из своих двадцати пяти пьес Фильдинг сатирически изображает какой-нибудь уголок современной ему Англии, где судьи «ни одного порока не наказывают, кроме бедности», где процветание верхов общества основано на «пороках, нищете, страданиях прочих людей», а «богатство и власть приходят к одному ценою гибели тысяч». Мораль этого общества, говорит Фильдинг, может быть передана краткой, но выразительной формулой: «Кто богат — у того нет пороков. Кто беден — у того нет достоинств».

Правящие круги позаботились о том, чтобы заткнуть рот драматургу-сатирику. В 1737 году правительство Р. Уолпола протащило через парламент закон о театральной цензуре, направленный в первую очередь против Фильдинга. Театр Хеймаркет, которым он руководил, был закрыт.

Популярность Фильдинга была к тому времени настолько велика, что публика ответила на издание этого закона организованным выступлением в защиту любимого писателя. Когда здание театра Хеймаркет заняла новая труппа, власти предусмотрительно отрядили на первый спектакль судью и роту солдат во главе с полковником. И все же зрители не дали актерам произнести ни слова. Публика неистовствовала: закидывала сцену заранее припасенным горохом, кричала, стучала тростями. Когда посреди темного зала возникла фигура судьи со свечой в одной руке и экземпляром «акта о мятеже» в другой (не зачитав его, нельзя было, согласно законодательству того времени, начать расправу с «бунтовщиками»), зрители задули свечу и покинули зал, распевая сатирическую песню Фильдинга «Старый английский ростбиф».

Изгнанный из театра, Фильдинг, однако, не оставил пера сатирика.

В 1721 году в Лондоне был повешен глава разбойничьей шайки и скупщик краденого Джонатан Уайльд. Личность эта была в своем роде знаменитая. В 1748 году о нем упоминает устами одного из персонажей своего романа «Родрик Рендом» Тобайас Смоллет. Биография Уайльда была описана Даниэлем Дефо. По-своему принялся за жизнеописание этого разбойника и Фильдинг.

На протяжении всего романа «История жизни Джонатана Уайльда Великого» (1741—1743) он доказывал, что отношения Уайльда со своей шайкой ничем не отличаются от отношений между политическими деятелями, а ограбление публики и управление буржуазным государством — почти одно и то же.

Писатель касается чуть не всех сторон жизни современного ему буржуазного общества. Он разоблачает ханжество, лицемерие, моральную распущенность «высшего света», показывает, что трудящиеся получают не плату за свой труд, а лишь «скромное вспомоществование», дабы они не умерли с голоду и хозяева имели возможность эксплуатировать их впредь.

С гневом и ненавистью говорит автор о завоевателях, которые, «возглавив множество воров, именуемых войском, отправляются уничтожать своих соседей и производить грабежи, насилия, кровопролитие среди себе подобных».

Работая в тот же период над переводом «Истории Карла XII», Фильдинг обратил внимание на то, что в Швеции существовали партии «шапок» и «шляп». Этот исторический факт он немедленно использовал в своем романе для того, чтобы разоблачить английскую двупартийную систему. Все буржуазные деятели

изображаются им как единая шайка разбойников, члены которой, впрочем, несколько не сходятся во вкусах: одни из них предпочитают шляпы с опущенными, другие — с лихо заломленными полями. Грабителям чрезвычайно выгодно, когда публика сама начинает вмешиваться в их споры, не понимая, что ее кошельки равно интересуют обе партии — независимо от фасона шляп.

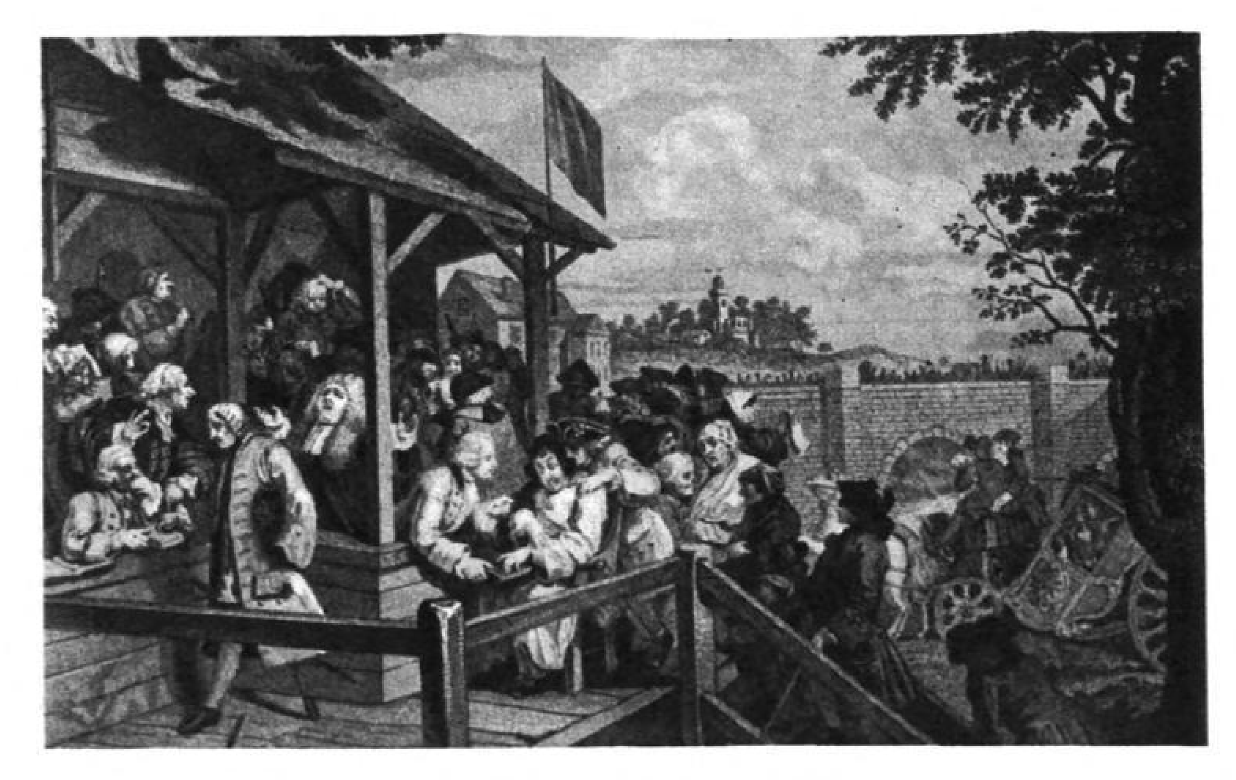
В 1742 и 1749 годах появились «История приключений Джозефа Эндрюса и его друга Абраама Адамса» и «История Тома Джонса найденыша», доставившие Фильдингу славу творца современного реалистического романа.

Фильдинг сам неоднократно говорил, что он создал новый литературный жанр. И действительно, прежде английский реалистический роман имел либо форму романа в письмах, либо форму записок главного героя. Фильдинг первый повел повествование от автора, прерывая рассказ, чтобы обсудить с читателем поступки действующих лиц, поведать ему о событиях, которые произошли в то же время в другой части страны, поиздеваться над преуспевающим кулаком-пастором и посетовать над злоключениями любимого героя.

Кто же они, любимцы Фильдинга? Выгнанный за свое целомудрие из богатого дома лакей Джозеф; его возлюбленная Фанни, деревенская девушка с руками, загрубелыми от работы; и его друг, нищий священник Адамс, на каждом шагу терпящий удары судьбы, но непоколебимо уверенный в людской добродетели, готовый — чего бы то ни стоило! — защитить всех оскорбленных и обиженных; подкидыш Том Джонс и его возлюбленная Софья Уэстерн, бежавшая из отцовского помещичьего дома. В поисках счастья они путешествуют по стране — иногда в дилижансе, но чаще пешком, без гроша в кармане. Им и таким, как они, открыты высокие чувства любви, чести, справедливости. Им, а с ними и читателю Фильдинга открываются все стороны тогдашней английской жизни.

«Джозеф Эндрюс» и «Том Джонс» не отличаются такой широтой политических и социальных обобщений, как «Джонатан Уайльд». Фильдинг в этих романах говорит по преимуществу о частных отношениях людей, но и через них он умеет увидеть отношения общественные.

Свои романы Фильдинг называл «комическими эпопеями». Однако понятие смешного, как его определяет писатель, содержит явный сатирический смысл. Смешное — это «если открывается, что человек представляет собой нечто как раз обратное тому, чем он притворялся». Смешны претензии буржуа на добродетель, дворянина — на честь, смешны попытки видеть эти классы такими, какими они пытаются себя изобразить.

В. Хогарт. ГОЛОСОВАНИЕ. Из цикла «Выборы».

И все же Фильдинг еще не теряет веры в будущее этого общества. Ему кажется, что настанет момент, когда люди, осознав свои истинные интересы, перестанут угнетать и притеснять друг друга, что возможно общество мелких собственников без тех хищнических отношений, которые неминуемо порождает собственничество.

Однако сомнения не раз охватывают его и в этот период.

В романе «Джозеф Эндрюс» есть один знаменательный эпизод. Не искушенный в философских тонкостях молодой человек, мистер Вильсон, вошел в общество, которому, как он полагает, удалось отыскать пути к человеческому счастью. Члены этого общества решили, отказавшись от библейских догм, строить свою жизнь согласно велениям разума и следовать некоему «Принципу Справедливости». Вскоре, однако, Вильсон с удивлением замечает, что один из исповедующих этот принцип сбежал с чужой женой, другой взял деньги взаймы и отрекся от долга, третий покинул общество, предоставив остальным расплачиваться по его счетам. С еще большим удивлением он узнает, что, оказывается, при помощи несложных логических ходов эти люди без труда согласуют свои поступки с пресловутым «Принципом Справедливости»...

От года к году Фильдинг все острее чувствует, что мечты просветителей о царстве справедливости, свободы, всеобщего благосостояния плохо согласуются с реальной действительностью Англии XVIII века, а просветительская идея «здравого смысла», который должен привести людей к пониманию высокой роли человека в жизни, к подлинному гуманизму, вырождается в подлый буржуазный практицизм. Не честный и благородный человек преуспевает в буржуазном обществе, а проходимец, вор, плут. Не высокие человеческие качества поощряет оно, а, напротив, толкает людей к низости и своекорыстию.

Фильдинг постепенно приходит к выводу, что для преобразования общества надо изменить самый характер царящих в нем экономических отношений между людьми. В одном из своих памфлетов, написанных незадолго перед смертью, он заявляет, что подлинное благоденствие на земле станет возможно только тогда, когда исчезнут деньги, а с ними вместе и классовые различия. «Где нет богатых, нет и бедных,— пишет он,— ибо провидение в мудрости своей обеспечило полный достаток жителям каждой страны; где никто не владеет слишком многим, никто не живет в нужде».

Этот памфлет озаглавлен «Письмо из Бедлама». Рассказав читателям, как прекрасен был бы мир, из которого исчезли бы деньги, Фильдинг сам же говорит о неосуществимости подобных мечтаний. Отвергая буржуазное общество, он не видел, да и не мог увидеть в то время возможности создания иного общества. В этом была его трагедия — трагедия большого реалиста, честного человека.

В творчестве писателя наступает глубокий кризис. В 1751 году он опубликовал роман «Амалия», в котором отказался от своих гуманистических идей и требовал обуздать «порочного человека» религией. Это был последний роман Фильдинга. Он сам понимал, что его творческий путь завершен, и торжественно обещал, что «никогда больше не обременит мир новыми детьми от той же музы». За три года, которые прошли со времени опубликования «Амалии» до смерти писателя, он не предпринял больше ни одной попытки вернуться к художественной литературе.

Фильдинг умер 8 октября 1754 года, на сорок восьмом году жизни. Но такие люди, как Фильдинг, продолжают жить в работе, мыслях, борьбе новых поколений.

Среди представителей передовой английской литературы, издавна завоевавшей симпатии читателей всех стран света своей любовью к человеку, свободолюбием и замечательной силой реализма, Генри Фильдинг занимает выдающееся место. Недаром Всемирный Совет Мира, выступающий от имени сотен миллионов людей, постановил широко отметить двухсотлетие со дня смерти великого английского писателя.

Ю. КАГАРЛИЦКИЙ

В. Хогарт. ПРЕДВЫБОРНОЕ УГОЩЕНЬЕ. Из цикла «Выборы».

Село Черкасово

Ирина **ВОЛОБУЕВА**

Рисунки О. Верейского.

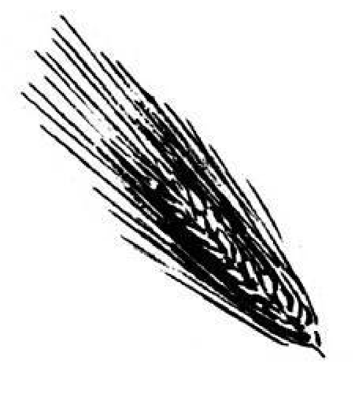
Комбайн

Вдруг неожиданно — к закату —
Загрохотал комбайн во ржи,
И словно темную заплату
На желтой ниве положил.

Потом направился обратно,
Осматривая берега,
И в чистом поле аккуратно
Соломы высадил стога.

Замешкался на повороте
И вновь пробил в колосьях
путь.
В недобросовестной работе
Нельзя машину упрекнуть.

И, не сводя с комбайна взгляда,
Сказал мальчишка горячо:
— Он сразу делает, что надо,
Вот только булок не печет!

Колос

Сегодня работают даже
серпами:
Зерно б не пропало в такую
погоду!
А мальчики, в речке болтая
ногами,
Забросили колос в прозрачную
воду.

Он плыл по теченью легко и
проворно,
Как будто с надутыми парусами,
Плотней прижимая набухшие
зерна,
Отпугивал рыб золотыми усами.

В цветастых косынках
вспотевшие жницы
Кричали, глазами его провожая:
— Плыви, золотистый, до самой
столицы
И весть донеси о большом
урожае!

Гармонист

У окон, где трава истоптана,
У деревушки на краю,
Наш гармонист всегда
безропотно
Берет гармонику свою.

В ночи выводит со старанием
При взгляде пристальном луны
Традиционное «Страдание»
И вальс, заученный с войны.

Она — любовь его жестокая —
В другом селении живет...
Тоска по ней — река широкая,
Глаза ее — как синий лед.

Он все свои переживания
Вложил с той памятной весны
В традиционное «Страдание»
И вальс, заученный с войны.

Играет, — даже безголосые
Гармошке подпевают в лад,
И жарче девушки курносые
Глядят, вздыхая, на ребят.

Кино

Закат у сосен на вершинах
Погас, и сделалось темно.
Спешит закрытая машина
С веселой надписью «Кино».

Шофер дорогу мерит взглядом,
В село летит сигнальный гуд,
В кусты шарахается стадо,
Мальчишки с гиканьем бегут.

Уже расклеены афишки
На электрических столбах.
Встречая кинопередвижку,
Сияет клубная изба.

Механик прочно стал у входа —
Он и кассир и контролер, —
Он с прибывающим народом
Ведет по-свойски разговор.

Когда во тьме изображенье
Мутней на гладком полотне,
Стыдясь за слабость
напряженья
(Как будто по его вине),

Он объясняет всем без света
Пропущенных моментов суть,
Чтоб не терялась нить сюжета
Кинокартины «Светлый путь».

Почтальон

По круглым бревнам, как по
кочкам...
Почти что целую версту,
Как будто о пустую бочку,
Стучат колеса на мосту.

И вдруг легко летят по склону
В упругий холод ветерка...
В телеге трутся о бидоны
Хлебов печеные бока.

Пока в черкасовском сельмаге
Кладут буханки под навес,
И на расчерченной бумаге
Определяют точный вес,

И молоко, журча, в бидоны
Переливается в углу,
Возница в роли почтальона
Развозит письма по селу.

Он не уедет без ответов.
...Я ухожу за речку, в рожь.
Неужто ты и в это лето
Мне ни словечка не черкнешь!..

Пословицы и поговорки индонезийского народа

Язык жителей Индонезии красив, звучен и необычайно своеобразен. Речь индонезийцев изобилует меткими сравнениями, выразительными поговорками, остроумными пословицами. В этих пословицах и поговорках нередко фигурируют животные: слоны, тигры, обезьяны, крокодилы, — всевозможные тропические птицы и рыбы...

Мы ограничимся лишь немногими примерами, но и они могут дать читателю некоторое представление об индонезийском фольклоре.

«Греби вниз по течению, и над тобой будут смеяться крокодилы», — говорят индонезийцы, когда кто-нибудь проявляет излишнее усердие не там, где нужно.

Мы говорим: «Ученого учить — только портить»; в Индонезии ту же мысль выражают пословицей: «Нечего учить крокодиленка плавать, он и так это умеет делать».

Наша поговорка гласит: «Из огня да в полымя», — а индонезийцы говорят: «Вырвался из пасти крокодила, угодил в пасть к тигру».

А вот еще несколько схожих по смыслу, хотя и различных по форме русских и индонезийских пословиц и поговорок:

«Конь о четырех ногах, да спотыкается».
«Очень ловко белка прыгает, а все-таки иной раз срывается».

«Черного кобеля не вымоешь добела».
«Ворону хоть в розовой воде купай, белыми ее перья все равно не станут».

«Нет дыма без огня».
«Если ветер не дует, то и дерево не качается».

«...Когда рак свистнет».
«Ждать, пока у кота вырастут рога».

«Метать бисер перед свиньями».
«Зачем павлину распускать свой хвост в лесу?»

Когда умный человек обращается за разъяснением к глупому или сильный ищет защиты у слабого, в Индонезии говорят: «Дождь льет с земли на небо». О людях, которые ничего не видят дальше своего носа, принято говорить: «Сидит лягушка под скорлупой кокосового ореха и думает, что там весь мир».

«Разве из чистого озера может вытекать грязная вода?» — эта поговорка направлена против сквернословия.

«Вошь разглядит и за морем, а слона на собственном глазу не видит» — это уже против тех, кто не замечает своих собственных недостатков.

А вот еще несколько примеров, в комментариях не нуждающихся:

«Обезьяна раздобыла цветок, да только что она в нем понимает?»

«И безрогую корову дразнить не следует».

«Сколько бы собака ни лаяла, гора от этого не рухнет».

«С виду тигр, а в душе мышонок».

«Есть поле — есть и кузнечики».

«Тигренку не стать козленком».

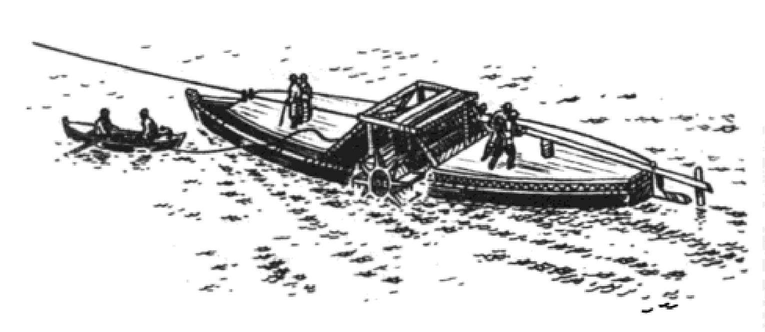
«Солнце мякиной не засыплешь».

«В чистой воде и рыба ручная».

«Пусть на чужбине идет золотой дождь, а у нас каменный, все равно на родине лучше».

В. ОСТРОВСКИЙ

«Водоход» И. П. Кулибина

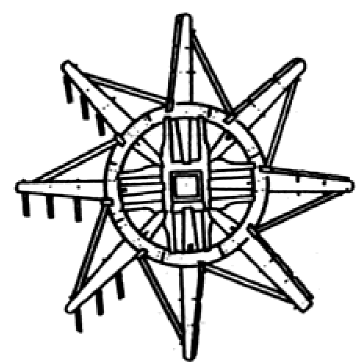
Сто пятьдесят лет назад в один из осенних дней 1804 года толпы народа заполнили берега Волги у Нижнего-Новгорода. По реке против течения шла необычная баржа с грузом. Разглядев на палубе человека в длиннополом кафтане, нижегородцы шумно приветствовали создателя нового типа судна — «водохода», — своего земляка, известного изобретателя Ивана Петровича Кулибина.

Члены специальной комиссии во главе с губернатором, испытывавшие «машинное судно» Кулибина, признали его «обещающим великие выгоды государству» и выдали конструктору письменное свидетельство.

Над созданием новых видов водного транспорта давно трудились ученые во многих странах. Еще в 1753 году Парижская академия наук объявила конкурс на конструкцию судна, движущегося не с помощью парусов, а какой-либо иной силы. Многочисленные попытки построить самодвижущееся судно, в том числе и судно с паровым двигателем, не увенчались успехом потому, что конструкторам не удавалось найти подходящий образец движителя — устройства, передающего усилие двигателя на воду.

Эту проблему, от которой зависела судьба будущего самоходного речного и морского флота, разрешил гениальный русский самоучка, механик-изобретатель И. П. Кулибин. Сконструированное им вододействующее колесо с подвижными лопатками было удачной и совершенно оригинальной попыткой решения задачи, стоявшей перед судостроителями того времени.

«Водоходное» судно, движимое силой самого течения, Кулибин впервые построил еще в 1782 году в Петербурге. Испытание на Неве прошло вполне удачно, однако требовательный к себе Кулибин решил продолжать работу по дальнейшему усовершенствованию судна. Его самоотверженный труд завершился к 1804 году еще большей удачей.

Устройство в «водоходе» Кулибина «двигательных колес» с самоустанавливающимися лопастями, хотя и служило первоначально двигателем, было использовано впоследствии в качестве судовых движителей.

Как и многие другие труды гениальных русских самородков, практически «водоход» Кулибина не нашел все же применения в России, но созданный им движитель в виде гребного колеса послужил основой для возникновения и развития самоходного речного флота во всем мире

Н. НИКОЛАЕВ

Данил АТНИЛОВ

Луна, как ломтик дагестанской дыни,
Лежит на тучке, маленькой и синей.

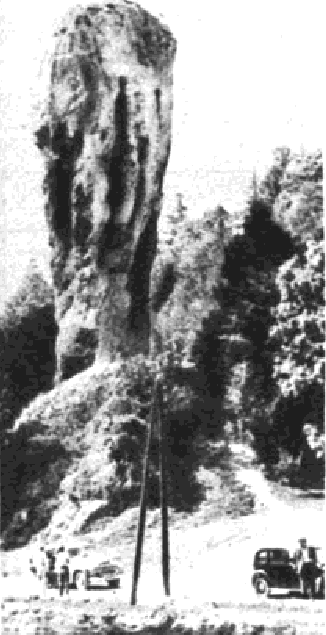
— Опять луна!— взовьется критик строгий.
О критик! Поклонюсь тебе я в ноги,
И, чтоб меня ты не ругал совсем,
Возьму луну и, словно дыню, съем.

Эх, горе-критик! Разве в силах ты понять,
Как все влюбленные тут станут горевать!

Перевел с татского
Александр ТВЕРСКОЙ.

Из почты «Огонька»

Дубина Геркулеса

В Польше мне пришлось видеть весьма любопытную скалу. Ее своеобразная форма, возможно, заинтересует читателей «Огонька».

В окрестностях Кракова, недалеко от старого замка «Пескова скала», на берегу реки Прондник, торчит скала, называемая дубиной Геркулеса, или Соколицой.

Интересно отметить, что только в 1932 году впервые на ее вершине побывал польский альпинист Леон Витка. Действительно, взобраться на такую скалу очень трудно из-за ее формы и отполированной самой природой поверхности.

А. НИКИТИН

Практические советы

Предохранение стекол от замерзания

С наступлением осени многие читатели «Огонька» обращаются в редакцию с вопросом, как предохранить стекла от замерзания. Отвечаем на этот вопрос.

Теплый комнатный воздух, попадая к холодным стеклам окон, выделяет водяной пар, который, сгущаясь, оседает на стекле. При дальнейшем охлаждении стекол на них расцветают «ледяные пальмы», а если в воздухе много влаги, то постепенно образуются толстые ледяные наросты.

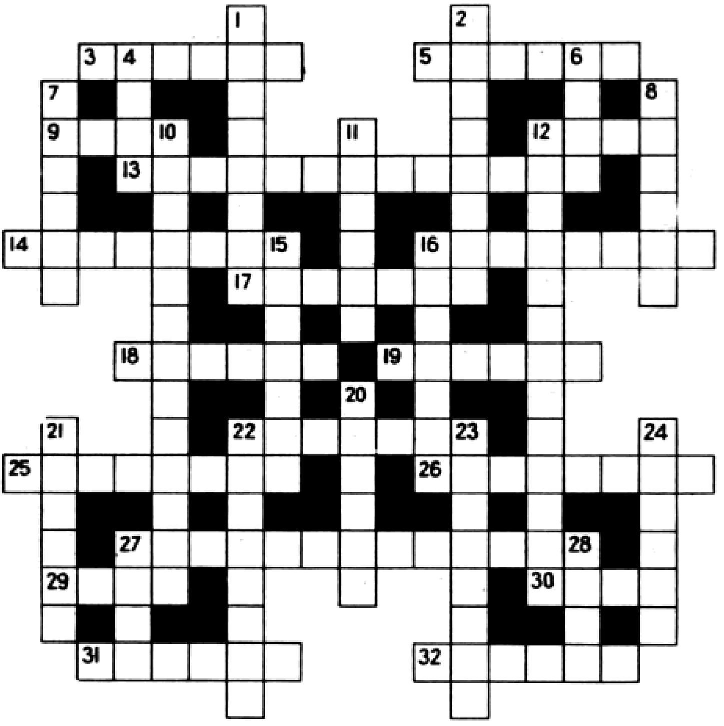
Закрывать окна на зиму следует в сухую погоду, когда рамы и воздух между ними сухи. Между рамами надо поставить один — два стаканчика, до половины наполненные серной кислотой, хорошо поглощающей влагу. Обращаться с этой кислотой надо с большой осторожностью. Можно вместо кислоты насыпать в стаканчики соль, но ее придется часто менять, так как она быстро становится влажной. Практики рекомендуют заклеивать или замазывать только первую, внутреннюю раму, чтобы между рамами не скоплялся и не застаивался теплый воздух, понемногу просачивающийся из комнаты.

М. БОРИСОВ

Несчастный случай на сельскохозяйственной выставке.
Изошутка Е. Ведерникова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Команда корабля, самолета. 5. Кристаллический известняк. 9. Город в Псковской области. 12. Вулкан в Италии. 13. Приверженец. 14. Устное народное творчество. 16. Польский танец. 17. Река и водопад в Америке. 18. Часть суши. 19. Сорт шерстяной ткани. 22. Перешеек на юге СССР. 25. Астрономический прибор. 26. Народный артист СССР. 27. Защита предметов и сооружений от воздействия воды. 29. Приток Оби. 30. Дерево. 31. Спутник Урана. 32. Небольшая промысловая рыба.

По вертикали:

1. Здание для экспонатов на выставке. 2. Основа железобетонных сооружений. 4. Пьеса В. Маяковского. 6. Щетинковидное образование у растений. 7. Взаимное соглашение. 8. Разновидность сорго. 10. Русский химик-органик. 11. Название советской песни. 12. Техническая специальность. 15. Отскакивание снаряда, пули под известным углом. 16. Маслянистая жидкость, получаемая перегонкой древесного или каменноугольного дегтя. 20. Лиственное дерево. 21. Рассказ М. Горького. 22. Короткая трубка, являющаяся отводом в трубопроводах. 23. Скульптурное или архитектурное сооружение. 24. Птица. 27. Отличительный знак государства, города. 28. Небольшая шлюпка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали:

5. Экспонат. 6. Иероглиф. 10. Фарфор. 11. Реформа. 12. Чумиза. 15. Карп. 17. Рисоводство. 18. Сбыт. 19. Миндаль. 20. Посол. 22. Рубанок. 23. Монголка. 24. Сценарий. 28. Монисто. 29. Судья. 30. Опытник. 31. Ложа. 32. Медикаменты. 35. Край. 38. Чесуча. 39. Меринос. 40. Ураган. 41. Пародист. 42. Тутовник.

По вертикали:

1. Устой. 2. Марево. 3. Термос. 4. Плаун. 7. Ванадий. 8. Котовск. 9. Избыток. 13. Письмоносец. 14. Уверенность. 16. Подточина. 18. Статистик. 20. Покос. 21. Лоция. 25. «Соловей». 26. Аджария. 27. Гималаи. 33. Ижевск. 34. Елогуй. 36. Очерк. 37. Арена.

В этом номере на вкладках: репродукции с картин И. И. Левитана «Последние лучи солнца», «Цепь гор. Монблан», С. И. Светославского «К весне», А. А. Рылова «Догорающий костер», А. А. Киселева «Занятная книжка», К. Е. Маковского «Портрет С. Л. Строгановой» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

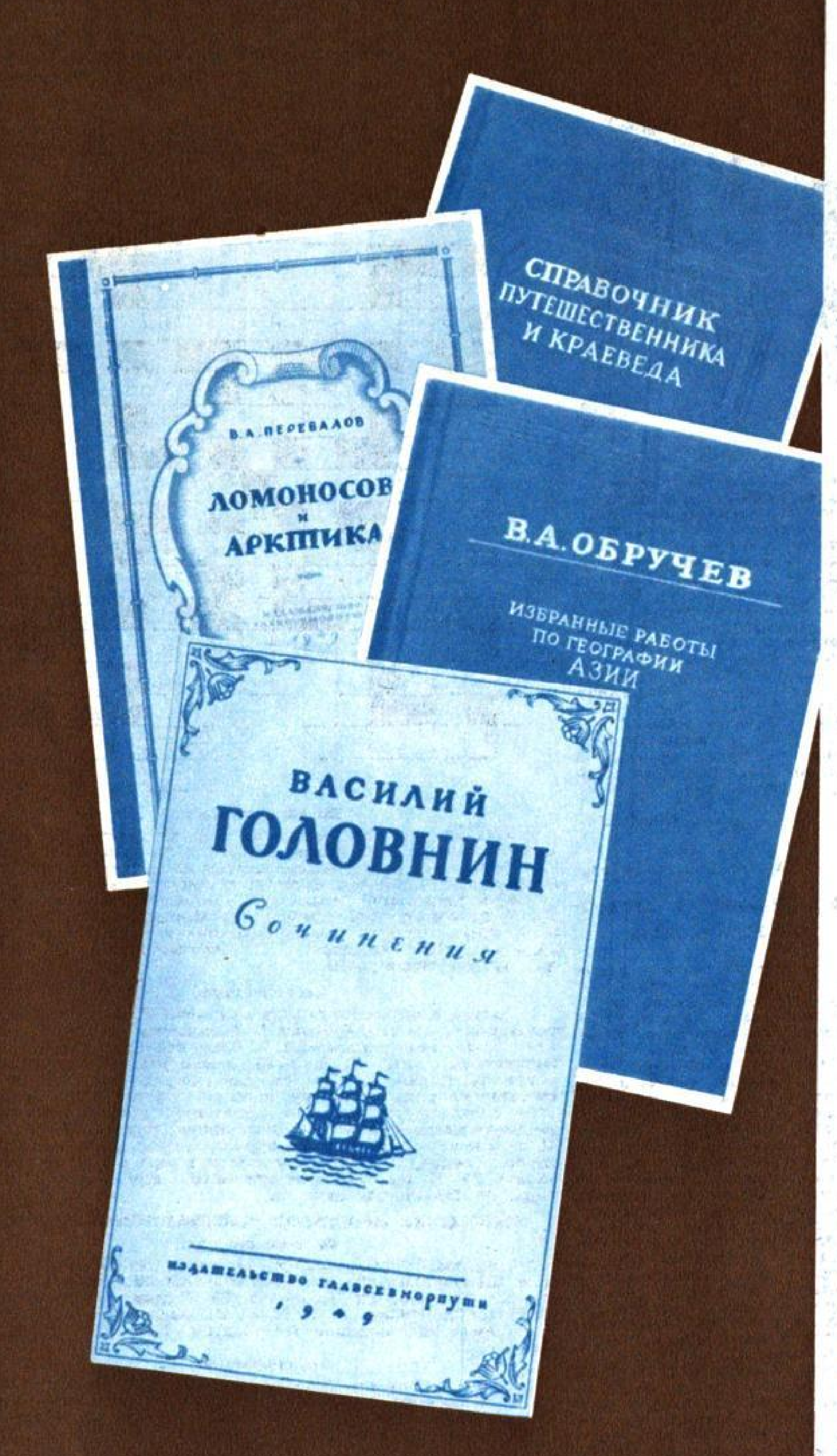
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 06943. Подп. к печ. 28/IX 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. 798. Заказ 2744. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ ПО ГЕОГРАФИИ

БАРКОВ А. **Физическая география частей света. Африка.** Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для географических факультетов педагогических институтов и государственных университетов. Учпедгиз. 1953 г. 319 стр. Ц. 10 р. 25 к.

БЕЙКЕР Д. **История географических открытий и исследований.** Перевод с английского. Изд-во иностранной литературы. 1950 г. 648 стр. Ц. 28 р. 5 к.

БЕЛЕЦКИЙ Е. **Пик Сталина.** История открытия. Географгиз. 1951 г. 172 стр. Ц. 3 р. 55 к.

БЕЛЛИНСГАУЗЕН Ф. **Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах «Востоке» и «Мирном» под начальством капитана Беллинсгаузена, командира шлюпа «Восток».** Географгиз. 1949 г. 360 стр. Ц. 12 р. 30 к.

БЕНДЕР Н. **Имена русских людей на карте мира.** Географгиз. 1948 г. 160 стр. Ц. 2 р. 95 к.

ВАСИЛЬЕВ Н. **Соединенные Штаты Америки.** Популярный очерк. Географгиз. 1953 г. 263 стр. Ц. 7 р. 75 к.

ВИТВИЦКИЙ Г. **Климаты Северной Америки.** Географгиз. 1953 г. 288 стр. Ц. 11 р. 35 к.

ВЛОДАВЕЦ В. **Вулканы Советского Союза.** Географгиз. 1949 г. 164 стр. Ц. 2 р. 10 к.

ГОЛОВНИН В. **Сочинения. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное в 1807, 1808 и 1809 гг. В плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818, и 1819 гг.** С приложением описания примечательных кораблекрушений, в разные времена претерпенных русскими мореплавателями. Изд-во Главсевморпути. 1949 г. 508 стр. Ц. 17 р. 85 к.

МАКАРОВ С. **Океанографические работы.** Об обмене вод Черного и Средиземного морей. «Витязь» и Тихий океан. Гидрологические исследования, произведенные в 1895 и 1896 гг. в Лаперузовом проливе и в других местах. Географгиз. 1950 г. 278 стр. Ц. 11 р. 45 к.

МИЛЬКОВ Ф. **П. И. Рычков. Жизнь и географические труды.** Географгиз. 1953 г. 144 стр. Ц. 2 р. 50 к.

МОРЕТТ Ф. **Экваториальная Восточная и Южная Африка.** Сокращенный перевод с французского. Изд-во иностранной литературы. 1951 г. 446 стр. Ц. 26 р.

ОБРУЧЕВ В. **Избранные работы по географии Азии.** Том. первый. Географгиз. 1951 г. 504 стр. Ц. 17 р. 30 к.

ОБРУЧЕВ В. **Избранные работы по географии Азии.** Том второй. Географгиз. 1951 г. 400 стр. Ц. 13 р. 95 к.

ОБРУЧЕВ В. **Избранные работы по географии Азии.** Том третий. Географгиз. 1951 г. 392 стр. Ц. 12 р. 90 к.

Очерки природы Подмосковья и Московской области. Климат, геология, геоморфология почвы и животный мир. Изд-во Московского общества испытателей природы. 1947 г. 271 стр. Ц. 10 р. 20 к.

ПАНАДИАДИ А. **Барабинская низменность. Природа, хозяйство и перспективы развития.** Географгиз. 1953 г. 232 стр. + 3 карты. Ц. 9 р. 70 к.

ПЕРЕВАЛОВ В. **Ломоносов и Арктика.** Из истории географической науки и географических открытий. Изд-во Главсевморпути. 1949 г. 504 стр. Ц. 15 р. 30 к.

ПЕТУХОВ А. **А. А. Борзов. Краткий очерк жизни и деятельности.** Географгиз. 1951 г. 168 стр. Ц. 3 р. 40 к.

ПОЛЫНОВ Б. **Географические работы.** Географгиз. 1952 г. 400 стр. Ц. 15 р.

Русские географы и путешественники. Альбом. Под ред. акад. Л. С. Берга. «Искусство». 1949 г. 46 отдельных л. Ц. 22 р. 50 к.

Справочник путешественника и краеведа. Том I. Сост. группой авторов под ред. лауреата Сталинской премии С. В. Обручева. Географгиз. 1949 г. 808 стр. Ц. 20 р. 70 к.

Справочник путешественника и краеведа. Том II. Сост. группой авторов под ред. лауреата Сталинской премии С. В. Обручева. Географгиз. 1950 г. 688 стр. Ц. 18 р. 90 к.

ТАТИЩЕВ В. **Избранные труды по географии России.** Географгиз. 1950 г. 248 стр. Ц. 9 р. 15 к.

ТОМСОН Д. **История древней географии.** Перевод с английского Н. И. Скаткина. Под ред. А. Б. Дитмара и Д. Г. Редера. Изд-во иностранной литературы. 1953 г. 592 стр. Ц. 29 р.

ШИГЕР А. **Административно-территориальное деление зарубежных стран.** Справочник. Ч. I. Европа, Северная и Южная Америка. Географгиз. 1952 г. 272 стр. Ц. 6 р.

ШНАЙДЕР С. **Бирма.** Экономико-географический очерк. Географгиз. 1951 г. 328 стр. Ц. 6 р. 15 к.

Перечисленные книги продаются в магазинах Книготоргов, а также высылаются наложенным платежом отделами «Книга — почтой» республиканских, краевых и областных книготоргов.

ГЛАВКНИГОТОРГ.

Цена номера 3 руб.
СССР